

Учредитель издания:

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Российская правовая академия
Министерства юстиции Российской Федерации»

Главный редактор:

О. И. Александрова, канд. юрид. наук, доцент
O. I. Alexandrova, PhD in law, the assistant prof.

Заместитель главного редактора:

Б. В. Яценко, д-р юрид. наук, проф.
B. V. Yatselenko, the doctor of law, the prof.

Ответственный секретарь:

Г. А. Насимов, канд. юрид. наук, доц.
G. A. Nasimov, PhD in law, the assistant prof.

Редакционная коллегия:

В. Н. Бабенко, д-р ист. наук, проф.;
V. N. Babenko, the doctor of historical sciences, the prof.;

В. А. Виноградов, д-р юрид. наук, проф.;
V. A. Vinogradov, the doctor of law, the prof.;

В. Л. Гейхман, канд. юрид. наук, проф.;
V. L. Geyhman, PhD in law, the prof.;

А. Герлох, проф. (Чехия);
A. Gerloh, the professor (Czech Republic);

Л. Госян, проф. (Китай);
L. Gotsyan, the professor (China);

В. А. Гуреев, д-р юрид. наук, доц.;
V. A. Gureev, the doctor of law, the assistant prof.;

Н. Г. Иванов, д-р юрид. наук, проф.;
N. G. Ivanov, the doctor of law, the prof.;

М. Н. Илюшина, д-р юрид. наук, доц.;
M. N. Ilyushina, the doctor of law, the assistant prof.;

Л. Казертано, проф. (Италия);
L. Kazertano, the professor (Italy);

В. И. Красиков, д-р филос. наук, проф.;
V. I. Krasikov, the doctor of philosophy, the prof.;

А. А. Лебедева, д-р филос. наук,
A. A. Lebedeva, the doctor of philology, the prof.;

Б. Н. Мальков, д-р филос. наук, проф.;
B. N. Malkov, the doctor of philosophy, the prof.;

А. В. Морозов, д-р юрид. наук, проф.;
A. V. Morozov, the doctor of law, the prof.;

И. А. Попов, д-р юрид. наук, проф.;
I. A. Popov, the doctor of law, the prof.;

Б. В. Россинский, д-р юрид. наук, проф.;
B. V. Rossinsky, the doctor of law, the prof.;

О. Ю. Рыбаков, д-р юрид. наук, проф.;
O. Y. Rybakov, the doctor of law, the prof.;

С. Ю. Чашкова, канд. юрид. наук, доц.
S. Y. Chashkova, PhD in law, the assistant prof.

© Вестник Российской правовой академии, 2014

Журнал зарегистрирован в Министерстве РФ
по делам печати, телерадиовещания и средств
массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации № 77-15470 от
20 мая 2003 г.

Журнал включен в перечень ведущих рецензи-
руемых научных журналов Высшей аттеста-
ционной комиссии (ВАК), публикация в которых
обязательна при защите докторских и канди-
датских диссертаций.

Адрес редакции:

117638, г. Москва, ул. Азовская, д. 2, корп. 1

Тел./факс: 8-499-613-4754, 8-499-613-7218

E-mail: vestnik-rpa@mail.ru

Опубликованные статьи выражают мнение ав-
торов, которое может не совпадать с точкой зрения
редакции журнала. Редакция оставляет за собой
право на внесение изменений и сокращений. Пол-
ная и частичная перепечатка материалов возмож-
на с письменного разрешения редакции.

Над номером работали:

Е. А. Козырева, *И. Е. Яковлева*,

Е. В. Болотова, *О. В. Спиридонова*

Дизайн: Ю. С. Соколова

Верстка: Г. Р. Эфендиева

Номер подготовлен при информационной поддерж-
ке справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

Формат 60*90 1/8. Печ. л. 12,25.

Подписано к печати 08.12.2014.

Тираж 1 000 экз. Заказ № _____.

СОДЕРЖАНИЕ

Философия права

Красиков В. И.

Норма и преступление как имманентные стороны
общественной жизни 3

Мальков Б. Н.

Мотивы самосуда, мщения, политического насилия
в деле Веры Засулич (по материалам воспоминаний
Анатолия Федоровича Кони) 6

Теория и история государства и права

Никитин П. В.

К вопросу о роли Народного комиссариата юстиции
Российской Советской Федеративной Социалистической
Республики в борьбе с голодом 1921 года 12

Конституционное право

Фомиченко М. П.

Особенности самоопределения народов
в Российской Федерации 18

Трудовое право и право социального обеспечения

Мионов Д. В.

Регулятивная роль принципов
и гарантий трудовых прав 23

Мионова А. Н.

Значение и роль трудового договора в условиях рынка
в Российской Федерации 27

Гражданское право и гражданский процесс, предпринимательское право

Добрякова Г. Э.

Организационно-правовые проблемы деятельности
систем-посредников в сети Интернет 32

Илюшина М. Н.

Реформа Гражданского кодекса Российской Федерации
и новеллы правового статуса обществ
с ограниченной ответственностью 34

**Уголовное, уголовно-процессуальное право,
криминология и криминалистика**

Акимова Н. В.

Влияние христианства на становление
и развитие отечественного
уголовного законодательства 41

Бойко Т. К.

Вопросы отграничения вовлечения
несовершеннолетнего в совершение
преступлений и антиобщественную
деятельность от некоторых смежных
состав преступлений 45

Борсученко С. А.

Проблемы законодательного регулирования
правового статуса персонала
исправительных учреждений
и уголовно-исполнительных инспекций . . 49

Брыка И. И.

Правовой анализ некоторых норм
Особенной части Уголовного кодекса
Российской Федерации 52

Кузнецова Н. И.

Понятие результатов
оперативно-розыскной деятельности
и требования, предъявляемые к ним . . . 57

Кучин В. В.

Критерии оценки выводов (суждений)
судебно-медицинских экспертиз
в уголовном процессе 62

Новикова Ю. В.

К вопросу о сущности и классификации
методов исследования элементов

криминологической характеристики
преступности (преступлений) 65

Пархоменко С. В.

Об уголовной ответственности
юридических лиц 70

Торбин Ю. Г.

Процессуальная трансформация
статьи 144 Уголовно-процессуального
кодекса Российской Федерации
(Часть 1) 73

Чупрова А. Ю., Ротков А. И.

Законодательные основы практического
применения телемедицины в Соединенных
Штатах Америки 78

Шишкин С. С.

Особенности института
представительства 82

Административное право

Чумакова О. В.

Полномочия Правительства Российской
Федерации в области обеспечения граждан
бесплатной юридической помощью . . . 86

Сокращения, принятые в издании 91

Наши авторы 92

Вышли из печати 96

Правила приема и требования,
предъявляемые к рукописям, направляемым
в редакцию журнала «Вестник Российской
правовой академии» 97

Норма и преступление как имманентные стороны общественной жизни

Norma and Crime as the Immanent Aspects of Social Life

Статья посвящена анализу диалектической взаимообусловленности нормы и ее нарушения в общественной жизни. Автор рассматривает преступность в качестве органической и неотъемлемой стороны социума, которая имеет свои постоянные источники, но которые можно изучать и минимизировать.

The article analyzes the dialectical interdependence of norms and its violations in public life. The author examines the crime as an organic and integral side of society, which has its permanent sources. We believe that should explore and try to minimize these sources.

Норма; преступление; их взаимосвязь и источники

Norma; crime; their relationship and sources

«Человек» и «общество» — не статичные данности, это постоянно самовозобновляемые и взаимодействующие реальности. Преступники и их группы — естественные издержки, отходы этого «производства», которые можно разве что минимизировать, но не устранить. По сути дела, само общество, человеческая природа производят преступность. Обсуждение этого тезиса и составляет содержание предлагаемой статьи.

Переступание нормы, преступление — столь же органичны, как и сами нормы, являются их *границей*, пределом. Преступлением эта граница одними, преступниками, проводится, другими, большинством, наблюдающим за этими актами преступления, осознается. Вследствие чего преступник — столь же необходимая функция цивилизации, как и сама норма.

Помимо преступлений негативного типа, нарушающих и тем самым определяющих пределы уже имеющихся норм (потому они и включены в нормы, как их потенциальное нарушение), есть, условно говоря, и преступления «позитивного» типа, к которым можно отнести политические, экономические или же моральные инновации в виде непредусмотренного и неожиданного. Они — преступления по отношению к еще господствующим нормам, так как противоречат им и еще не узаконены, однако потенциально могут «нормироваться». Например, сейчас это использование новых форм политической активности, биотехнологий, влияющих на человеческий генетический материал, или практика гомосексуальных браков и усыновление ими детей. Подобные «позитивные» преступления и одновременно

новые устанавливания отражены еще в мифологиях в виде деятельности трикстеров — героев-нарушителей и вместе с тем установителей новых норм. В этих образах люди осознают услаживаемость, устанавливаемость норм со стороны своих «культурных» героев.

Далее норма теснейшим образом связана со своим преступлением так же, как абстрактная справедливость с конкретной несправедливостью. Как даже самый богатый язык не в силах передать микрокосмы смысла множества человеческих сознаний, так и наиболее развитые и содержательные системы правовых норм не способны регламентировать многие непредставимые конкретные жизненные комбинации. Для того и существуют судебная система и адвокатура, прецедентное право. Однако и они лишь отчасти способны справляться с проблемой *несправедливости нормы* как следствием ее принципиальной абстрактности и косности. Потенциальная комбинаторика жизненных взаимодействий необъятна, как и ее стремительная изменчивость во времени.

Добавим, норма несправедлива и тем, что представляет собой закрепление в праве существующей иерархии, всегда есть легитимированное выражение воли господствующих групп, элит. Парадоксально, но в современных условиях тотальной демократизации элитам выгодно именно абстрактно-уравнительное всеобщее право, при котором приоритетными становятся стартовые ресурсы вешного и генетического наследства.

Другое проявление несправедливости абстрактных норм состоит в том, что их применение отдано на откуп профессиональным юристам, людям, как правило, из верхних страт. Теоретики стигмы подтверждают наличие в странах либеральной демократии заурядного двойного стандарта: преступления совершают многие члены общества, но к уголовной ответственности привлекают лишь бедных либо лишенных возможной защиты, покровительства сильных мира сего [1].

К нормам, как и к демократии, применимы афористичные слова У. Черчилля о том, что это весьма несовершенные человеческие изобретения, но лучшее из возможных зол. Нормы или умерение проявлений жизненности в разных сферах до значений «средние», «согласованные», «терпимые» претят, противоречат, гасят человеческие амбиции, притязания, мечты. В отношении наделения интеллектом и творческими способностями природа столь же скудна, сколь щедр в наделении потребностями и страстями. Страсти правят миром. Это очевидное преобладание эмоционально-страстной составляющей у многих людей порождает антропологический константный фон преступления: *обида и нетерпение*.

Нормы, как и рефлексия, всегда следуют за событиями. Что случилось, то случилось. Мы можем лишь резюмировать: победителей не судят, нормы закрепляют достигнутое как «справедливое», часто игнорируя возможные прикидки и оценки с позиций некоей представимой, отстраненной, абстрактно-общечеловеческой шкалы, пусть даже с подразумеваемой оговоркой: что-то случилось как случилось, установим, нормируем это случившееся, а теперь будем исходить и судить от случившегося и закрепленного в норме, значит, установлено по-справедливому для всех (как правило, *после* революций, контрреволюций, экспроприаций, национализаций либо приватизаций). Именно поэтому всегда будут обиженные по разным причинам: от несправедливости норм и несчастия жизненных ситуаций до неумной амбициозности. Также будут и нетерпеливые — стремящиеся получить все и сразу, не томясь годами в социальной очереди — в отведенном обществом темпе и последовательности заслуживания своего статуса и дохода.

Итак, преступают нормы в массе своей обиженные и нетерпеливые, со статусно-распределительной мотивацией. Разумеется, мы говорим именно об уголовщине, так как политические преступления — это во многом другое общественное явление.

Львиная доля преступников, часть из которых необратимо трансформируется в профессиональные преступники, — аутсайдеры. Это люди, выбрасываемые обществом, нормативным порядком, закономерно или же по несчастному случаю, на социальное дно, т. е. в *экстремальные условия* лишения прав, свободы, собственности и унижений. Соответственно, экстремальное поведение — это всегда ответ на экстремализацию своего существования, режим выживания и мести. Здесь вследствие особенностей большей части составляющего его человеческого контингента, основой группового менталитета становятся крайне негативистские, приближающиеся вплотную к состоянию анти-человечности, настроения патологической злобы и ненависти ко всем не своим [2].

Каковы же эти особенности? Кто составляет ряды воровского мира, блатных, мафиози, самоорганизованной профессиональной преступности? Имеется в виду их масса, а не всевозможные криминальные элементы как таковые. Это худшая, т. е. наиболее примитивная по психоинтеллектуальным параметрам, но амбициозная часть молодежи, которая является основным постоянным регенеративным источником воровских сообществ.

Молодежные банды и хулиганство всегда были исходной основой криминалитета. Одаренная и развитая молодежь ищет, как правило,

политически-революционные либо элитарно-эскапистские (философские, художественные) формы выражения своего антропологического противостояния с нормами или волей консервативного общества зрелых и пожилых людей, а тупые и невежественные идут по пути эскалации физического насилия, агрессии как стиля жизни.

Исходные антропологические мотивы резких реакций молодежи на ювенальную несправедливость сходны, но пути, выбираемые разными группами, весьма отличны. Правомерность метафоры «ювенальная несправедливость» (несправедливость по отношению к молодежи со стороны взрослых, выражающуюся в ограничениях их реальных прав и свобод) можно подтвердить ссылкой на теорию «криминальных молодежных банд» американских криминологов Р. Кловарда и Л. Олина. Они полагают главной причиной создания молодежных банд фрустрации от диссонанса между прививаемыми обществом ценностями и стандартами потребления и предлагаемыми нереальными путями их достижения. Отсюда стремление молодежи любыми путями (чаще криминальными) реализовать стандарты потребления и отомстить обществу за его реальную несправедливость и ханжество — посредством агрессии и преступлений [3]. Инициация в преступность имеет устойчивую преобладающую связь с молодежной хулиганской средой как социально-антропологическим явлением («синдром молодого самца»). Именно среди них много обиженных и нетерпеливых, выбирающих преступность как образ жизни, а отрицательность к общественным ценностям — как основу своих групповых понятий (это в отличие от остывших и возвращающихся).

Важной отличительной особенностью XX в., как известно, является интенсификация процессов интернационализации. Составная его часть — мощные миграционные потоки из отсталых, консервативных регионов с традиционной культурой и клановыми структурами в динамично развивающиеся центры модернизации. Пришельцы живут в этнических гетто в почти осадных условиях сильного неблагоприятного давления. Никто не спешит давать им работу и средний уровень жизни. Этническая молодежь гетто, «резерваций», районов компактного проживания становится наиболее решительной и агрессивной частью организован-

ной преступности. Наиболее яркие примеры — итальянская мафия (выходцы из Южной Италии, Сицилии) и кавказская «мафия» в России, не говоря о многочисленных других национальных преступных сообществах, в том числе пресловутая русская «мафия» на Западе. Следует, однако, с осторожностью употреблять слово «мафия», если использовать его не в виде ничего не обязывающей метафоры, образного словца с негативной экспрессией, а как модель, понятие, обозначающее характерную форму организации преступников. Мафиозными в узком, историческом смысле слова (*Cosa Nostra*, триады, якудза и др.), называют те сообщества преступников, которые строятся по этническому (более узко — местническому, соседскому, земляческому и пр.) и семейственному признакам, где используются поведенческие модели, ценности локальных, замкнутых, кровнородственных (или соседских) групп людей. Однако это не единственно возможные формы организации преступного мира. Другая ее развитая форма — интернациональная модель ордена воров, воровского братства, касты, корпорации, возникшей в России 30-х гг. XX в.

Таким образом, общество социально-естественным образом производит преступность. Социальная причина — имманентная несправедливость норм (абстрактность, односторонность), естественная или антропологическая — постоянное наличие нестабильной, агрессивной-амбициозной части населения, «топлива», поддерживающего постоянно «костер преступности». Где есть люди, обладающие сходными жизненным опытом и психоэмоциональным настроением, там неизбежно начинается группогенез с формированием соответствующих ценностей и установок, тем более что в данном случае он убыстряется насильственным скоплением людей в тюрьмах и гетто, где и развертывается группогенез криминальных сообществ, которые способны достигать и развитых, зрелых стадий отчетливого самосознания в виде отрицаловки или контр-культурности. Преступность как и национализм существуют социально-естественным образом, однако как расистские, радикально-националистические мировоззрения появляются не всегда и не везде, а в характерных условиях. Так же обстоит дело и с идеологией криминальных сообществ.

-
1. См.: Криминология : учебник для юрид. вузов / под общ. ред. А. И. Долговой. М., 1997. С. 410–416.
  2. См.: Красиков В. И. Экстремизм: паттерны и формы. М. : Водолей, 2009. С. 226–259.
  3. См.: Криминология. С. 408.

УДК 343.1

Б. Н. Мальков
B. N. Malkov

**Мотивы самосуда, мщения,
политического насилия в деле Веры Засулич
(по материалам воспоминаний
Анатолия Федоровича Кони)**

**The Motives of Vigilante Justice, Revenge,
Political Violence in the Case of Vera Zasulich
(Materials of Memories Anatoly Fyodorovich Kony)**

Статья посвящена воспоминаниям выдающегося российского юриста Анатолия Федоровича Кони о его участии в судебном процессе по делу Веры Засулич. Анализируются нравственно-психологические коллизии, присущие отечественной юриспруденции конца XIX в. Показана диалектика мотивов самосуда, мщения, политического насилия, их роль в распространении в обществе идеологии политического террора.

Политический террор; самосуд; мщение; социальное насилие

The article is devoted to the memoirs of a prominent Russian lawyer Anatoly Fyodorovich Kony about his involvement in the judicial process in the case of Vera Zasulich. Examines the moral and psychological conflicts inherent in domestic jurisprudence of the late XIX century. Shown dialectics motives of vigilante justice, revenge, political violence, their role in the dissemination to the public ideology of political terror.

Political terror; frontier justice; revenge; social violence

Грянул выстрел-отомститель,
Опустился божий бич...

А. Ф. Кони.

Воспоминания о деле Веры Засулич

«Божий бич» — так назвали в Петербурге выстрел, произведенный домашней учительницей Верой Ивановной Засулич в генерал-губернатора Ф. Ф. Трепова 5 февраля (24 января) 1878 г. Поводом для покушения явилось незаконное сечение розгами политического осужденного А. С. Боголюбова (псевдоним А. П. Емельянова) за «снятие шапки» перед градоначальником. В то время мало кто мог оценить нравственный масштаб

произшедшего и предвидеть, что драма, на первый взгляд, нескольких лиц послужит прелюдией трагедии огромной империи, на которую обрушится бич политического террора.

Судебный процесс по делу В. Засулич, состоявшийся 12 апреля (31 марта) 1878 г., наглядно раскрыл эволюцию сознания российского общества в сторону приятия идеологии политического террора. В то же время он выявил духовные ценности и силы, которые способны составить преграду на пути кровавого насилия. Противоречивость трансформации общественного сознания блестяще показана председательствовавшим на процессе А. Ф. Кони в «Воспоминаниях о деле Веры Засулич» [1].

Как можно судить по книге, основными «смыслами», «координатами» утверждения идеологии политического террора служили нравственно-психологические мотивы *самосуда, мшениа, политического насилия*.

Исходной можно считать идею *самосуда*, по своей природе неприемлемую в юридическом плане, но обретавшую допустимость в нравственном сознании различных кругов российского общества. В процессе В. Засулич оформилось противостояние мотивов *самосуда* самодержавно-крепостнического характера и развивавшегося ответного *самосуда* со стороны революционно настроенной части общества.

По мнению А. Ф. Кони, для снятия политической напряженности наиболее желательным было бы признание судом неправомочности действий генерал-губернатора и соответствующее осуждение обвиняемой ввиду безусловного *поричания самосуда* как общественного явления. Следовало утвердить мысль о том, что «одно насилие (со стороны власти) не уполномочивает на другое (со сторон подвластных)» [2].

Тем не менее в обвинительной речи К. И. Кеселя оценка самосудного поведения градоначальника не прозвучала, однако действия В. И. Засулич были охарактеризованы полностью негативно: «Устроив тайный суд, она сочла возможным соединить в своем лице и прокурора, и защитника, и судью; она считала возможным постановить смертный приговор, который она же, молодая женщина, и привела в исполнение, к счастью, не удавшееся. Я ни одной минуты не думаю, чтобы вы могли признать, что подобного рода средства не преступны» [3].

Однако избранный стиль обращения к присяжным заседателям не оказал ожидаемого эффекта. Как писал А. Ф. Кони, отношение общества к обвиняемой было двоякое. В высших сферах ее полагали мерзавкой. В среднем сословии «были восторженные люди, видевшие в Засулич новую русскую Шарлотту Корде» [4]; многие усматривали в ее выстреле протест за поруганное человеческое достоинство и грозный призрак пробуждения общественного гнева; была группа людей, которых пугала доктрина кровавого *самосуда*, просвечивавшаяся в действиях Засулич» [5]. И лишь немногие аналитически мыслящие юристы пытались искать «печальные причины, создавшие почву, на которой могут вырастать подобные проявления кровавого *самосуда*» [6].

По мнению А. Ф. Кони, процесс подобного рода был типичен именно для российского общества. Если бы поступок Ф. Ф. Трепова произошел, например, в Англии, он получил бы широкое и немедленное осуждение публичного обществен-

ного мнения, «и оставалась бы одна Засулич со своим самосудом... Но так ли было у нас?! Несмотря на закон, на разъяснения сената, сечение связанного студента, который еще не был каторжником, оставалось без всяких последствий для превысивших свою власть; главный виновный не только продолжал стоять на своей служебной высоте, но ему не было сделано ни замечания, ни намек по поводу его дикой расправы» [7].

Психология *самосуда* присутствовала в сознании всех социальных слоев общества, будучи результатом сословного неравенства и традиционного правового нигилизма. Особенно *самосуд* процветал в местах лишения свободы. Исследователь нравов сахалинской каторги конца XIX в. В. М. Дорошевич приводил примеры разнузданного *самодурства* администрации именно по поводу «шапколомания». Смотритель поселений Бестужев: «Какие там суды? В морду, — да и все... Шапки не снимаешь? <...> Да как развернусь, — с ног! <...> И человек, только не снявший шапки, гниет в обществе убийц по профессии» [8].

Положение мало изменилось и в начале XX в. Картинка из той же каторги по В. Пикулю: «Вы почему не снимаете шапку? <...> Приношу свои извинения... Со мной-то ничего. Я не сторонник унижения человека и без того униженного. Но вы могли наскочить на самодура...» [9]

Защита в лице П. А. Александрова формально признавала недопустимость *самосуда*: «Кто станет отрицать, что самоуправное убийство есть преступление; кто будет отрицать то, что утверждает подсудимая, что тяжело поднимать руку для самоуправной расправы?» [10] Но защитник призвал за кажущейся неоспоримостью фактов видеть причины и движущие мотивы событий, а причины в том, что общественное мнение России больше не желало мириться с самосудным произволом государственной администрации. А. Ф. Кони подчеркивал, что средний образованный класс петербургского общества «в лице присяжных, при шумном одобрении выразил, что насилие и произвол правительственных агентов возмущают его настолько, что из-за них он закрывает глаза на кровавый *самосуд* и считает его делом вынужденным и поэтому вполне извинительным... Общество требует законности» [11]. Таким образом, В. Засулич своими антизаконными самосудными действиями выступила во имя законности, призванной ограничивать государственный *самосуд*.

Идея *самосуда*, характеризовавшая внешние формы акции В. Засулич, органично дополнялась идеей *мшениа* как духовно-нравственной сущности происшедшего. Однако и идея *мшениа* содержала в себе внутреннюю противоречивость между аспектами индивидуальной мести, государственного

возмездия и общественного «возмездия за не-возмездие».

Свести дело именно к индивидуальной мести, таков был главный мотив официальной юриспруденции. В окружении министра юстиции считалось, что «это дело личной мести, и присяжные ее обвинят, как пить дадут» [12]. Соответственно, в обвинительном акте подчеркивалось, что В. Засулич «желала отомстить градоначальнику за его распоряжение о наказании розгами арестанта Боголюбова» [13]. В то же время А. Ф. Кони в обращении к присяжным заседателям справедливо отмечал, что не следует смешивать отмщение с правосудием, но и «указание Засулич на желание отомстить еще не указывает на ее желание непременно убить» [14].

Объективные основания к мести имелись, поскольку факт физического глумления над личностью был неоспорим, тем более что в результате бесчеловечного издевательства Боголюбов через два года умер в тюремном госпитале «в состоянии мрачного помешательства» [15]. Однако отношения по принципу кровь за кровь давно изжили себя, что и подчеркнул обвинитель К. И. Кессель, обращаясь к присяжным: «Никакие самые красноречивые рассуждения не сотрут пятен крови с рук, покусившихся на убийство» [16]. Однако вопреки ожиданиям резонные в своей основе доводы не получили поддержки присяжных. Дело в том, что мщение, осуществленное В. Засулич, далеко выходило за рамки личной мести, что блестяще показал защитник П. А. Александров: «Что был для нее Боголюбов? Он не был для нее родственником другом, он не был ее знакомым, она никогда не видала и не знала его. Но разве для того, чтобы возмутиться видом нравственно раздавленного человека, чтобы прийти в негодование от позорного глумления над беззащитным, нужно быть сестрой, женой, любовницей?» [17] «Руководящим побуждением для Засулич обвинение ставит месть... В поступке Засулич, как бы ни обсуждать его, нельзя не видеть самого беззаветного, но и самого нерасчетливого самопожертвования. Так не жертвуют собой из-за одной узкой, эгоистической мести... Вопрос справедливости и легальности наказания Боголюбова казался Засулич не разрешенным, а погребенным навсегда, — надо было воскресить его и поставить твердо и громко» [18].

Мщение, осуществленное В. Засулич, было индивидуальным только по форме, но содержание его составляли явно выраженные социально-нравственные мотивы. В ответ на уточнение председателя суда, хотела ли обвиняемая отомстить градоначальнику, та сказала: «Да, я хотела обратить внимание общественного мнения и сделать

не так легким, не так возможным надругание над человеческим достоинством» [19]. По сути дела, это было возмездие от имени гражданского общества в ответ за глумление над человеческой личностью в условиях бездействия закона и официальной морали.

Издевательство над человеком было лицемерно забыто властью предержавшими, общество тшетно задавало вопросы: «Кто вступится за опозоренного Боголюбова, кто вступится за судьбу других несчастных, находящихся в положении Боголюбова? <...> Ждала Засулич помощи от силы общественного мнения. <...> Она ждала, наконец, слова от правосудия. Правосудие... Но о нем ничего не было слышно». И тогда назревшая нравственная потребность в справедливости нашла выход в индивидуальном мстительном порыве: «А я сама! Затихло, замолкло все о Боголюбове, нужен крик, в моей груди достанет воздуха издать этот крик, я издам его и заставлю его услышать!» [20]

Эмоциональное и социальное воздействие процесса многократно усиливалось тем, что акт глумления над человеческой личностью осуществлялся по приказу градоначальника в форме *незаконного телесного наказания*. Телесные наказания в России к тому времени в наиболее жестоких проявлениях были отменены, но в «урезанном» виде сохранялись, когда речь шла о преступлениях, содержащих физическое насилие над людьми. Однако в сфере некровавых преступлений насильственное низведение человека, пусть преступившего закон, на уровень страдающего животного, глумление над его физической природой считалось нравственно неприемлемым.

В духе архаической психологии российского обывателя можно было слышать: «Бросьте вы, Вера Ивановна, это самое дело: не вас ведь выпорол». Но «преступница» чувствовала и мыслила представлениями новой, изменившейся морали: «Если юристы могли создать лишение прав, то отчего психологи, моралисты не явятся со средствами отнять у лишенного прав его нравственную физиономию, его человеческую натуру, его душевное состояние; отчего же они, не укажут средств низвести каторжника на степень скота, чувствующего физическую боль и чуждого душевных страданий?» [21]

Особенно остро ощущалась несправедливость телесных наказаний *политических преступников*, т. е. людей, остро ощутивших назревшие социально-политические проблемы общества и выступавших за его преобразование. Тем не менее телесно-наказательные настроения были распространены в высших кругах в отношении бунтующей молодежи. Как говорил граф Адамов, «Я их

ненавижу и рукоплещу всем мерам строгости против них. Эти люди — наши, мои личные враги» [22]. Князь Оболенский по поводу суда над девушкой, обвиняемой в пропаганде: «Разложи бы я тебя да всыпал бы тебе сто штук горячих, так ты бы иначе заговорила, матушка! Вся дурь прошла бы!» [23] *Министр юстиции* Пален о незаконном поступке Трепова: «Знаю и нахожу, что он поступил очень хорошо; он был у меня, советовался, и я ему разрешил высечь Боголюбова... надо этих мошенников так! — и он сделал энергичный жест рукою» [24].

Особое предпочтение отдавалось розгам как наказанию малозначашему, пренебрежительному, детскому. «Чаше и чаше стали заговаривать о необходимости отнять у политических преступников право считать себя действительными преступниками, опасными для государства, а поставить их в положение провинившихся школьников, заслуживающих и школьных мер исправления: карцера и розги» [25].

Однако известно, что люди, наказанные розгами в российских тюрьмах, нередко гнили годами. Вот картина сечения розгами Соньки Золотой ручки: «В номере, где помещается человек сто, было на этот раз человек триста... И наказание приводилось в исполнение среди циничных шуток и острот каторжан... Но Комлеву не надо было этих поощрительных возгласов. Артист, виртуоз и любитель своего дела, — он “кчал розга в розгу”, так что кровь брызгала из-под прута. Посредине наказания с Софьей Блювштейн сделался обморок. Фельдшер привел ее в чувство, дал понюхать спирта, — и наказание продолжалось. Блювштейн едва встала с “кобыл” и дошла до своей одиночной камеры» [26].

Унижения и пытки по отношению к политическим заключенным процветали в российском государстве. В своих воспоминаниях А. Ф. Кони приводит выдержки из письма матери политического арестанта: «Его, человека измученного трехлетним одиночным заключением, человека больного, с окончательно расстроенными нервами, страдавшего всю зиму невралгией, оглохшего совершенно, его били городовые! Били по голове, по лицу, били так, как только может бить здоровый, но бессмысленный, дикий человек в угоду и по приказу своего начальника, человека, отданного их произволу, беззащитного и больного узника» [27].

Массовые издевательства над политическими арестантами приводили к их сплочению. «Соединенные вместе, они представляли целую политическую партию, опасную в их собственных глазах для государства... Место неопределенной и скорее теоретической, чем практической враж-

ды к правительству занимал открытый бой с этим правительством» [28].

Ситуация с сечением Боголюбова усугубилась тем, что ощутившее безнаказанность начальство дома предварительного заключения «устроило повальную расправу с политическими арестантами. Их сажали огулом в карцер, не обращая внимания на правого и виноватого... и держали там по нескольку дней. При этом многих из них били, били жестоко и с разными ухищрениями, надевая, например, на голову мешки, чтобы заглушить крик» [29].

Политико-правовая ситуация существенно ухудшилась, поскольку «начинает выступать на сцену новый ингредиент: между судом и политическими преступниками резко вторгается грубая рука административного произвола» [30]. В результате в сознании бунтующей молодежи мотивы самосуда соединялись с идеями мщения и в обстановке развязанного политического насилия порождали идеологию *революционного политического террора*. Так, революционер-террорист Н. И. Кибальчич, повешенный за убийство Александра II, заявил: «Сначала я, как и другие революционеры, смотрел на террористические факты как на действия самозащиты партии против жестокостей правительства, как на выражения мести за преследования социалистов. Позднее террористическая деятельность в глазах партии, в том числе и меня, стала представляться не только как средство для наказания начальствующих лиц за их преследования социалистов, но и как орудие борьбы для достижения политического и экономического освобождения народа. Такой взгляд на террористическую деятельность можно считать окончательно установившимся летом 1879 года» [31].

А. Ф. Кони сделал пророческий вывод: «Не с процесса Засулич, как думают близорукие и тупоумные политики, а с сечения Боголюбова надо считать начало возникновения террористической доктрины среди нашей “нелегальной” молодежи. С этого момента идея “борьбы” затемняется идеей “мщения”, и, оскорбляемая уже не одним произволом, но доведенная до отчаяния прямым и грубым насилием, эта молодежь пишет на своем знамени “око за око”...» [32]

Вера Засулич не была сторонником революционного террора, хотя имела отдельные встречи с террористически настроенным В. Нечаевым и передавала его письма, ничего не зная об их содержании. «Ее совершенно случайные отношения к Нечаеву послужили основанием к привлечению ее в качестве подозреваемой в государственном преступлении» [33]. Склонность Нечаева к насилию, негативно охарактеризованная Ф. М. Достоевским (кстати, присутствовавшим на процессе)

в романе «Бесы», не увлекла В. Засулич. В своих воспоминаниях она отмечала, что «вели бы я выказала полнейший фанатизм к его планам, он, быть может, позвал бы меня за границу» [34].

Выходя за рамки процесса и связанных с ним воспоминаний А. Ф. Кони, можно заметить трагическую иронию судьбы В. Засулич: человек, в силу благородства души и чистоты помыслов менее всего склонный к физическому насилию против человеческой личности, был объявлен едва ли не родоначальником систематического политического терроризма в России. На самом деле, поступок Засулич в отношении генерал-губернатора Трепова явился не террором, а акцией возмездия гражданского общества в условиях безысходного бесправия перед грубой рукой административного произвола. «Я решилась, хотя бы ценою собственной гибели доказать, что нельзя быть уверенным в безнаказанности, так ругаясь над человеческой личностью... Страшно поднять руку на человека, но я находила, что должна это сделать» [35].

Мотивы самосуда, мщения, насилия сливались в бесконечный порочный круг политического террора, из которого не было видно выхода. В конечном итоге согласно библейской традиции Божий бич после наказания людей за их прегрешения уничтожается высшей волей [36]. Так и процесс В. Засулич выявил земную силу, способную исполнить миссию исключения политического террора из жизни общества. Такой силой обладает гуманистическая идея неприкосновенности человеческой чести, достоинства и, в конечном итоге, жизни.

Именно вечными гуманистическими ценностями, а не временными соображениями революционного террора руководствовалась В. Засулич. Об этом свидетельствуют последующие перипетии ее жизни и деятельности. Будучи оправданной вердиктом присяжных заседателей, В. Засулич покинула страну и отошла от народничества, идейно сблизилась с марксистами, стала, по выражению В. И. Ленина, виднейшим революционером. Тем не менее она не приветствовала Октябрьскую революцию и, более того, «расценивала созданную большевиками систему советской

власти зеркальным отражением царского режима» [37]. Она сохранила неприятие политического террора в любой его форме: индивидуальной, бунтарской, партийной или государственной.

Возможно, поэтому большевистская литература отмечала: «Крепко связавшая себя с меньшевизмом и откатившаяся к ликвидаторству и социал-патриотизму, В. И. Засулич, доживши до великих Октябрьских дней, враждебно отнеслась к победе русского пролетариата и к завоеванию им государственной власти. Она оказалась неспособной понять великое историческое значение этого переворота» [38]. «Тяжело жить, не стоит жить», — жаловалась она друзьям, но до последнего часа не отказалась от своих убеждений [39].

«Чужим среди своих» оказался и председатель процесса А. Ф. Кони, руководствовавшийся гуманистическо-правовыми ценностями, что послужило причиной травли его со стороны возмущенных властей и коллег по юридическому цеху, холуйствующих перед властью. Он писал: «Гонения по делу Засулич дали мне возможность познать многих истинных друзей и среди пустыни человеческой низости и предательства испытать минуты душевного отдыха в редких, но дорогих оазисах сочувствия и понимания... Судьба послала мне остаться верным слугою тех начал, на службу которых я вступил с университетской скамьи, а дружеское уважение таких людей, как Кавелин, Градовский, Арцимович, граф Милютин, Чичерин и граф Л. Н. Толстой, с избытком искупило мне растлевающее расположение “сфер” августейших “особ”...» [40] Но и среди большевиков стать «своим» А. Ф. Кони не мог. Например, А. В. Луначарский характеризовал его как «блестящего либерала, занявшего одно из самых первых мест в нашем передовом судебном мире эпохи царей» [41].

Вера Ивановна Засулич нашла последнее упокоение на Волковском кладбище в Петрограде, а позднее недалеко от нее был захоронен прах Анатолия Федоровича Кони. История объединила этих людей, различных по общественному положению благодаря их гуманистическим убеждениям и общему стремлению уберечь наше Отечество от кровавого бича политического террора.

---

1. См.: Кони А. Ф. Воспоминания о деле Веры Засулич // Избр. произведения. М. : Юриди. лит., 1989.

2. Там же. С. 136.

3. Там же. С. 107.

4. Морозова Е. Шарлотта Корде. М. : Молодая гвардия, 2009. С. 186.

5. Кони А. Ф. Указ. соч. С. 53.

6. Там же. С. 55.

7. Там же. С. 59.

8. Дорошевич В. М. Каторга // Электронная библиотека Royallib.com : сайт. URL: Royallib.ru/read/doroshevich_vlas/katorga.html (дата обращения: 10.10.2014).

-
9. Пикуль В. С. Каторга. М., 1987. С. 125.
  10. Кони А. Ф. Указ. соч. С. 108.
  11. Там же. С. 168.
  12. Там же. С. 50.
  13. Там же. С. 80.
  14. Там же. С. 130–131.
  15. Там же. С. 38.
  16. Там же. С. 107.
  17. Там же. С. 115.
  18. Там же. С. 119–120.
  19. Там же. С. 98.
  20. Там же. С. 118.
  21. Там же. С. 117–118.
  22. Там же. С. 25.
  23. Там же. С. 32.
  24. Там же. С. 34.
  25. Там же. С. 30.
  26. Дорошевич В. М. Каторга // Электронная библиотека RoyalLib.com : сайт. URL: RoyalLib.ru/read/doroshevich_vlas/katorga.html (дата обращения: 10.10.2014).
  27. Кони А. Ф. Указ. соч. С. 39.
  28. Там же. С. 47.
  29. Там же. С. 41.
  30. Там же. С. 34.
  31. Кибальчик Н. И. Без гнева и пристрастия // Хронос : сайт. URL: http://www.hrono.ru/biograf/bio_k/kibalch.php (дата обращения: 10.10.2014).
  32. Кони А. Ф. Указ. соч. С. 38–39.
  33. Там же. С. 109.
  34. Засулич В. Воспоминания : сайт // Lib.ru: «Классика» : сайт. URL: http://az.lib.ru/z/zasulich_w_i/text_1919_vospominania.shtml (дата обращения: 10.10.2014).
  35. Кони А. Ф. Указ. соч. С. 97.
  36. Книга пророка Исаяи. Глава 10 // Апологетика.рф : сайт. URL: <http://apologetica.ru/biblie/is10.html> (дата обращения: 10.10.2014).
  37. Цит по: Засулич В. // Википедия: свободная энциклопедия : сайт. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%C7%E0%F1%F3%EВ%E8%F7,%C2%E5%F0%E0_%C8%E2%E0%ED%EE%E2%ED%E0 (дата обращения: 10.10.2014).
  38. Засулич В. Воспоминания.
  39. Засулич В. И. : сайт. URL: <http://funeral-spb.narod.ru/necropols/literat/tombs/zasulich/zasulich.html> (дата обращения: 10.10.2014).
  40. Кони А. Ф. Указ. соч. С. 219–220.
  41. Луначарский А. В. Три встречи. Из воспоминаний об ушедших // Кони А. Ф. Избранное. М., 1989. С. 444.
-

**К вопросу о роли Народного
комиссариата юстиции
Российской Советской Федеративной
Социалистической Республики
в борьбе с голодом 1921 года**

**The Role of the People's Commissariat of Justice
of the Russian Federation
in the Fight Against Hunger in 1921**

Статья посвящена борьбе с голодом 1921–1922 гг. Автор с привлечением архивных документов исследует историю участия Наркомюста РСФСР и его структурных подразделений в борьбе с голодом. Особое место уделено деятельности ЦИТО в преодолении голода 1921 г. в России.

Наркомюст РСФСР; голод 1921 г.; ЦИТО

Article is devoted to the fight against hunger in 1921–1922. The author with the assistance of archival documents explores the history of the participation of the People's Commissariat of Justice of the Russian Federation and its subdivisions in the fight against hunger. Particular attention is paid to the activities of the Central Forced Labor Department in overcoming hunger, 1921 in Russia.

The people's People's Commissariat of Justice of the Russian Federation; hunger 1921; Central Forced Labor Department

В результате кризиса аграрной политики советской власти и засухи в 1921 г. в России на грани смерти оказалось около 30 млн человек. От голода пострадали 34 губернии Центральной России [1]. Для спасения населения Советской России были мобилизованы все учреждения, предприятия, кооперативные, профсоюзные, молодежные организации, Красная Армия. В целях борьбы с голодом советское правительство приняло декрет от 18.07.1921 «О создании при ВЦИК правительственной Центральной комиссии помощи голодающим» [2], председателем которого назначили М. И. Калинина, членами комиссии — руководителей наркоматов и ведомств, Центросоюза, ВЦСПС и других организаций. В автономных республиках, губерниях, уездах, волостях

РСФСР были созданы комиссии помощи голодающим при исполкомах советов.

Так, 20 октября 1921 г. президиумом ВЦИК принято Положение о помощи голодающим [3], в котором были сформулированы основные задачи данной организации: выяснение размеров голода, рассмотрение ходатайств о признании голодающими отдельных губерний и уездов, изыскание средств для борьбы с голодом (государственных, общественных, собранных за границей), осуществление декретов ВЦИК об изъятии церковных ценностей для помощи голодающим, о переселении крестьян из пострадавших районов и т. д.

Наркомюст РСФСР одним из первых откликнулся на призыв борьбы с голодом, создав в августе 1921 г. комиссию помощи голодающим.

Прежде всего было обращено внимание на использование в этих целях производственных возможностей наркомата — мастерских, действующих в местах лишения свободы.

По данным, собранным ЦИТО, в 1921 г. в 135 местах заключения существовали и действовали следующие мастерские (табл. 1) [4]:

Таблица 1

Количество производственных мастерских в местах лишения свободы

Мастерская	Количество	Мастерская	Количество	Мастерская	Количество
Столярные	107	Ткацкие	8	Белошвейные	5
Сапожные	96	Бондарные	8	Колесные	5
Портновские	80	Шорные	6	Жестяные	12
Кузнечно-слесарные	99	Малярные	4	Типографии	6
Переплетные	17	Прачечные	6	Чугунные	2
Всего	471				

В этих мастерских изготавливались изделия для удовлетворения нужд самих мест заключения, а также выполнялись заказы местных учреждений.

В различных местах заключения существовало свыше 20 мастерских, занятых кустарным производством предметов широкого потребления, и 82 мастерские в 24 сельскохозяйственных колониях, обслуживающие как сами колонии, так и окрестное население.

Циркулярным распоряжением ЦИТО Наркомюста РСФСР от 21.08.1921 № 34 «О проведении в жизнь намеченных центральным исправительно-трудовым отделом Наркомюста мероприятий в области борьбы с голодом» [5] всем исправительно-трудовым по отделам губернских и областных отделов юстиции было предложено организовать во всех местах лишения свободы РСФСР добровольные сверхурочные работы заключенных в помощь голодающим. Они должны были осуществляться в течение двух часов по окончании обычных работ, а также не менее четырех часов — в праздничные дни. Квалифицированная рабочая сила заключенных должна была применяться главным образом в имеющихся в местах лишения свободы различных мастерских. Остальные заключенные трудились на внешних работах (погрузка и выгрузка, земляные и дорожные работы, заготовка и колка дров и т. п.).

Плата за изготавливаемые заключенными изделия, а также за выполненные ими внешние работы допускалась как в денежном выражении, так

и натуральном (исключительно не скоропортящимися продуктами).

Из сумм, вырученных за исполненные в мастерских заказы и проданные изделия, а также за внешние работы, удерживалась действительная стоимость материалов, израсходованных на изготовление заказов и изделий и 10 % на амортизацию инструментов, 20 % поступало на улучшение продовольствия заключенных, выполнявших данную работу, а остальные деньги отправлялись в фонд помощи голодающим. При натуральной оплате труда продовольственные продукты за вычетом 20 % из них на улучшение довольствия заключенных, выполняющих сверхурочные работы, передавались в местные комиссии помощи голодающим [6].

В целях вовлечения в эти работы как можно большего числа заключенных осуществлялась широкая агитация и проводились беседы на тему голода и необходимой помощи пострадавшим. К заключенным, добросовестно относящимся к выполняемым ими сверхурочным работам в пользу голодающим, допускалось применение целого ряда поощрительных мер в виде предоставления дополнительных отпусков до двух недель, зачете каждых восьми часов сверхурочных работ за сутки отбывания наказания и представление к досрочному освобождению [7].

За период с сентября по декабрь 1921 г. в ходе проведения сверхурочных работ в местах лишения свободы было отчислено и сдано в фонд помощи голодающим 24 566 629,92 руб. (табл. 2 [8]).

Таблица 2

Суммы, вырученные за сверхурочные работы и сданные в пользу голодающих, за сентябрь — декабрь 1921 года

Наименование губернии	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь	Декабрь
Архангельская	3 618	8 923	114 642	3 326 910

Владимирская	153 796,48	150 500	122 472	94 320
Вологодская		400 308	709 260	1 656 832
Воронежская	70 313	393 813	401 500	
Вотская область			45 608	
Екатеринбургская		900 493	80 000	
Ивано-Вознесенская				1 362 740
Кубано-Черноморская	38 520	1 854 880	1 455 800	
Карельская трудовая коммуна	44 330			
Московская	138 440	44 035	279 000	254 880
Нижегородская			200 000	
Новгородская	24 408	113 382	127 576	199 140
Олонецкая	25 600	485 475	2 400	
Пермская		343 760		
Петроградская		1 977 581	2 040 229,44	
Псковская		502 500	225 000	126 440
Рязанская	92 228	37 800		
Северо-Двинская			2 500	
Смоленская	33 596	22 032	84 952	
Тверская	8 328	100 000		
Тульская	6 000	236 872	21 400	
Уфимская				70 723
Вятская		2 284 619	409 860	103 294
Ярославская				82 001
Тамбовская				380 000
Итого:	639 177,48	9 947 973	6 322 199,44	7 657 280

Всего за период с августа 1921 г. по июнь 1922 г. включительно по неполным данным в фонд помощи голодающим было передано из выручки за сверхурочные работы в местах лишения свободы 57 464 руб. 60 коп. (здесь и далее суммы указаны в денежных знаках 1922 г.) [9].

Так, 18 октября 1921 г. принят циркуляр № 50 [10], в котором указывалось всем исправительно-трудовым подотделам принять меры к проведению платных спектаклей, концертов и других развлечений в местах лишения свободы силами самих заключенных и служащих с отчисления-

ми 75 % со всех сборов с платных развлечений в фонд помощи голодающим, а также к производству денежных и других добровольных сборов между служащими и заключенными мест лишения свободы.

С октября по декабрь 1921 г. в фонд помощи голодающим с прошедших в местах лишения свободы платных развлечений было отчислено 41 059 972 руб. (табл. 3 [11]) и собрано добровольных пожертвований деньгами 6 656 958 руб. и продуктами 155 пудов 28 фунтов (преимущественно мукой, солью и крупой) (см. табл. 3 [12]).

Таблица 3

Сведения о сборе с платных спектаклей в пользу голодающих за 1921 год

Наименование губернии	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь	Декабрь
Алтайская	1 640 000	25 200	3 243 595	470 875
Вологодская		941 971		
Воронежская	606 505			
Донская	534 500	45 000		

Продолжение табл. 3

Кубано-Черноморская	349 045		700 000	
Курская	58 550		325 000	503 000
Московская	1 634 500			231 400
Олонецкая		751 580		400 000
Петроградская			1 182 607	
Самарская				17 100 000
Саратовская				1 213 000
Смоленская	1 856 332	1 503 256	92 000	552 334
Тобольская			178 595	
Тульская	366 101			
Уфимская			250 230	
Царицынская	216 000	190 000		
Северо-Двинская	230 542	397 932		
Ярославская			484 000	
Тюменская				734 364
Итого:	7 472 075	3 854 959	6 456 027	21 204 973

С проведенных в марте — июне 1922 г. платных развлечений в местах лишения свободы по имеющимся в ЦИТО сведениям было отчислено в фонд помощи голодающим 12 594 руб. Кроме того, за то же время произведено добровольных отчислений и сборов в размере 9 248 руб. [13].

В сентябре 1921 г. в целях смягчения обострившегося продовольственного кризиса в местах лишения свободы голодающих губерний было

принято решение о перераспределении между местами лишения свободы части огородных и хлебных продуктов урожая из сельскохозяйственных колоний и мест заключения, находящихся в урожайных губерниях. Всего за сентябрь 1921 г. Центрисправтрудом было выдано нарядов на отправку огородных и хлебных продуктов, а также фуража в голодающие губернии в количестве более 30 000 пудов (табл. 4 [14]).

Таблица 4

Сведения о нарядах Центрисправтруда за сентябрь 1921 года на отправку в голодающие губернии огородных и хлебных продуктов, а также фуража из урожая, полученного с полей и огородов сельскохозяйственных колоний, ферм и мест заключения, находящихся в урожайных губерниях

Голодающие губернии республики и автономных областей на отправку продуктов, в которые даны наряды	Число штатных мест во всех местах лишения свободы губерний Республики и областей	Количество заключенных в тех же местах	Губернии, из которых отправляются продукты и фураж	Наименование и количество в пудах продуктов и фуража, подлежащих отправке в голодающие губернии					Всего
				Картофель	Капуста	Свекла	Рожь	Пшеница	
Самарская	1 196	2 296	Петроградская	2 000	800	500	50	100	10 450
			Енисейская	1 000	1 000				
			Смоленская	900	450	650			
			Тверская	1 800	900	300			
			Итого	5 700	3 150	1 450	50	100	
Симбирская	1 208	1 325	Петроградская	2 000	800	500	50	100	5 450
			Енисейская	1 000	1 000				
			Итого	3 000	1 800	500	50	100	

Саратовская	1 484	1 956	Енисейская	1 000	1 000				
			Смоленская	900	450	650			
			Тамбовская	100	150	200			
			Итого	2 000	1 600	850			4 450
Уфимская		2 950	Алтайская	1 000	800				
			Енисейская	1 000	1 000				
			Итого	2 000	1 800				3 800
Царицынская	945	1 220	Тверская	1 200	2 000	600			
			Владимирская	150	150	50			
			Итого	1 350	350	650			2 350
Татарская Республика			Петроградская	2 000	800	500	50	100	3 450
Маркштадская коммуна немцев Поволжья			Ярославская	50	100	50			200

Помимо этого, было отправлено из 1-й Московской трудовой колонии в Самарскую губернию 30 пудов гречи, 10 пудов проса, 200 пудов картофеля, 50 пудов свеклы и 200 пудов сена.

Так, 2–3 декабря 1921 г. в Москве прошло Всероссийское совещание помощи голодающим, на котором было предложено обратить в пользу голодающих натуральные штрафы, налагаемые в административном и судебном порядке. Уже, 16 декабря 1921 г. Центральный комитет помощи голодающим направил соответствующее постановление в Наркомюст РСФСР товарищу Курскому. В документе он просил Наркомюст РСФСР внести соответствующее изменение в декрет об административных взысканиях [15].

В феврале 1922 г. на страницах журнала «Еженедельник советской юстиции» появилась редакционная статья о необходимости введения натуральных штрафов в пользу голодающих. «Смотрите на каждого подсудимого не только с точки зрения вины его перед государственной властью, но и вины перед вымирающим поволжским крестьянством.

Ты нашел средства пьянствовать, — скажет суд одним обвиняемым, — так помимо наказания найдешь средства на помощь голодным!

Ты нарушаешь порядок, — скажет он другим, — так знай же, что это может отразиться на работе государственного аппарата, который вместо того, чтобы в первую очередь обслуживать эвакуированных голодных детей, вынужден возиться с тобою — нарушителем закона, так плати же пеню в пользу голодающих.

Мы предлагаем:

1. По каждому обвинительному приговору, помимо штрафа в пользу государства или другого вида наказания, суд обязательно накладывает пеню в пользу голодающих, в зависимости от средств осужденного.

2. Во всех помещениях органов юстиции члены коллегий отделов юстиции, члены трибуналов и совнарсудов, нарсудьи, следователи и секретари производят сбор добровольных пожертвований, для чего отделы юстиции должны получить в губернской комиссии помощи голодающим заверенные подписные листы, в которые жертвователи самолично заносят свои имена и сумму.

3. Штрафы в пользу голодающих по соглашению с судьей могут быть взыскиваемы при составлении протокола милицией по определенной таксе за каждый вид преступного деяния или проступка с тем, чтобы к протоколу прикладывалась квитанция местной комиссии помгол.

4. Ежемесячно присылайте в наш журнал ваш отчет — что сделали вы для борьбы с голодом? Сколько взыскали штрафов — укажите № квитанций и сумму. Мало приговаривать — нужно выполнять приговор» [16].

Так, 22 февраля 1922 г. Наркомюст РСФСР принял специальный циркуляр № 14 [17], в котором было предложено всем судебным органам Республики при вынесении обвинительных приговоров, всех обвиняемых, обладающих достаточными имущественными средствами, присуждать наряду с другими наказаниями, а также взамен более легких наказаний к определенным денежным и натуральным продуктовым штрафам в пользу голодающих.

После этого в редакцию еженедельника стали поступать сообщения с мест о ходе применения этого циркуляра.

«Народный судья 6-го участка Варнавинского уезда Костромской губернии сообщает, что с 1 по 18 марта специально составленной для этого комиссией в пользу голодающих было собрано — 4 пуда ржаной муки, 15 пудов 25 фунтов ржи, 48 пудов 8 фунтов овса, 4 пуда 26 фунтов гороха, 23 пуда 19 фунтов сушеного картофеля, 163 пуда картофеля, 190 аршин полотна, белье и деньгами 4 млн 800 тыс.

Все продукты и деньги сданы в уездный помгол. По приговорам же народного суда с 10 по 13 апреля взыскано пять пудов ржаной муки. Взыскания налагались большею частью за пьянство, хулиганство и т. д.

Ставропольский губисполком сообщает, что 18 февраля 1922 г. им был издан приказ, который постановил взимать со всех гражданских сделок, облагаемых пошлиной, дополнительную пошлину в пользу голодающих в следующем размере:

- по сделкам ценой до 500 000 руб. — 0,25 %;
- по сделкам ценой до 5 000 000 руб. — 0,5 %;
- по сделкам ценой свыше 5 млн. руб. — 0,75 %;

- по сделкам на неопределенную сумму при засвидетельствовании копий и подписей 10 000 руб.

Со времени опубликования этого приказа по 1 апреля 1922 г. нотариальным столом при губюсте взыскано 52 248 550 руб.» [18].

Так, с марта по май 1922 г. судебными органами 26 губерний было наложено на осужденных денежных штрафов в размере 2 643 587 руб. и продуктовых в количестве 10 552 пуда хлебных продуктов, 617 пудов картофеля, 21 пуд мяса и 38 голов мелкого и крупного скота. Из этих штрафов к 1 июня 1922 г. было взыскано и сдано в распоряжение губернских комиссий помощи голодающим 890 934 руб., 3 612 пудов хлебных продуктов, 413 пудов картофеля, 21 пуд мяса и восемь голов скота [19]. Кроме того, было конфисковано в виде штрафов несколько бриллиантов, золотых и серебряных изделий и иных вещей на сумму около 300 000 руб.

Помощь государства, государственных учреждений, в том числе Наркомюста РСФСР, различных отечественных и международных общественных организаций, Красной Армии позволила смягчить голод и создать необходимые условия для дальнейшего восстановления и развития сельского хозяйства.

-
1. См.: Советская деревня глазами ВЧК — ОГПУ — НКВД. 1918–1939 гг. : документы и материалы : в 4 т. М., 1998. Т. 1. С. 49.
  2. См.: Декреты Советской власти : в 17 т. М. : Росспэн, 2006. Т. 17.
  3. См.: СУ РСФСР. 1921. № 55. Ст. 342.
  4. См.: Тюремное дело в 1921 году (отчет НКЮ по ЦИТО IX Всероссийскому съезду депутатов). М., 1921. С. 21.
  5. См.: ГАРФ. Ф. А353. Оп. 5. Д. 341. Л. 7
  6. См.: Там же.
  7. См.: Там же. Л. 7. 7 об.
  8. См.: Там же. Д. 342. Л. 5.
  9. См.: Итоги борьбы с голодом в 1921–1922 гг. : сб. ст. и отчетов. М., 1922. С. 167.
  10. См.: ГАРФ. Ф. А353. Оп. 5. Д. 341. Л. 8.
  11. См.: Там же. Д. 342. Л. 3.
  12. См.: Там же. Д. 341. Л. 8.
  13. См.: Там же. Л. 11.
  14. См.: Там же. Л. 33.
  15. См.: Там же. Л. 1.
  16. Еженедельник сов. юстиции. 1922. № 7. С. 1.
  17. См.: Там же. № 8. С. 14.
  18. Там же. № 17. С. 11.
  19. См.: Итоги борьбы с голодом в 1921–1922 гг. С. 168.

Особенности самоопределения народов в Российской Федерации

Peculiarities of Self-Determination of Peoples in the Russian Federation

В статье рассматриваются особенности самоопределения российских народов. В их числе: государствообразующий коренной титульный народ страны (русский); коренные (титульные) народы субъектов РФ; коренные малочисленные народы регионов; национальные меньшинства. Самоопределение каждого из них как территориальной общности людей одновременно является определением юридического статуса территории, на которой они проживают. Народы как субъекты самоопределения в форме республик, автономных округов, автономной области представляют собой не только лиц так называемой титульной национальности, но и всех граждан России, постоянно проживающих на территориях данных субъектов Федерации.

Самоопределение российских народов; государствообразующий коренной титульный народ страны (русский); коренные (титульные) народы субъектов РФ; коренные малочисленные народы регионов; национальные меньшинства

The article considers the peculiarities of self-determination of the Russian people. Among them: state native title people of the country (English); indigenous (title) peoples of the Russian Federation subjects; indigenous peoples of the regions; national minority. The determination of each of them, as a territorial community of people, at the same time is a determination of the legal status of the territory in which they reside. Peoples as subjects of self-determination in the form of republics, Autonomous regions, Autonomous areas are not only so-called "titular nationality, and all Russian citizens permanently residing in the territories of the data subjects of the Federation.

Self-determination of Russian people; constituent indigenous title nation (Russian); indigenous (title) peoples of the subjects of the Russian Federation; the indigenous peoples of the regions; national minorities

Специфика Российской Федерации как многонационального государства с первых дней ее возникновения породила сложный комплекс политико-правовых и социально-экономических проблем по вопросу равноправия и самоопределения. В этой связи принимались Декларация прав народов России (2 (15) ноября 1917 г. утверждена СНК), Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа (12 (25) января 1918 г. приня-

та III Всероссийским съездом советов) и другие акты, которые заложили конституционные основы равноправия и самоопределения всех народов России. Основные демократические политико-правовые принципы равноправия и самоопределения российских народов нашли отражение в последующих конституциях РСФСР и новой России.

Согласно переписи 2010 г. численность населения Российской Федерации составляет

142 млн человек, представляющих более 180 народов [1]. Сюда входят и государствообразующий коренной титульный народ страны (русский), и коренные (титульные) народы субъектов РФ, и коренные малочисленные народы регионов, и национальные меньшинства.

Каждая из этих групп имеет свои особенности и формы самоопределения в Российском государстве, причем их самоопределение как территориальной общности людей одновременно является определением юридического статуса территории, на которой они проживают. Следовательно, народы как субъекты самоопределения в форме республик, автономных округов, автономной области представляют собой не только лиц так называемой титульной национальности, а всех граждан России, постоянно проживающих на территориях данных субъектов Федерации и обладающих политическими правами и свободами граждан единой страны [2].

Принятием на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г. Конституции [3] все народы страны выразили свою волю исходя из принципов равноправия и самоопределения.

Как решен вопрос с самоопределением в Российской Федерации русского народа?

Российская Федерация, имя которой дано русской нацией, составляющей более 80 % ее населения, в целом является формой ее самоопределения. Гарантом территориального самоопределения русской нации выступает вся территория России.

Имеет место и идея о превращении России в государство русского народа, и от имени этого народа, его правительства гарантировать людям всех других национальностей гражданское равноправие и свободу национального развития.

Данная точка зрения отчетливо выражена одним из иерархов Русской православной церкви (ныне покойным) митрополитом Иоанном. «Надо открыто признать, — писал он в апреле 1993 г., — что Россия есть государство русского народа. В этой простой констатации очевидного исторического факта ни для кого ничего обидного быть не может» [4]. Именно русские, по словам митрополита, «являются тем цементом, который стягивает государственное строение России: общность якута и лезгина, татарина и вепса поддерживается лишь тем, что они на равных включены в державное тело Руси» [5]. В соответствии с этим для урегулирования межнациональных отношений на современном этапе предлагается вернуться к здоровой практике, «предполагающей полную (действительную, а не показную!) свободу местного национального самоуправления в сочетании с решительным изъятием в пользу Москвы всех вопросов общегосударственного значения» [6].

Выдвигаемая идея самоопределения русской нации в форме образования соответствующей республики в составе Российской Федерации как нового ее субъекта безосновательна [7]. Необоснованность такой идеи кроется в ее содержании.

Во-первых, создание из краев и областей Русской Республики привело бы к отчленению из исторически сложившегося веками Российского государства нынешних национально-государственных образований в его составе, где проживают миллионы русских.

Во-вторых, не состоялось бы «самоопределение русской нации», ибо на предлагаемых к объединению в Русскую Республику территориях проживают не только русские, но и представители десятков других народов.

В-третьих, авторы идеи самоопределения русской нации и образования Русской Республики в составе Российской Федерации не учитывают многовековую историю становления России как государства. Провозглашение РСФСР после октября 1917 г. не означало деления России (унитарного государства) на множество государств и ее исчезновение. Просто появилась иная форма государственного устройства (вместо унитарной — федеративная).

В-четвертых, путь создания новой Русской Республики губелен для Российского государства. Не может часть одной и той же нации самоопределяться в составе государства, где она является титульной. Первый день провозглашения Русской Республики может оказаться последним днем Российского государства.

Необходимо законодательное закрепление основной консолидирующей роли русского народа в становлении и развитии российской государственности.

Как решен вопрос с самоопределением в Российской Федерации коренных (титульных) народов субъектов Федерации?

В настоящее время в составе Российской Федерации они имеют национально-государственные (21 республика, Республика Крым — вопрос особый) и национально-территориальные образования (четыре автономных округа и одна автономная область). В соответствии с Конституцией страны им придан статус субъектов Федерации (ст. 65 п. 1).

При этом следует иметь в виду следующую особенность самоопределившихся регионов: коренные титульные народы (давшие название субъекту РФ) во многих субъектах не составляют большинства. В этих территориях трудно разграничить коренное и некоренное население.

Во-первых, из 21 ныне существующего национально-государственного образования Российской

Федерации только в восьми коренное население, давшее название субъекту РФ, составляет более 50 %: Дагестан, Ингушетия, Кабардино-Балкария, Тыва, Чечня, Чувашия, Татарстан, Северная Осетия.

Во-вторых, в других республиках (13) лица коренной национальности составляют менее 50 %: Адыгея, Алтай, Башкортостан, Бурятия, Калмыкия, Карачаево-Черкесия, Карелия, Коми, Марий-Эл, Мордовия, Саха (Якутия), Удмуртия, Хакасия.

В-третьих, в автономных округах (четыре) лица коренной национальности составляют не более 10 %: Ненецкий, Ханты-Мансийский — Югра, Чукотский, Ямало-Ненецкий.

В-четвертых, в Еврейской автономной области титульное население составляет 1,2 %.

С учетом реального положения конкретных народов страны в различных субъектах РФ государственная политика России по вопросу определенных групп народов страны должна сопровождаться принятием соответствующих федеральных законов, разработкой и реализацией программ развития на краткосрочную, среднесрочную и долгосрочную перспективу, каждая из которых имела бы свои определенные цели и задачи. Эти программы должны реализовываться параллельно во взаимосвязях и в логической последовательности, поступательно, т. е. от достигнутого к новым положительным результатам. Целесообразны федеральные законы и программы развития конкретных народов в республиках, автономиях, особенно там, где высок коэффициент многонациональности, и там, где идут объединительные процессы по укрупнению субъектов Федерации.

Как решен вопрос с самоопределением в Российской Федерации коренных малочисленных народов регионов страны?

Впервые понятие «коренные малочисленные народы» появилось в конституционном законодательстве РФ в 1993 г. (ст. 69 Конституции).

Определение дефиниции «коренные малочисленные народы» дано в п. 1 ст. 1 Федерального закона от 30.04.1999 № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации». Это народы, проживающие на территориях традиционного расселения своих предков, сохранившие традиционные уклад жизни, хозяйствование и промыслы, насчитывающие в России менее 50 тыс. человек и осознающие себя самостоятельными этническими общностями (постановление Правительства РФ от 24.03.2000 № 255 «О едином перечне коренных малочисленных народов Российской Федерации» [8]). Таких народов (по данным переписи населения 2010 г. в Российской Федерации) учтено 44 с общей численностью 293 тыс. человек, что составляет 0,2 % всего населения страны. Расселены они по всей территории России [9].

В чем выразилось (выражается) их национальное самоопределение?

Во-первых, некоторые из них имеют в составе Российской Федерации республики, названные их именем (черкесы).

Во-вторых, другие имеют общее для нескольких народов национально-государственное образование (например, ногайцы и другие в Дагестане) либо национально-территориальное образование (ханты, манси, ненцы, чукчи).

В-третьих, народы Крайнего Севера, Сибири и Дальнего Востока (самые малочисленные из них алеуты, негидальцы, орочи, тазы, ульта, энцы, челканцы и др. насчитывают менее одной тысячи человек каждый), оказались в наиболее неблагоприятных условиях. В России трудно найти территорию для создания нового образования, где большинство населения составляет один малочисленный народ. В этих условиях, как представляется, наиболее целесообразна такая форма самоопределения, как самоуправление. Оно может быть реализовано:

1) через создание национальных административно-территориальных единиц (национальные районы, национальные поселки, национальные сельские населенные пункты) (Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [10]);

2) через Федеральный закон от 30.04.1999 № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» [11], предусматривающий такую форму общественного самоуправления малочисленных народов, как общины, объединяемые по кровнородственному (семья, род) и (или) территориально-соседскому принципам и создаваемые для защиты их исконной среды обитания, сохранения и развития традиционного образа жизни, хозяйствования, промыслов и культуры (п. 4 ст. 1).

Наряду с этим закон устанавливает право малочисленных народов создавать в местах их компактного проживания территориальное общественное самоуправление в целях социально-экономического и культурного развития, решения других вопросов своей жизнедеятельности (ст. II) [12].

Кроме того, указанный Федеральный закон предусматривает установление законами субъектов Федерации квот представительства малочисленных народов в законодательных (представительных) органах субъектов Федерации и представительных органах местного самоуправления (ст. 13);

3) через Федеральный закон от 17.06.1996 № 74-ФЗ «О национально-культурной автономии» [13] (далее — Закон об автономии) [14]. Национально-культурная автономия в указанном

нормативном правовом акте рассматривается как общественное объединение граждан РФ, относящих себя к определенной этнической общности, для их дальнейшей самоорганизации в целях самостоятельного решения вопросов сохранения самобытности. Основой деятельности таких организаций является принцип самоуправления.

Как решен вопрос с самоопределением в Российской Федерации национальных меньшинств [15]?

Определение термина «национальное меньшинство» не содержат ни Конституция, ни действующее законодательство. Нет такового (единого) и в нормативно-правовых актах международного характера. Попытка дать определение сделана в программе «Модель демократии для России» [16]. Однако в нем не учитываются положения ряда действующих российских законов и других документов, касающихся различных групп народов РФ. Опираясь на классическое понимание категории «нация»: «нация — государство» полагаем наиболее приемлемым следующее определение: «Национальным меньшинством в Российской Федерации признается проживающая в России часть народа, имеющего за ее пределами государственное образование и сохранившая в инонациональной среде национальное самосознание, язык, культуру, традиции и другие присущие этнические особенности. К национальным меньшинствам в Российской Федерации относятся также лица, принадлежавшие к народам, не имеющим за пределами России своих государственных образований, если иное не определено законом» [17].

Наиболее перспективной формой самоопределения этих народов является национально-культурная автономия, направленная на защиту, сохранение и развитие их культуры. Ее основная идея — найти способ соединения интересов личности, нации и многонационального сообщества, не нарушая при этом территориальной целостности государства и не препятствуя интеграционным процессам. В связи с тем, что концепция государственной национальной политики предусматривает возможность каждому народу РФ самореализовываться посредством различных форм национально-культурного развития, становится весьма актуальной такая форма самоопределения национальных меньшинств в России, как национально-культурная автономия. Главный ее компонент — сохранение и развитие культур, языков, традиций народов, расширение сотрудничества и духовное взаимообогащение граждан всех национальностей [18].

Это важнейший нациосохраняющий фактор, обеспечивающий сохранение этнокультурной, языковой жизни, национальных традиций, обычаев, обрядов, религий, материальной культуры и т. д.

В июне 1996 г. вступил в действие Закон об автономии, который определил правовые механизмы реализации прав и свобод граждан в сфере национально-культурного развития, гарантированных Конституцией.

В соответствии с этим законом созданы и зарегистрированы в органах юстиции 18 федеральных, около 400 региональных и более 200 местных национально-культурных автономий. Основной задачей, стоящей перед ними, является создание условий для реализации конституционных прав граждан Российской Федерации на сохранение этнической самобытности, развитие языка, образования и национальной культуры.

Создав национально-культурные автономии, их основатели заявили о том, что готовы работать в рамках экстерриториальной автономии, не претендуют на территориальную автономию; что Федеральная национально-культурная автономия является неполитической, непартийной организацией, равно относится ко всем политическим силам. В политической и партийной жизни не участвует, сотрудничает с действующей властью и никогда не противопоставляет ей себя.

Вместе с тем практика показала, что множественность национально-культурных автономий одной и той же национальности создает путаницу, конфликты и парализует диалог между этносом и властью. Из практики логично вытекает, что каждый этнос создает одну национально-культурную автономию на всех уровнях. Необходимо и корректировка механизма регистрации национально-культурных автономий, особенно на местном и региональном уровнях. Требование о вхождении в национально-культурную автономию двух и более организаций данной этнической общины является, безусловно, искусственным. И, наконец, нуждается в более конкретном определении ответственность государства перед национально-культурными автономиями.

Таким образом, национально-культурная автономия может быть единственной формой самоопределения национальных меньшинств в Российской Федерации. Территориальная форма самоопределения данных этнических общностей недопустима.

В целом история становления и развития Российского государства свидетельствует о том, что соседство малых народов с большими на территории единой страны все еще подпитывается инстинктом самосохранения малых [19]. Задача состоит в том, чтобы создавать обстановку комфорта совместного сожительства больших и малых народов в едином государстве.

1. См.: Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года : в 11 т. М. : ИИЦ «Статистика России», 2012.
- Т. 1. Численность и размещение населения.
2. См. подробнее: Конюхова И. А. Современный российский федерализм и мировой опыт: Итоги становления и перспективы развития. М. : Городец : Формула права. 2004. С. 389–403.
3. См. Конституция Российской Федерации, принята всенародным голосованием 12.12.1993 // СЗ РФ. 2009. № 4. Ст. 445.
4. Иоанн, Митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский. Чуший да разумеет // Сов. Россия. 1993. 30 апр. С. 4.
5. Там же.
6. Там же.
7. См.: Полевой Н. А. История русского народа. М. : Вече, 2006; Козин Н. Г. Вызов русской идентичности // Стратегия России. 2011. № 8 (92). С. 57–70.
8. См.: СЗ РФ. 2000. № 14. Ст. 1493.
9. См.: IX Международная конференция «Государственное управление в XXI: традиции и инновации» // Стратегия России. 2011. № 8 (92).
10. См.: СЗ РФ. 2003. № 40. Ст. 3822.
11. См.: Там же. 1999. № 18. Ст. 2208.
12. См.: Федотов В. Н., Федотов А. В. Территориальное общественное самоуправление: право и практика. Конституционно-правовое исследование / под общ. ред. Ю. И. Скуратова. М. : Компания Спутник+, 2006.
13. См.: РГ. 1996. 25 июня.
14. См.: Фомиченко М. П. Защита прав народов в Российской Федерации (политико-правовые аспекты). М. : РГСУ, 2005. С. 63–65, 237–257.
15. См.: Дубровин Ю. Д., Туник Г. А. Национально-культурное развитие России: политико-правовые аспекты. М. : Изд-во Гос. Думы, 2002. С. 14.
16. См.: Фомиченко М. П. О реализации права российских народов на самоопределение // Представительная власть — XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. 2005. № 6 (66).
17. Концепция государственной национальной политики Российской Федерации // РГ. 1996. 10 июля.
18. См.: СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 6161–6172.
19. См.: Как сберечь народ (тема номера) // Рос. Федерация сегодня. 2006. № 7.

Регулятивная роль принципов и гарантий трудовых прав

The Regulatory Role of the Principles and Guarantees of Labor Rights

В статье рассматривается регулятивная роль принципов и гарантий трудовых прав. Автор считает, что о гарантиях в трудовых отношениях можно говорить в широком и узком смысле. В широком смысле понятие «гарантии» включает в себя цели, задачи, а также принципы правового регулирования труда и представляет собой основы трудового законодательства, направленные на обеспечение возможности реализации работниками и работодателями, в том числе их представителями, предоставленных трудовых прав. В узком смысле гарантии в сфере труда призваны обеспечить сохранение за работником места работы, средней заработной платы и иных условий труда в случаях, установленных трудовым законодательством, иными нормативными правовыми актами, содержащими нормы трудового права, а также коллективными договорами, соглашениями, локальными нормативными правовыми актами и трудовыми договорами.

Трудовое право; гарантии; трудовой договор; работник; коллективный договор; принципы правового регулирования

The author considers the regulatory role of the principles and guarantees of labor rights. The author believes that the safeguards in the employment relationship can speak in broad and narrow sense. In a broad sense, in my opinion, the concept of "security" includes goals, objectives and principles of the legal regulation of work and represents a basis of labor law to ensure the feasibility of workers and employers, including their representatives, provided labor rights. In turn, from the point of view of the author, in the narrow sense of the guarantee in the workplace are designed to ensure the preservation of the employee jobs, average wages and other working conditions in the cases stipulated by the labor legislation and other normative legal acts containing norms of labor law, as well as collective agreements, contracts, internal regulations and labor contracts.

Labor and Employment Law; warranty; labor contract; an employee collective agreement; the principles of legal regulation

Обеспечение государственных гарантий в области соблюдения трудовых прав работников и работодателей прямо усматривается в нормах ТК [1] исходя из содержания ст. 2. Следует отметить, что установление государственных гарантий по обеспечению прав работников и работодателей, осуществление государственного кон-

троля (надзора) над их соблюдением; обеспечение права каждого на защиту государством его трудовых прав и свобод, включая судебную защиту; обеспечение права на разрешение индивидуальных и коллективных трудовых споров, включая право на забастовку в порядке, установленном ТК и иными федеральными законами, названы

в числе принципов правового регулирования трудовых и иных, непосредственно связанных с ними отношений (ст. 2 ТК).

В понятие «гарантии» включаются средства, способы правового регулирования, использование которых происходит при наступлении определенных условий, указанных в нормах трудового права [2].

Что касается роли принципов гарантий трудовых прав в области регулирования вопросов, связанных с соблюдением прав и свобод работников и работодателей, то здесь следует комплексно рассмотреть взаимосвязь понятийной цепочки «регулятивная роль» — правовое значение категории «принцип» в трудовом праве — «гарантия» как дефиниция, применимая к соблюдению прав субъектов трудовых правоотношений.

При определении соотношения принципов трудового права и гарантий трудовых прав, например, И. А. Паламарчук отмечает, что «вопрос природы и отличительных особенностей принципов права изучается в литературе длительное время» [3], при этом «отсутствует единство мнений о том, чем в сущности являются принципы права» [4].

Следует согласиться с И. К. Дмитриевой в том, что нормы-принципы участвуют в правовом регулировании не напрямую, а опосредованно, в тесной связи и единстве с нормами — правилами поведения, нормами непосредственного, прямого регулирования, составляющими большую часть юридических норм [5].

Отметим, что В. П. Грибанов полагал, что отождествление правового принципа с нормой права практически равнозначно отрицанию правовых принципов вообще. По его мнению, важность принципов обуславливается тем, что они выступают базой соответствующей отрасли права, отражают социальное назначение отрасли, указывают на цели правового воздействия [6].

Так, И. А. Паламарчук полагает, что гарантии трудовых прав, объективированные в виде норм права, подвержены частому изменению, ибо коррелируют зачастую с нормами иных отраслей права, в то время как ценность принципов состоит в постоянстве. Принципы — незыблемый фундамент, на котором и должны базироваться любые изменения и дополнения. В случае, когда принцип изложен в виде нормы права, правила поведения, тогда речь идет о нормах-принципах [7].

Безусловно, закрепление норм-принципов является наиболее удачным вариантом. В таких нормах-принципах и могут быть выражены юридические гарантии.

Система защиты трудовых прав и свобод со стороны государства в форме системы норм трудового права как раз и является одной из важ-

нейших гарантий трудовых прав, вытекающей из нормы — принципа соблюдения трудовых прав работника и (или) работодателя.

Под защитой трудовых прав работников в широком смысле понимается любого рода деятельность, совершаемая субъектами в интересах работников и способствующая улучшению условий их труда.

Как отмечается в научной литературе, в последние десятилетия нарушения прав работников в сфере труда стали в России привычным явлением, хотя конкретная ситуация в области соблюдения и защиты трудовых прав менялась.

Если 1990-е гг. после смены социально-политической системы в России были озаменованы кризисом правосознания, когда работодателями и работниками заново осмыслился вопрос о том, распространяется ли вообще трудовое право на отношения с участием частных работодателей, трудовые договоры не оформлялись, месяцами и годами не выплачивалась заработная плата, были крайне распространены неформальные отношения, огромная доля работников получала зарплату в конвертах, то в 2000-е гг. ситуация, безусловно, стабилизировалась [8].

Согласно ст. 164 ТК под гарантиями понимаются средства, способы и условия, с помощью которых обеспечивается осуществление предоставленных работникам прав в области социально-трудовых отношений.

По мнению В. Н. Скобелкина, юридически гарантиями трудовых прав являются предусмотренные правовыми нормами средства и способы, с помощью которых в обществе обеспечивается беспрепятственное вступление в трудовые и связанные с ними иные правоотношения и дальнейшее осуществление трудовых прав, предоставленных рабочим и служащим трудовым законодательством [9].

Другие ученые-юристы предлагали рассматривать гарантии трудовых прав как совокупность условий, средств и способов, с помощью которых каждому гражданину обеспечивается фактическое пользование правами и свободами, а также выполнение возложенных на него обязанностей [10].

Так, М. В. Молодцов под гарантиями понимал средства, с помощью которых обеспечивается беспрепятственная реализация и всесторонняя охрана этих прав на всех стадиях их осуществления [11].

Указанные позиции известных юристов позволяют отметить, что в определении понятия «гарантии» используются похожие формулировки.

Необходимо подчеркнуть, что предложенные учеными-юристами дефиниции правового понятия «гарантии» отражены и в современном

трудовом законодательстве, но в значении гарантии прав работников и работодателей в трудовых отношениях и иных, непосредственно связанных с ними отношениях (ст. 1 ТК).

Кроме того, приведенные определения отражают лишь один аспект гарантий в сфере труда — осуществление предоставленных работникам прав, т. е. реализация тех прав, которые закрепляются на законодательном и договорном уровне.

При этом, что понимается под понятиями «средство», «способ» и «условие», в ТК не раскрывается.

Например, В. Н. Скобелкин, анализируя смысл данных терминов, пришел к выводу, что средство — это и прием, и предмет, способ же — только предмет. Значит, всякий способ можно рассматривать как средство, но не всякое средство является способом.

В связи с этим судебный порядок рассмотрения трудовых споров (юридическую гарантию) он относил как к средству, так и к способу, обеспечивающему восстановление трудовых прав рабочих и служащих, а санкцию, предусмотренную правовой нормой за нарушение законов о труде, — только к средству, обеспечивающему осуществление трудовых прав [12].

Так, В. Н. Толкунова, характеризуя гарантии как методы (способы) обеспечения фактической возможности пользоваться правами, отнесла к методу (способу) обеспечения реальности права женщин на труд, различные мероприятия по вовлечению женщин в производство и повышению их квалификации [13].

Следовательно, и здесь речь идет о действиях, использование которых позволяет женщинам реализовать право на труд.

Таким образом, термин «способы» как обстоятельство, характеризующее легальное определение гарантий в сфере труда, следует рассматривать в качестве действий, применение которых обеспечивает реализацию правовой нормы в соответствующих отношениях (ст. 167 ТК).

Аналогичное содержание понятия «способ» как обстоятельства, характеризующего легальное определение гарантий в сфере труда, можно наблюдать и при изучении иных норм, регулирующих их предоставление (ст. 173 ТК и др.).

Сравнительный анализ понятий «средства», «способы» как обстоятельств, характеризующих определение гарантий, показывает, что их отличие заключается в характере действий, обеспечивающих реализацию правовых норм о гарантиях в сфере труда (средства — действия имущественного характера, а способы — неимущественного).

Заметим, что в юридической литературе также вкладывается различный смысл слова «условие» для характеристики понятия гарантии.

Так, некоторые юристы понимают под условиями создание благоприятной обстановки для пользования основными правами и свободами и исполнения обязанностей [14], т. е. одним из обстоятельств, определяющих условия, является «создание обстановки», что вряд ли позволит использовать такое определение при характеристике гарантий в трудовом праве.

С точки зрения правового понятия «гарантии» указанный термин должен применяться в ином значении. Хотя в научной литературе по трудовому праву высказано противоположное мнение, согласно которому необходимо отказаться от понимания гарантий как условий [15].

Условия наряду со средствами и способами употребляются федеральным законодателем в качестве обстоятельства, характеризующего гарантии, что не позволяет отказаться от использования термина «условия» для обозначения гарантий.

Так, в соответствии со ст. 167 ТК сохранение за работником места работы (должности) и среднего заработка обусловлено его направлением в служебную командировку. Здесь «условие» употребляется в значении «обстоятельства, от которого что-либо зависит».

Аналогичный смысл указанного термина вытекает из ст. 173 ТК, предусматривающей предоставление гарантий работникам, совмещающим работу с обучением.

Важно учитывать, что нормы-принципы, устанавливающие гарантии трудовых прав работников, являются императивными и носят обязательный характер. Свобода сторон трудового договора ограничена в интересах работника: ему не могут быть поставлены условия труда, снижающие уровень его трудовых прав по сравнению с трудовым законодательством [16].

Таким образом, гарантии в сфере трудового права представляют собой способы реализации трудовых прав работников, использование которых происходит при наступлении условий, определенных в трудовом законодательстве и иных нормативных правовых актах, содержащих нормы трудового права, а также в коллективном договоре, соглашениях, локальных нормативных актах и трудовом договоре.

О гарантиях в трудовых отношениях можно говорить в широком и узком смысле. В первом значении понятие «гарантии» включает в себя цели, задачи, а также принципы правового регулирования труда и представляет собой основы трудового законодательства, направленные на обеспечение возможности реализации работниками и работодателями,

в том числе их представителями, предоставленных трудовых прав. Во втором значении гарантии в сфере труда призваны обеспечить сохранение за работником места работы, средней заработной платы и иных условий труда в случаях, установленных

трудовым законодательством, иными нормативными правовыми актами, содержащими нормы трудового права, а также коллективными договорами, соглашениями, локальными нормативными правовыми актами и трудовыми договорами.

-
1. См.: Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 1 (Ч. 1). Ст. 3.
  2. См.: Симонов В. И. Понятие гарантий и компенсаций в трудовых отношениях // Трудовое право в России и за рубежом. 2001. № 4. С. 50.
  3. Паламарчук И. А. Заключение, изменение и прекращение трудового договора: гарантии и компенсации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. С. 14.
  4. Там же.
  5. См.: Дмитриева И. К. Принципы российского трудового права : монография. М., 2004
  6. См.: Грибанов В. П. Принципы осуществления гражданских прав // Вестник МГУ. Сер. «Право». 1966. № 3. С. 12.
  7. См.: Паламарчук И. А. Указ. соч.
  8. См.: Чибисов В. А. Понятие, формы и способы защиты трудовых прав и свобод // Трудовое право в России и за рубежом. 2010. № 2. С. 2; Коробченко В. В. Защита трудовых прав и интересов работников // Журнал рос. права. 2002. № 12. С. 1–2.
  9. См.: Скобелкин В. Н. Юридические гарантии трудовых прав рабочих и служащих в СССР : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1971. С. 13.
  10. См.: Волкова О. Н. Юридические гарантии трудовых прав граждан СССР при приеме на работу в качестве рабочих и служащих : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1979. С. 7.
  11. См.: Молодцов М. В. Гарантии и компенсации рабочим и служащим. М. : Юрид. лит. 1973. С. 3.
  12. См.: Скобелкин В. Н. Юридические гарантии трудовых прав рабочих и служащих в СССР : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1971. С. 194.
  13. См.: Толкунова В. Н. Трудовое право. М. : ТК «Велби», 2002. С. 188–190.
  14. См., напр.: Воеводин А. Д. Юридический статус личности в России. М., 1997. С. 221–229.
  15. См.: Ратехина В. А. Трудоправовые гарантии права на заработную плату : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2007. С. 15.
  16. См.: Чиканова Л. А., Нуртдинова А. Ф. Основные направления развития российского трудового законодательства // Журнал рос. права. 2010 . № 5. С. 5–19.

УДК 349.222

А. Н. Миронова
A. N. Mironova

Значение и роль трудового договора в условиях рынка труда в Российской Федерации

Meaning and Role of Labor Contract of Employment Market of the Russian Federation

В данной статье рассматривается функциональная роль трудового договора в механизме регулирования трудовых отношений, его юридическое значение. Кроме того, в материале делается акцент на основаниях возникновения трудовых отношений.

Трудовой договор; трудовое правоотношение; условия трудового договора

This article examines the functional role of an employment contract in the mechanism of regulation of labor relations as well as its legal significance. In addition, the material focuses foundations for employment relationships' origin.

Labor contract; legal employment relationship; role of labor contract; labor contract terms

Трудовой договор имеет большое значение, играет важную роль в механизме правового регулирования трудовых отношений, его функции многообразны.

В ст. 37 Конституции [1] закреплена свобода труда, право каждого свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию без какой-либо дискриминации, при запрещении принудительного труда.

В правовом регулировании трудовых отношений и связанных с ними иных отношений свое место занимает коллективно-договорное и индивидуальное регулирование в сочетании с государственным. Практическое значение трудового договора для каждого работника незаменимо, поскольку в его содержании указываются условия труда и оплаты на конкретном рабочем месте за выполнение обусловленной трудовым договором трудовой функ-

ции. Значение трудового договора возрастает в современных условиях рынка труда. Для того чтобы иметь возможность в полной мере реализовать свои трудовые права, каждый должен четко понимать, что представляет собой трудовой договор.

В условиях перехода России к рыночной экономике неизбежно меняются функции государства в сфере регулирования труда. Государство в соответствии с Конституцией, общепризнанными принципами и нормами международного права, международными договорами РФ законодательно устанавливает определенный уровень и способы защиты трудовых прав субъектов трудовых отношений. При этом возрастает роль конкретного трудового договора, его заключения, содержания, возможных изменений и прекращения.

В науке трудового права обоснованно обращено внимание на то, что с уменьшением объема

и сферы нормативного регулирования трудовых отношений многократно возрастают роль и значение трудового договора, принцип свободы трудового договора становится универсальным принципом трудового права [2].

Одним из первых в России дал научное определение трудового договора известный отечественный правовед Л. С. Тал. Он рассматривал данный договор как сделку (независимо от отрасли хозяйства и социального положения работника), которую одно лицо обещает другому путем приложения своей рабочей силы на определенный или неопределенный срок к его предприятию или иному хозяйству в качестве несамостоятельного работника, подчиняясь в пределах определяемых договором, законом или обычаем, хозяйской власти работодателя и внутреннему порядку его предприятия или хозяйства [3].

Трудовой договор в России является основным институтом трудового права. Он оформляет вступление работника в трудовое отношение, детализирует и конкретизирует взаимоотношения работника и работодателя, рассматривается как соглашение его сторон.

Нормы, посвященные трудовому договору, закреплены в разд. 3 ТК [4], который включает пять глав (10–14), начиная с определения понятия трудового договора.

В ст. 56 ТК приведено следующее его понятие (термин) «трудовой договор — соглашение между работодателем и работником в соответствии с которым работодатель обязуется предоставить работнику работу по обусловленной трудовой функции обеспечить условия труда, предусмотренные трудовым законодательством и иными нормативными правовыми актами, содержащими нормы трудового права, коллективным договором, соглашениями, локальными нормативными актами и данным соглашением, своевременно и в полном размере выплачивать работнику заработную плату, а работник обязуется лично выполнять определенную этим соглашением трудовую функцию, соблюдать правила внутреннего трудового распорядка, действующие у данного работодателя».

Ученые в области трудового права С. П. Маврин, Е. Б. Хохлов считают, что легальное определение трудового договора свидетельствует о том, что его предмет охватывает некоторый вид трудовой деятельности, который работник обязуется ежедневно и лично выполнять за плату, в интересах работодателя под руководством и под риск работодателя, что обуславливается, по мнению авторов, положением работника, не являющегося субъектом самостоятельного хозяйствования либо какой-нибудь иной экономической деятельности. Иными словами, заключая трудовой договор и да-

вая согласие на участие своим трудом в экономической деятельности работодателя, работник фактически ставит себя в положение субъекта подчиненного труда. Ведь не он, а работодатель определяет содержание, условия и цель данного труда. Таким образом, можно констатировать, что труд работника, применяемый на основе трудового договора, имеет подчиненный характер [5].

В современной науке трудового права обращается внимание на то, что трудовой договор как правовая категория может рассматриваться в различных аспектах: как институт трудового права, как юридический акт, порождающий трудовое правоотношение, и как способ реализации права на труд. Кроме того, будучи одним из основных институтов трудового права в ТК, он занимает центральное место, включает нормы, определяющие стороны и порядок его заключения, содержание, правила, регламентирующие порядок оформления приема на работу, перевода, изменение существенных условий трудового договора, отстранение от работы, а также прекращения трудовых отношений. При этом трудовой договор рассматривается и как основание порожденного им трудового правоотношения. Соответственно изменение условий трудового договора или его прекращение изменяют или прекращают трудовое правоотношение [6].

По мнению О. В. Смирнова, определение понятия трудового договора нельзя считать полным, адекватно выражающим его содержание и значение. По словам ученого, наука трудового права рассматривает понятие трудового договора в трех взаимосвязанных аспектах: как форму реализации права граждан на труд; как основание возникновения и существования во времени трудового правоотношения; как институт трудового права, объединяющий нормы, регулирующие прием граждан на работу, их переводы и увольнения [7].

Анализируя основания возникновения трудовых правоотношений, необходимо знать юридические акты, которые порождают указанные правоотношения. Основным ведущим основанием является трудовой договор между работником и работодателем. Его главенствующая роль определена в ч. 1 ст. 16 ТК как основание возникновения трудового правоотношения. Этим подтверждается его важная функциональная роль в механизме правового регулирования трудовых отношений. Как юридический акт трудовой договор порождает трудовое правоотношение.

С заключением трудового договора связаны важные юридические гарантии, предусмотренные трудовым законодательством.

Он также является основанием существования во времени трудового правоотношения. С прекращением трудового договора прекращается

порожденное им трудовое правоотношение. Соответственно с трудовым договором связано развитие трудового правоотношения: изменение сторонами условий трудового договора означает изменение трудового правоотношения, включая переводы и перемещение по работе.

По мнению И. К. Дмитриевой, трудовой договор является той юридической формой, которая позволяет работнику в условиях рынка труда реализовать право на свободный труд и в максимальной мере предоставляет возможность работодателю для свободного осуществления подбора необходимых ему работников с учетом его собственных интересов и потребностей. Следовательно, в трудовом договоре отражается свобода труда и договорный принцип регулирования трудовых отношений, позволяющие сторонам свободно и добровольно выбирать друг друга исходя из своих частных интересов на рынке труда, свободно определять условия трудового договора и свободно его заключать. В этом проявляется важная социальная и экономическая роль трудового договора, с чем можно согласиться.

Обоснованным представляется и суждение указанного автора о том, что функциональная роль трудового договора в механизме правового регулирования трудовых отношений, т. е. юридическое значение трудового договора, особенно проявляется в соотношении трудового договора и трудового правоотношения, что было уже рассмотрено. Как юридический акт — основание возникновения трудового правоотношения — трудовой договор позволяет его сторонам (работнику и работодателю) достичь соглашения по условиям договора, т. е. по его содержанию, индивидуализировать и конкретизировать эти условия, определить права и обязанности сторон [8].

В науке трудового права обоснованно отмечено, что трудовой договор, будучи основанием возникновения трудовых правоотношений, в подавляющем большинстве случаев выступает как правовая форма согласования воли его участников и возник, как известно, в рамках частного, а точнее, гражданского права. В некоторых государствах и поныне трудовой договор в силу своего происхождения занимает место в нормах гражданского законодательства, хотя досконально учитываются его особенности как трудового договора (например, в ФРГ, Франции, Италии), а регулирование трудовых отношений осуществляется на основе трудового права [9].

Российский законодатель не только определяет в ст. 16 ТК функциональную роль трудового договора, но и приводит понятия (термины) работника и работодателя (ст. 20 ТК), их основные (статутные) права и обязанности (ст. 21, 22 ТК).

Следует отметить, что законодатель по мере внесения изменений в ст. 21 ТК более четко формулирует право работника на рабочее место, соответствующее государственным нормативным требованиям охраны труда и условиям, предусмотренным коллективным договором (в редакции Федерального закона от 30.06.2006 № 90-ФЗ «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации, признании не действующими на территории Российской Федерации некоторых нормативных правовых актов СССР и утратившими силу некоторых законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации» [10]), что является актуальным в современных условиях функционирования предприятий. Новеллой является указание о праве работника на подготовку и дополнительное профессиональное образование (в редакции Федерального закона от 21.07.2013 № 185-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу законодательных актов (отдельных положений законодательных актов) Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации»» [11]).

Основные (статутные) права и обязанности работодателя (ст. 22 ТК) также подверглись изменениям и дополнениям, в частности к правам работодателя отнесено создание производственных советов (в редакции Федерального закона от 07.05.2013 № 95-ФЗ «О внесении изменения в статью 22 Трудового кодекса Российской Федерации» [12]). Уточнено право работодателя реализовывать права, предоставленные ему законодательством о специальной оценке условий труда.

В содержании трудового договора, т. е. его условиях, получивших закрепление в ст. 57 ТК, отражена позиция, общепринятая в науке трудового права, о разделении условий трудового договора на «необходимые» или «обязательные» условия (ч. 2 ст. 57 ТК), без которых трудовой договор не может быть заключен и трудовое правоотношение не возникнет, и «дополнительные» (факультативные) условия (ч. 4 ст. 57 ТК), которые могут быть включены в трудовой договор, если стороны об этом договорились. При достижении соглашения эти условия также являются обязательными для сторон. К обязательным условиям трудового договора, например, относятся: место работы, а в случае, когда работник принимается для работы в филиале, представительстве или ином обособленном структурном подразделении организации, расположенном в другой местности, — место работы с указанием обособленного структурного подразделения и его местонахождения; трудовая функция (работа по должности в соответствии

со штатным расписанием, профессии, специальности, с указанием квалификации; конкретный вид поручаемой работнику работы). Если в соответствии с федеральными законами с выполнением работ по определенным должностям, профессиям, специальностям связано предоставление компенсаций и льгот либо наличие ограничений, то наименование этих должностей, профессий или специальностей и квалификационные требования к ним должны соответствовать наименованиям и требованиям, указанным в квалификационных справочниках, или соответствующим положениям профессиональных стандартов. Указывается дата начала работы, а в случае, когда заключается срочный трудовой договор, также срок его действия и обстоятельства (причины), послужившие основанием для заключения срочного трудового в соответствии с ТК или иным федеральным законом; условия оплаты труда (в том числе размер тарифной ставки или оклада (должностного оклада) работника, доплаты надбавки и поощрительные выплаты); гарантии и компенсации за работу с вредными и (или) опасными условиями труда, если работник принимается на работу в соответствующих условиях, с указанием характеристик условий труда на рабочем месте; условие об обязательном социальном страховании работника; другие условия в случаях, предусмотренных трудовым законодательством и иными нормативными правовыми актами, содержащими нормы трудового права.

Другие условия определяются в случаях, если они отличаются от общих правил, действующих у данного работодателя, например режим труда и отдыха работника и т. д.

В трудовом договоре могут предусматриваться дополнительные (факультативные) условия. Они не должны ухудшать положение работника по сравнению с установленными трудовым законодательством и иными нормативными правовыми актами, коллективным договором, соглашениями, локальными нормативными актами. К указанным условиям могут быть отнесены согласно ч. 4 ст. 57 ТК условия об уточнении места работы (с указанием структурного подразделения и его места нахождения) и (или) о рабочем месте; об испытании; о неразглашении охраняемой законом тайны (государственной, служебной, коммерческой и иной) и т. д.

В трудовой договор по соглашению сторон могут также включаться установленные в трудовом законодательстве и иных нормативных правовых актах, локальных актах права и обязанности работника и работодателя, вытекающие из условий коллективного договора, соглашений. При этом невключение в трудовой договор каких-либо из указанных прав и (или) обязанностей работни-

ка и работодателя не может рассматриваться как отказ от реализации этих прав или исполнения данных обязанностей.

Трудовое законодательство РФ не препятствует установлению более льготных для работника условий труда, чем предусмотрено законодательством, однако трудовые договоры не могут содержать условий, ограничивающих права или снижающих уровень гарантий работников по сравнению с установленными трудовым законодательством и иными нормативными правовыми актами, содержащими нормы трудового права. Если такие условия включены в коллективный договор, соглашение или трудовой договор, то они не подлежат применению (ч. 2 ст. 9 ТК).

В науке трудового права отмечено, что юридическое значение конкретного трудового договора заключается в том, что он выступает базой существования и развития правовых отношений по применению труда работников [13].

Однако этим не ограничивается роль трудового договора, которая выступает также как специфический регулятор, позволяя сторонам, т. е. работнику и работодателю, достичь соглашения по условиям договора, индивидуализировать эти условия применительно к личности работника и выполняемой им работы (трудовой) функции.

Необходимо иметь в виду и то значение, которое придается правовому институту трудового договора, нормы которого содержатся не только в разд. 3 ТК, но и во многих других разделах ТК, иных нормативных правовых актах, коллективных договорах, соглашениях, локальных нормативных актах.

Отметим также, что законодатель стремится создать для обеих сторон трудового договора равные возможности для осуществления своих прав. С юридической точки зрения работник и работодатель, формально выступающие как равноправные субъекты, в равной мере могут внести свои условия и отказаться от принятия условий, предложенных другой стороной в содержание трудового договора при его заключении.

Однако экономически стороны неравны и фактически возможности работодателя существенно шире в сфере регулирования трудовых отношений. Соответственно этому трудовое законодательство исходит из необходимости предоставления работнику определенных правовых гарантий, закрепленных в нормах трудового права, и выражается в законодательном закреплении оснований прекращения трудового договора, порядка расторжения трудового договора по инициативе работодателя и др. Необходимость расторжения трудового договора по инициативе работодателя может возникать и должна исходить

не столько из субъективных соображений, сколько из объективных критериев, а при возникновении индивидуальных трудовых споров именно ра-

ботодатель обязан предоставить доказательства необходимости расторжения трудового договора по его инициативе с работником.

---

1. См.: Конституция Российской Федерации, принята всенародным голосованием 12.12.1993 // СЗ РФ. 2009. № 4. Ст. 445.

2. См.: Гусов К. Н., Толкунова В. Н. Трудовой договор (комментарий к Трудовому кодексу РФ). М. : ТК ВЕЛБИ, 2002. С. 3.

3. См.: Таль А. С. Трудовой договор. Цивилистическое исследование. Ярославль, 1913. С. 1, 2.

4. См.: Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 1 (Ч. 1). Ст. 3.

5. См.: Маврин С. П., Хохлов Е. Б. Трудовое право. М. : Высшее образование, 2005. С. 125, 126.

6. См.: Трудовое право России / под ред. Ю. П. Орловского, А. Ф. Нуртдиновой. М. : ИНФРА-М, 2003. С. 80.

7. См.: Трудовое право : учебник / под ред. О. В. Смирнова. М. : Проспект, 2005. С. 203.

8. См.: Трудовое право России / под ред. А. М. Куренного. М. : Юрист, 2004. С. 173, 174.

9. См.: Дмитриева И. К. Принципы российского трудового права. М. : РПА МЮ РФ, 2004. С. 167.

10. См.: СЗ РФ. 2006. № 27. Ст. 2878.

11. См.: Там же. 2014. № 30. Ст. 4219.

12. См.: Там же. 2013. № 19. Ст. 2322.

13. См.: Российское трудовое право : учебник для вузов / под ред. А. Д. Зайкина. М., 1997. С. 157.

УДК 342.9

Г. Э. Добрякова
G. E. Dobryakova

Организационно-правовые проблемы деятельности систем-посредников в сети Интернет

Legal Issues of System-agent's Activity Via the Internet

В статье приведен анализ организационно-правовых проблем деятельности систем-посредников в сети Интернет, дана характеристика деятельности коммерческих интернет-посредников, существующих в виде как информационных систем, так и баз данных, основной целью которых является обеспечение заключения сделки между продавцом и покупателем.

Информационный посредник; система-посредник; дистанционные сделки; электронные сделки

The article provides an analysis of the legal issues of system-agents in the Internet, the characteristic activities of the commercial Internet agents, exist in the form of information systems and databases, but the main purpose of which is to ensure the transaction between seller and buyer.

Internet agent; information broker; information system-agent; remote transactions; electronic transactions

Осуществляя анализ организационно-правовых проблем деятельности систем-посредников в сети Интернет, необходимо охарактеризовать деятельность коммерческих интернет-посредников, существующих в виде как информационных систем, так и баз данных, основной целью которых является обеспечение заключения сделки между продавцом и покупателем.

В случае если заключение сделки происходит вручную пользователями без интерфейса системы (допустим, портал госзакупки предоставляет только информацию о контракте, а все взаимодействие осуществляется пользователями на информационной площадке для электронных торгов, не является системой-посредником, поскольку отсутствует технология взаимодействия).

Интернет-посредники повышают эффективность функционирования электронного рынка за счет облегчения взаимодействия между продавцами и покупателями. Существующие примеры систем-посредников реализованы без модулей программной аутентификации (аутентификация осуществляется только посредством личного присутствия), электронного документооборота и резерва денежных средств на банковском счету. Денежные средства конвертируются в валюту системы и резервируются на депозитном счету посредника. Интересным также является вопрос о налогообложении прибыли системы и платежей в пользу исполнителя. Основной предмет интереса представляет инструмент «безопасной сделки», но вопрос о налоговом агенте системы-посредники решают для себя по-разному.

Пользовательское соглашение биржевых брокеров содержит стандартные ограничения ответственности, как и многие интернет-посредники: «7.3. Биржа не несет ответственности перед пользователями за какие-либо косвенные, случайные, непреднамеренные убытки, включая вред, если данные убытки возникли в связи с использованием Сайта» [1].

Проводя анализ общих проблем информационных посредников, можно выделить следующие:

1) невозможность аутентификации программно-аппаратными средствами, что влечет за собой невозможность контролировать действия пользователя. Данную проблему некоторые из описываемых посредников решают путем предоставления пострадавшей стороне доступа к имеющейся у них информации о контрагенте, включая IP и данные банковской карты. Однако этого недостаточно для идентификации, поскольку для направления запроса о личности человека в ФМС России необходимо знать фамилию, имя, отчество и дату рождения, иначе пользователь не может быть идентифицирован ФМС России;

2) невозможность осуществления операций в российских рублях и необходимость конвертации в титульные денежные знаки (кроме сервиса Правовед.ру). Предполагаем, что конвертация в титульные денежные знаки не случайна и, по мнению интернет-посредников, освобождает их от обязанности уплачивать налоги и выполнять роль налогового агента. Положения о налоговом агенте действительно необходимо четко сформулировать, поскольку невозможно для оценки руководствоваться письмами Минфина России, а оценка данной ситуации отражена только в них: письмо Минфин России от 02.10.2009 № 03-04-06-01/252 [2], письмо Минфин России от 11.03.2009 № 03-04-06-01/53 [3], где Минфин России указал, что фирма, выплачивающая денежные средства, но не являющаяся источником выплаты дохода налогоплательщику, не признается налоговым агентом.

1. Первые две проблемы ведут за собой отсутствие интегрированного документооборота, поскольку при недостатке первых двух параметров документооборот сам по себе теряет свое значение (без контроля идентификации и контроля платежей) он не имеет смысла.

2. Отсутствует возможность аутентификации объекта сделки и определения его принадлежности, что критически важно для исполнения обязательств по договору. Именно для этих целей разработаны

механизмы сделки без риска, обеспечительного платежа и гарантированной сделки, применяемые интернет-посредниками. Однако они работают только в правовом поле титульных денежных знаков, сформированных сервисом *web-money*.

3. Арбитраж в том виде, в котором он существует на информационных площадках посредников, живет только за счет молчаливого соглашения о принятии решений арбитра. Безусловно, его решения не являются юридически исполнимыми, но эффект предварительного резервирования денежных средств сглаживает риски исполнителя.

Порядок создания функционирующего третейского суда, действующего в интересах участников оборота, для рассмотрения споров между российскими организациями на территории РФ определяется Федеральным законом от 24.07.2002 № 102-ФЗ «О третейских судах в Российской Федерации» [4] (до его принятия — постановлением Верховного Суда РФ от 24.06.1992 № 3115-1 «Об утверждении Временного положения о третейском суде для разрешения экономических споров» [5]).

Несмотря на возможность создания третейского суда и закрепления в оферте третейской оговорки, ни одна из изученных информационных посредников не имеет собственного третейского суда, решения которого были бы правомочными в соответствии с законодательством РФ.

Отсутствие третейского суда является неизбежным следствием всех вышеизложенных проблем и, учитывая сложности с аутентификацией и платежами, было бы нелогично, если бы он действительно существовал у некоторых информационных посредников.

В результате существующие информационные системы сталкиваются с правовыми проблемами и технической сложностью в проведении аутентификации, а также с налоговыми рисками при депонировании денежных средств. Данные проблемы необходимо решать путем законодательной реформы.

В связи с этим мы предлагаем дополнить ст. 24 НК [6] п. 6, в котором указать следующее:

«6. Не являются налоговыми агентами для целей налогообложения информационные посредники, операторы информационных ресурсов, информационных систем, информационных порталов, средств массовой информации и иные лица, выплачивающие денежные средства, но не являющиеся источником выплаты дохода налогоплательщику».

1. Московская биржа: пользовательское соглашение // Московская биржа : сайт. URL: <http://assets.moex.com/agreements/ru/agreement.pdf> (дата обращения: 10.09.2014).

2. Документ опубликован не был. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Документ опубликован не был. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

4. См.: СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3019.

5. См.: ВСНД и ВС РФ. 1992. № 30. Ст. 1790.

6. См.: Налоговый кодекс Российской Федерации, часть первая от 31.07.1998 № 146-ФЗ // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3824; часть вторая от 05.08.2000 № 117-ФЗ // Там же. 2000. № 32. Ст. 3340.

УДК 347

М. Н. Илюшина
M. N. Plyushina

Реформа Гражданского кодекса Российской Федерации и новеллы правового статуса обществ с ограниченной ответственностью

Reform of the Civil Code of the Russian Federation Novels and the Legal Status of Limited Liability Companies

В настоящей статье рассматриваются новые положения ГК об ООО, по-новому определяющие его правовой статус как коммерческое корпоративное юридическое лицо, как непубличное общество. Исследуются новеллы законодательных основ механизма правового регулирования института уставного капитала в ООО как необходимого элемента правового статуса коммерческого юридического лица.

ООО; правовой статус; коммерческое юридическое лицо; корпоративное юридическое лицо; непубличное общество; уставный капитал

This article examines the new provisions of the Civil Code of the Limited Liability Companies, redefines its legal status as a commercial corporate entity as a non-public company. We investigate novel legislative framework mechanism of legal regulation of the institute in the authorized capital of LLC, as a necessary element of the legal status of the commercial entity.

Limited Liability Company; legal status; commercial entity; corporate entity; non-public company; authorized capital

Рассматривая сущность ООО как юридического лица, следует отметить справедливость современной доктринальной оценки указанного вида хозяйственного общества. В юридической литературе отмечается, что не располагающая какими-либо историческими прообразами и моделями юридическая конструкция ООО имела целью предоставление мелким и средним предпринимателям возможности создавать правосубъектные корпорации с маленьким числом участников и относительно небольшим капиталом, учитывая при этом весьма незначительную возможность изменения персонального состава их участников, т. е. отсутствующий в АО личностный элемент [1].

В ч. 1 п. 1 ст. 87 ГК [2] дано понятие ООО, которое и ранее приводилось в ГК и в п. 1 ст. 2

Федерального закона от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (далее — Закон об ООО) [3] в редакции Федерального закона от 30.12.2008 № 312-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ред. от 05.05.2014) (далее — Закон об изменениях в ч. 1 ГК) [4]. Из текста ранее существовавшей редакции изъято словосочетание, уточняющее место указания доли участников ООО и ее размера: «размеры которых определены учредительными документами». Такое изменение логично вытекало из новой редакции п. 8 ст. 11 Закона об ООО, где было установлено, что «сведения о размере и номинальной стоимости доли каждого

участника общества вносятся в единый государственный реестр юридических лиц в соответствии с федеральным законом о государственной регистрации юридических лиц. При этом сведения о номинальной стоимости долей участников общества при его учреждении определяются исходя из положений договора об учреждении общества или решения единоличного учредителя общества, в том числе в случае, если эти доли не оплачены в полном объеме и подлежат оплате в порядке и в сроки, которые предусмотрены настоящим федеральным законом».

В новой редакции п. 1 ст. 87 ГК, введенной 1 сентября 2014 г. Федеральным законом от 05.05.2014 № 99-ФЗ «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» (далее — Закон об изменениях в гл. 4 ч. 1 ГК) [5], из определения ООО было включено слово «хозяйственное». На наш взгляд, это только терминологическое уточнение, поскольку ООО является хозяйственным обществом, однако отмеченная характеристика показана в целом как системный признак и в ст. 66 ГК. Так, п. 4 ст. 66 ГК, в частности, устанавливает, что хозяйственные общества могут создаваться в организационно-правовой форме АО или ООО. Следует отметить, что действующая редакция Закона об ООО сохраняет в понятии, приведенном в п. 1 ст. 2 слово «хозяйственное». В отличие от новелл понятия юридического лица, приведенного в ст. 48 ГК, опустившего общее требование о необходимости юридическому лицу иметь имущество на каком-либо вещном праве, п. 2 ст. 2 Закона об ООО сохраняет эти требования: «Общество имеет в собственности обособленное имущество, учитываемое на его самостоятельном балансе, может от своего имени приобретать и осуществлять имущественные и личные неимущественные права, нести обязанности, быть истцом и ответчиком в суде». По правилу, закрепленному в настоящей статье, участники ООО, как и прежде, не несут ответственности по долгам созданного хозяйственного общества. При этом следует отметить, что сохраняет силу и специальное правило, закрепленное в п. 3 ст. 3 Закона об ООО о том, что в случае несостоятельности (банкротства) общества по вине его участников или других лиц, которые имеют право давать обязательные для общества указания либо иным образом имеют возможность определять его действия, на указанных участников или других лиц в случае недостаточности имущества общества может быть возложена субсидиарная ответственность по его обязательствам.

Новая редакция ст. 87 ГК также отражает существенные изменения, которые произошли в статусе юридических лиц в связи реформой ГК. Системные новеллы гл. 4 ГК «Юридические лица» придали ООО новые легальные характеристики. С 1 сентября 2014 г. ООО представляет собой:

- коммерческое юридическое лицо (п. 2 ст. 50 ГК);
- корпоративное юридическое лицо (п. 1 ст. 65.1 ГК);
- непубличное общество (п. 2 ст. 66.3 ГК).

С учетом указанных общих положений, впервые закрепленных в новой редакции ст. 66 и 66.3 ГК, а также признаков ООО, сохраненных в п. 1 ст. 87 ГК, можно дать новое определение ООО. Итак, ООО — это непубличное хозяйственное общество, которое является корпоративной коммерческой организацией с разделенным на доли учредителей (участников) уставным капиталом, участники которого не отвечают по его обязательствам и несут риск убытков, связанных с деятельностью общества, в пределах стоимости принадлежащих им долей.

В ГК устанавливаются минимальные требования к фирменному наименованию ООО. Общие положения о фирменном наименовании содержатся в § 1 гл. 76 ГК, где устанавливаются различные требования к содержанию и форме фирменного наименования. Более полное регулирование права на фирменное наименование содержится в п. 1 ст. 4 Закона об ООО. Общество должно иметь полное и вправе иметь сокращенное фирменное наименование на русском языке. Общество вправе иметь также полное и (или) сокращенное фирменное наименование на языках народов РФ и (или) иностранных языках.

Полное фирменное наименование общества на русском языке должно содержать полное наименование общества и слова «с ограниченной ответственностью». Сокращенное фирменное наименование общества на русском языке должно содержать полное или сокращенное наименование общества и слова «с ограниченной ответственностью» или аббревиатуру ООО. В этой же статье решен вопрос об использовании в фирменном наименовании слов на иностранном языке.

Фирменное наименование общества на русском языке и на языках народов РФ может содержать иноязычные заимствования в русской транскрипции или в транскрипциях языков народов РФ, за исключением терминов и аббревиатур, отражающих организационно-правовую форму общества.

Так, п. 3 ст. 87 ГК, показывая, какие источники регулируют правовое положение общества и права и обязанности участников, выполняет

сразу две задачи: устанавливает, что все складывающиеся в связи с этим отношения регулируются нормами гражданского права [6], и выстраивает горизонтальную иерархию источников. Соответственно, ГК выступает как общий акт, а Закон об ООО — как специальный.

Кроме того, из п. 3 исключен абзац с указанием на то, что особенности правового положения кредитных организаций, созданных в форме ООО, права и обязанности их участников определяются также законами, регулирующими деятельность кредитных организаций. Указанный абзац утратил силу с 1 сентября 2014 г. в связи с принятием Закона об изменениях в гл. 4 ч. 1 ГК. Данное уточнение вполне логично, поскольку этим же законом введено общее правило об особенностях правового регулирования в целом всех юридических лиц, действующих в отдельных сферах предпринимательской деятельности, в п. 4 ст. 49 ГК «Правоспособность юридического лица», которым установлено, что гражданско-правовое положение юридических лиц и порядок их участия в гражданском обороте регулируются ГК. Особенности гражданско-правового положения юридических лиц отдельных организационно-правовых форм, видов и типов, а также юридических лиц, созданных для осуществления деятельности в определенных сферах, определяются в соответствии с ГК, другими законами и иными правовыми актами. Кроме того, данное общее положение обо всех юридических лицах дополнено новой редакцией п. 7 ст. 66 ГК, в силу которой особенности правового положения кредитных организаций, страховых организаций, клиринговых организаций, специализированных финансовых обществ, специализированных обществ проектного финансирования, профессиональных участников рынка ценных бумаг, акционерных инвестиционных фондов, управляющих компаний инвестиционных фондов, паевых инвестиционных фондов и негосударственных пенсионных фондов, негосударственных пенсионных фондов и иных некредитных финансовых организаций, АО работников (народных предприятий), а также права и обязанности их участников определяются законами, регулирующими деятельность данных организаций. Таким образом, ГК признает, что могут быть особенности правового положения хозяйственных обществ и товариществ, показав, что такие особенности связываются прежде всего с видом осуществляемой ими деятельности и должны быть закреплены в специальных законах. Статья содержит примерный перечень организаций, осуществляющих в статусе хозяйственных товариществ и обществ соответствующие виды деятельности, которые должны учитываться и отражать-

ся в специальных законах. При этом одни из видов деятельности уже закреплены в федеральных законах, например в Федеральном законе от 02.12.1990 № 395-1 «О банках и банковской деятельности» (далее — Закон о банках) [7], Законе РФ от 27.11.1992 № 4015-1 «Об организации страхового дела в Российской Федерации» (далее — Закон о страховом деле) [8], а другие, по мнению законодателя, еще требуется отразить в специальном законе. Например, на сегодняшний день требования к управляющим компаниям инвестиционных фондов устанавливаются только в Федеральном законе от 29.11.2001 № 156-ФЗ «Об инвестиционных фондах» [9].

Кроме того, стало ясно, что указанные законы, которые регулируют особенности правового положения хозяйственных обществ, осуществляющих отдельные виды деятельности, являются специальными законами как по отношению к ГК, так и к Закону об ООО. Например, в отношении специализированного общества в п. 1 ст. 15.1 Федерального закона от 22.04.1996 № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» [10] установлено, что положения Федерального закона от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» [11] и Закона об ООО распространяются на специализированные общества с учетом особенностей, установленных указанным Федеральным законом.

Значительным изменениям подверглась в ГК концепция формирования уставного капитала ООО. Новая редакция ст. 90 ГК создает законодательные основы механизма правового регулирования института уставного капитала в ООО как необходимого элемента правового статуса коммерческого юридического лица, которое должно удовлетворять признаку имущественной самостоятельности и обособленности. Данный механизм образуют прежде всего ст. 66.2 ГК как более общая норма, комментируемая статья и соответствующие нормы Закона об ООО. Например, ст. 90 ГК начинается с уточнения квалификации стоимости долей, из которых складывается уставный капитал. Данная часть подверглась изменению с учетом давно сложившегося доктринального понимания указанной стоимости [12], а также правила, приведенного в п. 1 ст. 14 Закона об ООО, и закрепляет следующее правило: уставный капитал ООО составляется из номинальной стоимости долей участников.

Минимальный размер уставного капитала ООО в ГК не определяется. В этой части регулирование правового статуса ООО осуществляется Законом об ООО. В связи с изменениями, внесенными Законом об изменениях в ч. 1 ГК в Закон об ООО и вступившими в силу с 01.07.2009, минимальный размер уставного капитала ООО

должен составлять не менее 10 тыс. руб. (п. 1 ст. 14 Закона об ООО). Кроме того, абз. 2 п. 1 ст. 66.2 ГК указывает на особенности правового регулирования формирования уставных капиталов обществ, занимающихся отдельными видами деятельности, устанавливая, что минимальные размеры уставных капиталов хозяйственных обществ, осуществляющих банковскую, страховую или иную подлежащую лицензированию деятельность, а также АО, использующих открытую (публичную) подписку на свои акции, устанавливаются законами, определяющими особенности правового положения указанных хозяйственных обществ.

Например, в ст. 11 Закона о банках минимальный размер уставного капитала банка равен 180 млн руб.; минимальный размер уставного капитала небанковской кредитной организации — 18 млн руб.

Для занятия страховой деятельностью минимальный размер уставного капитала определяется на основе базового размера уставного капитала, равного 30 млн руб., и специальных коэффициентов в зависимости от объектов страхования (п. 3 ст. 25 Закона о страховом деле).

Организациям для получения права на производство этилового спирта нужно иметь оплаченный уставный капитал (фонд) в размере не менее чем 10 млн руб. (п. 9 ст. 8 Федерального закона от 22.11.1995 № 171-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции» [13]) и т. д.

В ст. 90 ГК сохранено ранее существовавшее правило о том, что не допускается освобождение участника ООО от обязанности оплаты доли в уставном капитале общества, так же как и положения о частном случае исключения из этого правила о том, что оплата уставного капитала ООО при увеличении уставного капитала путем зачета требований к обществу допускается в случаях, предусмотренных Законом об ООО.

В соответствии с п. 4 ст. 19 Закона об ООО установлена возможность его реализации. По решению общего собрания, принятому всеми единогласно, участники общества в счет внесения ими дополнительных вкладов и (или) третьи лица в счет внесения ими вкладов вправе зачесть денежные требования к обществу. Вместе с тем в отношении ООО, осуществляющих отдельные виды деятельности, указанный механизм заблокирован специальным законодательством об указанных видах деятельности. Например, банкам и кредитным организациям (хозяйственным обществам) запрещено формировать уставный капитал путем погашения требований своих кредиторов по принципу «акции в обмен на требования» [14].

Изменился и порядок оплаты уставного капитала. Если иное не предусмотрено законом о хозяйственных обществах, учредители хозяйственного общества обязаны оплатить не менее трех четвертей его уставного капитала до государственной регистрации общества, а остальную часть — в течение первого года деятельности общества (п. 4 ст. 66.1 ГК). Вследствие этого в данной части действует специальное правило о порядке оплаты, установленное п. 1 ст. 16 Закона об ООО о том, что каждый учредитель общества должен оплатить полностью свою долю в уставном капитале общества в течение срока, который определен договором об учреждении общества или в случае учреждения общества одним лицом решением об учреждении общества. Срок такой оплаты не может превышать четыре месяца с момента государственной регистрации общества. При этом доля каждого учредителя общества может быть оплачена по цене не ниже ее номинальной стоимости. Таким образом, в отношении ООО, созданных после 1 сентября 2014 г., минимальный уставный капитал должен составлять 10 тыс. руб. Минимальный размер уставного капитала должен быть внесен только денежными средствами. Оплату уставного капитала необходимо осуществить полностью в четыре месяца с момента государственной регистрации. Три четверти уставного капитала должны быть внесены до государственной регистрации ООО.

Если в соответствии с законом допускается государственная регистрация хозяйственного общества без предварительной оплаты трех четвертей уставного капитала, участники общества несут субсидиарную ответственность по его обязательствам, возникшим до момента полной оплаты уставного капитала.

Иным образом решен вопрос для ООО и при оплате уставного капитала неденежными средствами. С 1 сентября 2014 г. при оплате уставного капитала хозяйственного общества должны быть внесены денежные средства в сумме не ниже минимального размера уставного капитала (п. 2 ст. 66.2 ГК). И если ранее требовалась денежная оценка неденежного вклада только в случае внесения имущества стоимостью от 20 тыс. руб., то теперь любой неденежный вклад подлежит оценке независимым оценщиком (абз. 2 п. 2 ст. 66.2 ГК). В силу нового положения правило абз. 2 п. 2 ст. 15 Закона об ООО не должно применяться.

Участники хозяйственного общества не вправе определять денежную оценку неденежного вклада в размере, превышающем сумму оценки, определенную независимым оценщиком.

Подверглась уточнению и правке редакция п. 4 ст. 90 ГК. В ней впервые показан порядок

действия общества в случае, если по окончании второго или каждого последующего финансового года стоимость чистых активов ООО окажется меньше его уставного капитала. В этом случае общество обязано:

- либо в порядке и в срок, который предусмотрен Законом об ООО, увеличить стоимость чистых активов до размера уставного капитала;

- либо зарегистрировать в установленном порядке уменьшение уставного капитала. Понятно, что в результате уменьшения уставного капитала не у общества может остаться уставный капитал меньше 10 тыс. руб. При этом, как указывается в п. 11 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 90, Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ № 14 от 09.12.1999 «О некоторых вопросах применения Федерального закона “Об обществах с ограниченной ответственностью”» (далее — постановление № 90/14) [15].

Общество обязано уменьшить свой уставный капитал, в частности:

а) в случае неполной оплаты уставного капитала в течение года с момента государственной регистрации общества. Уменьшение уставного капитала производится до фактически оплаченного его размера (если в связи с неполной оплатой уставного капитала не будет принято решение о ликвидации общества);

б) если по окончании второго и каждого последующего финансового года стоимость чистых активов общества окажется меньше его уставного капитала. Размер уставного капитала уменьшается в этих случаях до уровня, не превышающего стоимость чистых активов.

Если же указанных активов общества становится меньше определенного законом минимального размера уставного капитала, общество подлежит ликвидации. Однако эта мера всегда рассматривается как исключительная и подлежит применению в крайних случаях. Например, по одному из дел суд отказал в удовлетворении заявления о ликвидации организации, указав, что ликвидация представляет собой исключительную меру, направленную на выведение из хозяйственного оборота неплатежеспособного лица в целях исключения связанных с этим негативных последствий для третьих лиц. Положения п. 4 ст. 90 ГК и п. 3 ст. 20 Закона об ООО не предполагают, что общество подлежит незамедлительной ликвидации, как только чистые активы стали меньше установленного действующим законодательством минимального размера уставного капитала (см.: постановление Федерального арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 04.10.2012 по делу NN^o А33-20303/2011) [16].

Так, абз. 3 п. 1 ст. 20 Закона об ООО показывает механизм уменьшения уставного капи-

тала в ООО: уменьшение уставного капитала общества путем уменьшения номинальной стоимости долей всех участников общества должно осуществляться с сохранением размеров долей всех участников общества.

Гражданский кодекс сохраняет ранее существовавшее общее правило о том, что уменьшение уставного капитала ООО допускается после уведомления всех его кредиторов, которые вправе потребовать досрочного прекращения или исполнения соответствующих обязательств общества и возмещения им убытков.

В течение трех рабочих дней после принятия обществом решения об уменьшении его уставного капитала общество обязано сообщить о таком решении в орган, осуществляющий государственную регистрацию юридических лиц, и дважды с периодичностью один раз в месяц опубликовать в органе печати, в котором публикуются данные о государственной регистрации юридических лиц, уведомление об уменьшении его уставного капитала. Органом печати, о котором идет речь, является Вестник государственной регистрации (см.: приказ ФНС России от 16.06.2006 № САЭ-3-09/355 «Об обеспечении публикации и издания сведений о государственной регистрации юридических лиц в соответствии с законодательством Российской Федерации о государственной регистрации») [17].

В уведомлении об уменьшении уставного капитала общества указываются:

1) полное и сокращенное наименование общества, сведения о месте нахождения общества;

2) размер уставного капитала общества и величина, на которую он уменьшается;

3) способ, порядок и условия уменьшения уставного капитала общества;

4) описание порядка и условий заявления кредиторами общества требования с указанием адреса (места нахождения) постоянно действующего исполнительного органа общества, дополнительных адресов, по которым могут быть заявлены такие требования, а также способов связи с обществом (номера телефонов, факсов, адреса электронной почты и другие сведения).

Кредитор общества, если его права требования возникли до опубликования уведомления об уменьшении уставного капитала общества не позднее чем в течение 30 дней с даты последнего опубликования такого уведомления, вправе потребовать от общества досрочного исполнения соответствующего обязательства, а при невозможности досрочного исполнения такого обязательства его прекращения и возмещения связанных с этим убытков. Срок исковой давности для

обращения в суд с данным требованием составляет шесть месяцев со дня последнего опубликования уведомления об уменьшении уставного капитала общества.

Кредитные организации обязаны опубликовать сообщение об уменьшении своего уставного капитала в Вестнике Банка России. Порядок опубликования такого сообщения установлен указанием Банка России от 11.08.2004 № 1487-У «Об опубликовании в "Вестнике Банка России" сообщения кредитной организации о принятом решении о реорганизации или об уменьшении уставного капитала» [18].

Так, п. 5 комментируемой статьи дополнен положением, отражающим особенности правового статуса кредиторов кредитных и некредитных финансовых организаций, которым установлено, что права и обязанности кредиторов кредитных организаций и некредитных финансовых организаций, созданных в организационно-правовой форме ООО, определяются также законами, регулирующими деятельность данных организаций. Особенности их положения, в частности, показаны в норме, закрепленной в абз. 4 п. 2 ст. 12 Федерального закона от 25.02.1999 № 40-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве) кредитных организаций» [19]. В ней установлено, что кредиторы кредитной организации не вправе требовать прекращения или досрочного исполнения обязательств кредитной организации на основании произведенного в соответствии с требованиями настоящей статьи уменьшения размера уставного капитала. При этом не применяются положения законодательства РФ об обязательном уведомлении кредиторов об их праве требовать от кредитной организации прекращения или досрочного исполнения ее обязательств и возмещения связанных с этим убытков.

В п. 6 комментируемой статьи установлено только общее правило о том, что увеличение уставного капитала общества допускается только после его полной оплаты. Правила и порядок увеличения уставного капитала ООО установлены в Законе об ООО. Увеличение уставного капитала общества может осуществляться за счет имущества общества (ст. 18 Закона об ООО) и (или) за счет дополнительных вкладов участников общества, и (или), если это не запрещено уставом общества, за счет вкладов третьих лиц, принимаемых в общество (ст. 19 Закона об ООО). Увеличение уставного капитала общества за счет имущества общества осуществляется в соответствии со ст. 18 Закона с соблюдением следующих требований:

а) решение об увеличении уставного капитала указанным способом должно быть принято общим собранием участников на основании дан-

ных бухгалтерской отчетности общества за год, предшествующий году, в течение которого принято такое решение;

б) сумма увеличения уставного капитала не должна превышать разницу между стоимостью чистых активов общества и суммой уставного капитала и резервного фонда общества;

в) при увеличении уставного капитала пропорционально увеличивается номинальная стоимость долей всех участников общества без изменения размеров и соотношения их долей (п. 9. постановления № 90/14).

Заявление и иные документы для государственной регистрации изменений, вносимых в устав общества в связи с увеличением уставного капитала общества, а также изменений номинальной стоимости долей участников общества должны быть представлены в орган, осуществляющий государственную регистрацию юридических лиц, в течение месяца со дня принятия решения об увеличении уставного капитала общества за счет его имущества.

Такие изменения приобретают силу для третьих лиц с момента их государственной регистрации (п. 4 ст. 19 Закона об ООО).

В случаях увеличения уставного капитала общества за счет дополнительных вкладов его участников, а также за счет вкладов третьих лиц необходимо иметь в виду следующее:

а) если увеличение уставного капитала осуществляется за счет дополнительных вкладов всех участников общества (п. 1 ст. 19 Закона об ООО), решением общего собрания участников общества должна определяться общая стоимость дополнительных вкладов, а также единое для всех участников соотношение между стоимостью дополнительного вклада участника и суммой, на которую увеличивается номинальная стоимость его доли. Не допускается ограничение права участника общества внести дополнительный вклад, не превышающий части общей стоимости дополнительных вкладов, пропорциональной размеру доли этого участника в уставном капитале общества.

По решению общего собрания участников общества увеличение уставного капитала может быть осуществлено за счет вкладов отдельных участников общества в следующем порядке:

б) увеличение уставного капитала за счет вкладов третьих лиц допускается лишь тогда, когда это не запрещено уставом общества (п. 2 ст. 19 Закона об ООО);

в) дополнительные вклады участников общества, а также вклады третьих лиц в уставный капитал общества вносятся в порядке и в сроки, установленные ст. 19 Закона об ООО.

Каждый участник общества вправе внести дополнительный вклад, не превышающий части

общей стоимости дополнительных вкладов, пропорциональной размеру доли этого участника в уставном капитале общества. Дополнительные вклады могут быть внесены участниками общества в течение двух месяцев со дня принятия общим собранием участников общества решения, если уставом общества или решением общего собрания участников общества не установлен иной срок.

Не позднее месяца со дня окончания срока внесения дополнительных вкладов общее собрание участников общества должно принять решение об утверждении итогов внесения дополнительных вкладов участниками общества и о внесении в устав общества изменений, связанных с увеличением размера уставного капитала общества. При этом номинальная стоимость доли каждого участника общества, внесшего допол-

нительный вклад, увеличивается в соответствии с установленным соотношением.

В учредительные документы общества в этих случаях вносятся соответствующие изменения.

Несоблюдение сроков внесения вкладов отдельными участниками (третьими лицами), срока созыва общего собрания по утверждению итогов внесения дополнительных вкладов, когда они вносятся всеми участниками, а также срока передачи регистрирующему органу документов, необходимых для регистрации изменений, вносимых в учредительные документы общества, влечет признание увеличения уставного капитала несостоявшимся. При фактическом внесении участниками и третьими лицами соответствующих вкладов они в этом случае подлежат возврату им в разумный срок (п. 10 постановления 90/14) [20].

-
1. См.: Суханов Е. А. Сравнительное корпоративное право. М. : Статут, 2014.
  2. См.: Гражданский кодекс Российской Федерации, часть первая от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301; часть вторая от 26.01.1996 № 14-ФЗ // Там же. 1996. № 5. Ст. 410; часть третья от 26.11.2001 № 146-ФЗ // Там же. 2001. № 49. Ст. 4552; часть четвертая от 18.12.2006 № 230-ФЗ // Там же. 2006. № 52 (Ч. 1). Ст. 5496.
  3. См.: СЗ РФ. 1998. № 7. Ст. 785.
  4. См.: РФ. 2008. 31 дек.
  5. См.: СЗ РФ. 2014. № 19. Ст. 2304.
  6. См. подробнее: Могилевский С. Д. Общество с ограниченной ответственностью: законодательство и практика его применения. М. : Статут, 2010.
  7. См.: СЗ РФ. 1996. № 6. Ст. 492.
  8. См.: РФ. 1993. 12 янв.
  9. См.: СЗ РФ. 2001. № 49. Ст. 4562.
  10. См.: Там же. 1996. № 17. Ст. 1918.
  11. См.: Там же. Ст. 1. № 1.
  12. См.: Постатейный комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой / под ред. П. В. Крашенинникова. М. : Статут, 2011.
  13. См.: РФ. 1999. 19 янв.
  14. См. подробнее: Нестолий В. Г. Комментарий к Федеральному закону от 27.12.2009 № 352-ФЗ // Налоговый вестник: комментарии к нормативным документам для бухгалтеров. 2010. № 4. С. 40–48.
  15. См.: РФ. 2000. 27 янв.
  16. Документ опубликован не был. Доступ из Справочной правовой системы «КонсультантПлюс».
  17. Документ опубликован не был. Доступ из Справочной правовой системы «КонсультантПлюс».
  18. См.: Вестник Банка России. 2004. № 58.
  19. См.: СЗ РФ. 1999. № 9. Ст. 1097.
  20. Подробнее см.: Габов А. В. Теория и практика реорганизации (правовой аспект). М. : Статут, 2014.

Влияние христианства на становление и развитие отечественного уголовного законодательства

Effect of the Christianity on Formation and Development of the Russian Criminal Legislation

В статье рассматриваются вопросы, связанные с проблемой соотношения права, религии, нравственности и культурных традиций в контексте преступного поведения, а также тенденции детерминизма философско-религиозных представлений, выработанных на основе многовекового опыта христианства на становление и развитие отечественного уголовного законодательства.

Религия; христианство; церковь; уголовное право; преступление; наказание; уголовное законодательство

The article deals with issues connected to interrelation of law, religion, morality and cultural traditions in the context of criminal conduct. The article also considers the tendencies of determinism of philosophical and religious views framed in the course of centuries-long experience in the Christianity, and their effect on formation and development of the Russian criminal legislation.

Religion; Christianity; church; morality; criminal law; crime; punishment; criminal legislation

Идеология борьбы с преступностью издревле опиралась на авторитет религии, которая на всех этапах развития общества была его неотъемлемым атрибутом, указывающим человеку императивы поведения, основанные на справедливости, честности, взаимоуважении и любви. Нравственные ориентиры, которые наряду с другими традиционными религиями активно проповедует христианство, и в настоящее время играют существенную роль в формировании правопослушного поведения человека, вырабатывая небезразличную для права устойчивую систему ценностей, способных выступать в качестве мотивов социально-позитивного поведения, что, в конечном итоге, создает благоприятную почву для более эффективного уголовно-правового регулирования.

Христианство прошло долгий путь, прежде чем стало мировой религией и духовной основой европейской культуры. Это вероучение зародилось как одна из сект иудаизма в I в. н. э. в Палестине. Вскоре после своего возникновения христианская религия проникла в Европу, однако на первых порах влияние ее было невелико, а распространение ограничивалось районами Средиземноморья. В центрально-европейские страны христианство внедрилось несколько позже, а на север и восток Европы — лишь в VII–XII вв.

Это вероучение включило в себя и переосмыслило предшествующие идейные концепции иудаизма, митраизма, древних восточных религий, философские воззрения. Особенно заметное влияние на его основы оказали неоплатонизм Филона Александрийского (ок. 25 г. до н. э. — ок.

50 г. н. э.) и нравственное учение римского стоика Сенеки (ок. 4 г. до н. э. — 65 г. н. э.), которые существенно обогатили и сцементировали новое вероучение, превратив его в мощную культурно-интеллектуальную силу, способную противопоставить себя всем национально-этническим культурам и превратиться в массовое национальное движение.

Новая религия, появившись в период глубокого кризиса античной цивилизации и упадка ее основных ценностей, откликнулась на запросы своего времени и предложила свои пути и способы разрешения имеющихся в обществе противоречий, сглаживания их и направления в иное русло. Христианская религия утверждала, что страдания в земной жизни принесут человеку спасение и райское блаженство в загробном мире, а в сопротивлении злу видела путь к духовному очищению и нравственному самосовершенствованию (строгий аскетизм, сознательное смирение и покорность, которые будут вознаграждены после наступления Царства Божьего на земле). Новозаветный тезис «Нет не елина, ни иудея» провозгласил равенство перед Богом всех верующих и предопределил дальнейшее развитие христианства как мировой религии, не знающей ни национальных ни языковых границ.

Первые сведения о христианстве у руссов относятся к 860–870 гг. [1], однако к середине X в. уже ощущается постепенное утверждение христианства в государственной системе. Переход к христианству имел огромное историческое значение и сказался на всех сферах жизни древнерусского общества. Крещение помогло преодолеть языческий изоляционизм восточных славян, смягчило болезненные процессы становления многонационального государства и создало духовную основу русской государственности.

За прошедшие века церковь оказала огромное влияние на многие стороны общественной жизни, в том числе на формирование обычного права, явившегося одним из факторов, серьезно повлиявших на становление современного уголовного законодательства.

Как известно, обязательная сила обычно основывается не на предписаниях законодательной власти, а в силу убеждения отдельно взятого социума соблюдать строго определенные, хотя и не писанные правила, совокупность которых и представляет собой обычное право.

Однако на определенном этапе развития общества традиции и обычаи, рассчитанные на полное равенство его членов и на добровольное соблюдение сложившихся в нем правил, уже не в состоянии урегулировать все возрастающие общественные конфликты. Появляется жизненная необходимость в новых регуляторах обществен-

ных отношений, которые учитывали бы коренные изменения в обществе и обеспечивались бы не только силой общественного воздействия, но и государственным принуждением. Таким образом, трансформация обычного права в государственно-урегулированный институт происходит в результате внутренней потребности усовершенствования жизнедеятельности социума.

Внешним фактором, повлиявшим на формирование права в целом и уголовного права в частности, явилось вмешательство государственно-властных институтов, стремящихся регулировать и подчинять развитие общества в соответствии со своими интересами. При этом способы влияния могут быть различными. Так, в основу законодательных актов может быть положено обычное право, обязательность которого закрепляется на государственном уровне. Возможно также слепое копирование законов другого государства. Становление же древнерусского законодательства, испытывая на себе серьезное византийское влияние, пошло по пути синтеза чужеродных законодательных основ и правовых обычаев, сложившихся на его собственной территории. Появление Русской Правды — основного древнерусского источника светского права, является ярким тому подтверждением.

С укреплением христианства на Руси материальный взгляд на преступление начинает меняться — оно становится не только причинением вреда, но и нарушением религиозных предписаний. Таким образом, благодаря православию институт преступления приобретает религиозный оттенок и понятия «преступление» и «грех» становятся идентичными, хотя последнее, безусловно, масштабнее.

В некоторых отраслях права начинает проследиваться тенденция активного вторжения церкви в законотворческий процесс. Например, до принятия христианства на Руси семейное право регламентировалось обычаями, однако с начала XI в. церковь берет на себя эту важную сферу общественной жизни и на смену языческим формам вступления в брак приходит брак церковный с его моногамией и трудностью развода. Основанием для этого послужили Ветхий и Новый заветы. Реформирование также коснулось и уголовного права:

- значительно расширился круг преступлений;
- в самостоятельный состав преступления выделяется неосвященная церковью совместная жизнь мужчины и женщины (так церковь пытается пресечь внебрачные половые связи, так как это преследуется каноническим учением);
- преступлением против благочиния становится прелюбодеяние;
- в отдельный состав преступления выделяется изнасилование.

Ветхий Завет также служит основанием для запрета и определения преступным деянием ведьмовства, приготовления зелья и т. п. Эти и другие ветхозаветные запреты получили свое отражение в Уставе князя Владимира, представляющем собой первую попытку масштабного применения на Руси православных канонов и начало кодификации русского церковного права.

Устав впервые содержит торжественное обращение к Богу, а также обещание князя со ссылкой на греческий Номоканон передать Церкви как десятину, так и право судить население по специально выделенным составам (ст. 9) (за расторжение брака без ведома церкви, незаконную половую связь мужчины и женщины, доказанное нарушение супружеской верности, изнасилование, похищение невесты для брака, колдовство, кровосмешение, оскорбление бранным словом или клеветой, скотоложство, аборт, посягательство на церковное имущество), а равно установил абсолютную юрисдикцию митрополита в отношении служителей церкви — игуменов, попов, чернецов, дьяконов, пономарей, прикладников, причетников и прочих служителей культа (ст. 10). В подтверждение влияния норм греческого церковного права на содержание ст. 9 Устава Владимира достаточно обратиться к ст. 4 и 5 того же Устава, в которых указано, что он написан в соответствии с правилами греческой православной церкви, а ст. 10 и 11 подтверждают, что источниками ст. 9 являются постановления первых христианских царей и семи Вселенских церковных соборов [2]. Интересно, что многие из перечисленных в ст. 9 поступков были криминализованы вопреки обычаям восточных славян именно потому, что на них стала распространяться юрисдикция церкви.

Таким образом, после крещения русского народа рядом с веками слагавшейся религиозной системой языческого права основалась новая система права христианской церкви.

При этом следует отметить, что если развитие института преступления шло в ногу с христианством, то система наказаний практически не была воспринята древнерусским уголовным правом, поскольку в глазах населения, не знавшего смертной казни, талиона и членовредительства, выглядела чрезвычайно жестокой вообще, а в приложении к новоявленным деликтам тем более.

Система наказаний, отраженная в Русской Правде, была довольно проста. Высшей мерой наказания в ней были поток и разграбление. У преступника конфисковывалось все имущество (разграбление) и он вместе с женой и детьми изгонялся из общины (поток). Преобладающим видом наказания было денежное взыскание с преступника, слагавшееся из штрафа и компенсации. Штраф

поступал князю, а компенсация за причиненный преступлением ущерб причиталась потерпевшей стороне.

Как видно, система наказаний не была достаточно развита, а целью наказания было, прежде всего, возмездие и возмещение ущерба, а телесные и членовредительские наказания, так же как и смертная казнь не были связаны с древнейшей системой русского уголовного права. Смертная казнь впервые была законодательно закреплена только в 1398 г. в Двинской уставной грамоте и предусматривалась только за кражу, совершенную в третий раз.

Борьба православной церкви с юридическими обычаями языческой поры тянулась несколько столетий, но, как явствует из решений Стоглавого собора, полная победа не была одержана даже ко второй половине XVI в. Причина такого «замедленного изживания институтов и норм древнего права объясняется отставанием в социально-экономическом развитии средневековой Руси, а также политикой изоляционизма, которую православная страна проводила перед лицом более передовой католической и протестантской Европы. Ограничение людских контактов и идеологическая неприязнь мешали заимствованию прогрессивных новелл в юридической сфере. Лишь в Московском царстве XVII века действие этих факторов ослабело, и правовая система достигла относительной однородности и высокого уровня совершенства» [3]. Это высказывание в полной мере относится к Соборному уложению царя Алексея Михайловича, прозванного Тишайшим. Принято оно было в 1649 г. и в значительном объеме действовало до свержения монархии в 1917 г., заслужив высокую оценку. В частности, при построении системы преступлений в нем был использован свойственный современности идеологический подход, в основе которого — иерархия основных ценностей социума в понимании правящей элиты (посягательства на веру, государя, государство, порядок управления и т. д.).

Соборное уложение выгодно отличалось как от предшествовавшего, так и от последующего законодательства и с языковой точки зрения. В нем уже нет архаизмов, свойственных Русской Правде и судебникам. В то же время уложение еще не засорено той массой иностранных слов и терминов, которые внес в законы Петр I чаще всего без всякой нужды, да еще порой и с искажениями [4]. Влияние церкви, помимо того что посягательства на нее признаются едва ли не самыми опасными преступлениями, проявляется и в том, что в самом тексте многие юридические предписания сопровождаются нравственными обоснованиями типа «христианам подобает в церкви Божии

стояти и молиться со страхом, а не земная мыслити» (ст. 8 гл. I) [5] или хозяину дома, причинившему смерть непрошеному гостю (преступнику) в состоянии необходимой обороны «убийства в вину не ставити; не приезжай на чужой дом насильством» (ст. 252 гл. X) [6].

В последующем уголовном законодательстве России не только прослеживается влияние православия на развитие институтов преступления и наказания, но и формируется целая группа религиозных преступлений, получивших название преступлений против веры. При этом по-прежнему значимыми остаются преступления, не носящие чисто религиозного характера, но нарушающие христианские догматы и запреты. На определенном этапе развития уголовного законодательства большая часть из них перейдет в группу преступлений против нравственности или личности. Это большая часть половых преступлений, преступления детей против родителей и др.

Со времени создания Соборного уложения 1649 г. по объекту посягательства на первое место выходят государственные, публичные интересы, в связи с чем по-новому стало трактоваться и преступление — не как ущерб частному лицу, а как вред всему обществу и установленным в нем правящим сословием порядкам. Понимаемые таким образом уголовные деликты закономерно сменили название — с «обиды» на «лихое дело», прообраз будущего преступления. В свою очередь наказание, в эпоху феодальной раздробленности выполнявшее одновременно роль материальной компенсации для потерпевшего и служившее статьей дохода для казны (вира и продажа), стало выполнять функцию устрашения. Реконструировалась и сама система наказаний — на смену имущественным санкциям пришли наказания, свя-

занные с членовредительством, а также смертная казнь, которая заменила кровную месть, приводившую к анархии и мешающую стабилизации общественной жизни.

Церковь по-прежнему играет значительную роль в российском государстве, однако последнее пытается ограничить ее влияние, в том числе в области законодательной политики. Однако несмотря на удаление церкви от соучастия в управлении светскими делами, это не означало отстранения ее от светской деятельности вообще, что подтверждается тем, что количество составов религиозных преступлений в России значительно возросло по сравнению с Соборным уложением и, кроме того, резко контрастировало на фоне падения этого показателя за рубежом (например, в Кодексе Наполеона было включено только пять статей о посягательствах на свободу отправления богослужения, а в общегерманском уголовном кодексе и того меньше — три) [7]. Данный факт свидетельствует о том, что государство очень нуждалось в сохранении верования большинства населения и в поддержке православной церкви.

Таким образом, в течение почти двухтысячелетнего существования христианской религии церковь и государство, различные по своим целям и средствам, с помощью которых они призваны действовать, никогда не стояли обособленно друг от друга. Уголовное право дореволюционной России, равно как и его законодательство прошли свой путь рука об руку с христианской религией вплоть до Октябрьской революции 1917 г., всегда находя у своего союзника духовную поддержку и канонические рецепты для криминализации отдельных общественно опасных поступков, а также для дифференциации ответственности и индивидуализации наказания.

---

1. См.: Рыбаков Б. А. *Рождение Руси*. М., 2004. С. 81.

2. См.: Рассел Д. *Церковный Устав Владимира*. М., С. 18.

3. Ильин А. В., Морозова С. А. *Из истории права*. СПб., 1996. С. 309.

4. См.: *Российское законодательство X–XX веков* : в 9 т. М., 1985. Т. 3. *Акты земских соборов*. С. 77–78.

5. Рассел Д. *Соборное уложение 1649 года*. М., 2012. С. 54.

6. Там же.

7. См.: *Российское законодательство X–XX веков*. М., 1988. Т. 6. *Законодательство первой половины XIX века*. С. 326.

УДК 343.85

Т. К. Бойко
T. K. Boyko

Вопросы отграничения вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступлений и антиобщественную деятельность от некоторых смежных составов преступлений

Questions Delimitation of Involving a Minor in the Commission of Crime and Anti-Social Activities of Certain Related Offenses

В статье автор раскрывает уголовно-правовую характеристику вовлечения несовершеннолетних в преступления и антиобщественные действия и некоторых схожих с ними преступных деяний, выявляет характерные особенности составов рассматриваемых преступлений, анализирует их схожие и отличительные черты, сравнивает мнения ученых по рассматриваемой проблеме, устанавливает значимость данной работы для практической деятельности.

Вовлечение; несовершеннолетние; преступления; антиобщественные действия; составы преступлений; объективная сторона; проституция; сексуальные услуги; экстремистское сообщество (организация)

The author of the article reveals penal characteristic involvement of minors in crime and anti-social activities and some of them are similar to criminal acts, reveals characteristics of compositions of crimes, analyzes their similarities and distinctive features, compares scientists' opinions on this problem, establishes the importance of the work for practice.

Engagement; juvenile crimes; antisocial acts; offenses; the objective side; prostitution; sexual services; extremist community (organization)

Необходимость исследования вопросов отграничения вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений и антиобщественных действий от некоторых смежных составов преступлений является важным направлением научных исследований. Данная позиция автора связана с тем, что эффективность правоприменительной деятельности напрямую зависит от правильности квалификации действий лица, совершившего преступление. Это позволяет суду назначить справедливое наказание и, следовательно, достичь его целей. «Целями наказания являются те социальные результаты, которых стремится добиться государство путем применения уголовного наказания.

В соответствии с ч. 2 ст. 43 УК целями наказания являются: 1) восстановление социальной справедливости; 2) исправление осужденного; 3) предупреждение совершения новых преступлений» [1].

В связи с изложенным необходимо рассмотреть особенности отграничения вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений и антиобщественных действий от некоторых смежных составов преступлений.

Проведем сравнительный анализ ч. 3 ст. 240 и ст. 150 и 151 УК [2].

Мы видим, что ч. 3 ст. 240 УК предусматривает ответственность за вовлечение в занятие проституцией или принуждение к продолжению

занятия ею, совершенные в отношении несовершеннолетнего, в том числе с применением насилия или с угрозой его применения (п. «а» ч. 2 ст. 240 УК).

Так, ч. 1 ст. 150 УК закрепляет санкции за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления путем обещаний, угроз или иным способом, и в данной части исследуемые преступные деяния, несомненно, схожи между собой.

Статья 151 УК носит название «Вовлечение несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий». Поскольку проституция является антиобщественным явлением, ч. 3 ст. 240 УК в какой-то мере схожа со ст. 151 УК.

Однако налицо существенные отличия, которые позволяют отграничивать одно преступление от другого.

Например, непосредственным объектом преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 240 УК, является общественная нравственность в области сексуальных отношений.

Непосредственным же объект вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления и в совершение антиобщественных действий – совокупность общественных отношений, обеспечивающих нормальное физическое, умственное, нравственное, духовное развитие и воспитание несовершеннолетнего, его права и законные интересы [3].

Таким образом, налицо различие по объекту преступного посягательства.

Различна и объективная сторона рассматриваемых деяний.

Несмотря на то что в диспозиции всех трех статей УК, подвергнутых анализу, присутствует термин «вовлечение», содержание которого мы уже подробно исследовали в одной из наших работ [4], речь идет о совершении действий, направленных на получение различных результатов. Соответственно, при реализации противоправных намерений разного характера меры, применяемые для достижения преступного результата, будут иметь различный объем.

При вовлечении несовершеннолетнего в занятие проституцией или принуждение к продолжению занятия ею применение насилия или угроза его применения являются признаками, дополнительно квалифицирующими исследуемое преступление и повышающими уровень ответственности виновного лица.

В диспозиции ст. 150 УК угрозы наряду с иными способами являются разновидностью действий, позволяющих склонить подростка к совершению преступного деяния.

Здесь же следует отметить, что проституция как таковая не является преступлением. Занятие ею влечет за собой административную ответственность по ст. 6.11 «Занятие проституцией» КоАП [5].

Рассмотрение объективной стороны ст. 151 УК позволяет увидеть, что под антиобщественными действиями она подразумевает систематическое вовлечение в употребление (распитие) алкогольной и спиртосодержащей продукции, одурманивающих веществ, в занятие бродяжничеством или попрошайничеством.

Из этого можно сделать вывод о том, что вовлечение несовершеннолетнего в занятие проституцией не входит в круг деяний, подлежащих ответственности по ст. 151 УК.

Таким образом, исследование в данной части показало нам отличие ст. 150, 151 и 240 УК по объекту и объективной стороне.

Отдельный интерес для нас представляет исследование оснований разграничения ст. 150, 151 УК и введенной в УК Федеральным законом от 28.12.2013 № 380-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» [6], ст. 240.1 «Получение сексуальных услуг несовершеннолетнего».

Рассмотрение объектов анализируемых статей вновь показывает существенное различие между ними. Так, деяние, ответственность за которое предусмотрена ст. 240.1 УК, посягает на отношения, обеспечивающие охрану здоровья населения и общественную нравственность.

Непосредственным объектом, как и в ч. 3 ст. 240 УК, будет являться общественная нравственность в области сексуальных отношений.

Налицо отличие от преступлений, предусмотренных ст. 150, 151 УК, где «основным объектом... являются личностное и физическое развитие несовершеннолетнего, формирование ценностно-мотивационных ориентаций и направленности личности; дополнительным объектом может выступать здоровье несовершеннолетнего» [7].

Сравнение объективной стороны рассматриваемых статей также показывает различие между ними.

Так, в диспозиции ст. 240.1 УК присутствует термин «получение», относящийся к форме действий, направленных на достижение преступной цели. В ст. 150 УК эта форма носит название «вовлечение».

Мы можем видеть, что данные термины имеют различное значение. Если понятие «получение» означает обретение желаемого получателем вследствие добровольного совершения каких-либо действий в его пользу, пусть и под каким-то условием, то «вовлечение» – «открытая переориентация намерений несовершеннолетнего путем смешения взглядов последнего относительно имеющихся у него идеалов и представлений» [8], что в любом случае предполагает определенное воздействие на несовершеннолетнего.

Таким образом, ст. 240.1 УК не содержит указания на необходимость оказания взрослым лицом влияния на принятие решения несовершеннолетним, реализация же объективной стороны ст. 150 УК предполагает совершение определенных действий, которые обеспечат активную преступную деятельность несовершеннолетнего лица.

Кроме того, условием получения сексуальных услуг несовершеннолетнего является предоставление таких услуг за какое-либо вознаграждение либо обещание вознаграждения, а не вследствие обмана, угроз либо совершения иных действий.

Следует отметить, что в диспозиции ст. 150 УК также присутствует термин «обещания», что может позволить предположить идентичность выполняемых преступных действий, предусмотренных ст. 150 и 240.1 УК.

Однако анализ показывает, что обещание по смыслу ст. 150 УК – это лишь один из достаточно большого количества способов склонения несовершеннолетнего к совершению преступления.

Пользуясь определением, предлагаемым С. И. Ожеговым, обещания можно истолковать как «добровольные обязательства сделать что-либо» [9].

Согласно постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних», «под вовлечением несовершеннолетнего в совершение преступления или совершение антиобщественных действий следует понимать действия взрослого лица, направленные на возбуждение желания совершить преступление или антиобщественные действия. Действия взрослого лица могут выражаться как в форме обещаний, обмана и угроз, так и в форме предложения совершить преступление или антиобщественные действия, разжигания чувства зависти, мести и иных действий» [10]. При этом содержание обещаний не оговаривается. Учитывая указание на возможность вовлечения путем совершения иных действий, можно сделать вывод, что ст. 150 УК предусматривает широкий, неограниченный круг обязательств, которые взрослое лицо может взять на себя для достижения преступной цели.

Однако ст. 240.1 УК в качестве обещаний предполагает только обещание взять на себя обязательства передать денежное или любое другое вознаграждение несовершеннолетнему или третьему лицу.

Иными словами, главным и единственным условием предоставления сексуальных услуг несовершеннолетним является корыстный интерес.

При этом в диспозиции ст. 240.1 УК отсутствует указание на необходимость совершения несовершеннолетним лицом активных действий, которые можно квалифицировать как вовлечение,

направленных на получение сексуальных услуг, что проводит существенное различие между рассматриваемыми деяниями.

Сравнительная характеристика ст. 151 и 240.1 УК будет аналогична предыдущей части исследования, поскольку, как уже было сказано, диспозиция ст. 151 УК не включает в себя действия, связанные с сексуальной эксплуатацией несовершеннолетнего, а предусмотренное в ней вовлечение как способ воздействия не ограничивается удовлетворением корыстного интереса.

Необходимо также рассмотреть отличие вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления (ст. 150 УК) от распространения, публичной демонстрации или рекламирования порнографических материалов или предметов среди несовершеннолетних либо вовлечения несовершеннолетнего в оборот порнографической продукции, совершенные лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста (ч. 2 ст. 242 УК).

Как и в предыдущих случаях, различия будут проводиться по объекту, на который осуществляется преступное посягательство.

Непосредственным объектом в ст. 242 УК выступает общественная нравственность в сфере сексуальных отношений. Предметом преступления являются порнографические материалы и предметы.

Объективная сторона незаконного изготовления и оборота порнографических материалов или предметов предусматривает совершение следующих альтернативных действий: распространение, публичная демонстрация или рекламирование порнографических материалов или предметов среди несовершеннолетних, вовлечение несовершеннолетнего в оборот порнографической продукции. Нас интересует именно последняя часть диспозиции анализируемой статьи.

Данное деяние предполагает, что взрослый приобщает лицо, не достигшее 18-летнего возраста, к распространению, рекламированию, демонстрации продукции, имеющей порнографический характер.

В юридической и научной литературе наиболее распространено определение, характеризующее порнографию как непристойное, вульгарно-натуралистическое изображение или описание половых отношений в целях возбуждения половых инстинктов [11].

Незаконные изготовление и (или) перемещение через Государственную границу РФ в целях распространения, публичной демонстрации или рекламирования либо распространение, публичная демонстрация или рекламирование порнографических материалов или предметов является преступлением, которое предусмотрено ч. 1 той же ст. 242 УК.

Таким образом, вовлечение несовершеннолетнего в оборот порнографической продукции

является склонением его к совершению преступного деяния.

Это свидетельствует о том, что объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 150 УК, в части реализации действий, направленных на привлечение лица к противоправной деятельности, идентична объективной стороне деяния, предусмотренного ч. 2 ст. 242 УК. Однако, учитывая, что вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления образует самостоятельный состав преступного деяния, можно сделать вывод о необходимости квалификации действий взрослого лица, вовлекшего несовершеннолетнего в оборот порнографической продукции, по обеим статьям.

Немаловажной также нам представляется необходимость рассмотрения отграничения преступления, ответственность за которое предусмотрена ст. 150 УК (вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления, совершенное лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста), от преступлений, закрепленных в ч. 1.1 ст. 282.1 (организация экстремистского сообщества) и 282.2 УК (организация деятельности экстремистской организации).

В первую очередь мы вновь видим разницу в объектах преступного посягательства. Для ст. 282.1 и 282.2 УК это интересы социального мира.

Объективная сторона рассматриваемых преступлений – это склонение, вербовка или иное вовлечение лица в деятельность экстремистского сообщества либо те же действия, совершенные для обеспечения участия лица в деятельности экстремистской организации.

Анализ диспозиций ст. 282.1 и 282.2 УК показывает, что среди терминов, используемых для ква-

лификации действий виновного лица, присутствует и понятие «вовлечение». Очевидно, что для данных преступлений его содержание аналогично тому, которое применяется для целей ст. 150, 151 УК [12].

Склонение и вербовка являются разновидностью вовлечения и означают действия, направленные на привлечение лица к участию в деятельности экстремистского сообщества или экстремистской организации.

Сама по себе деятельность преступных объединений экстремистской направленности является преступной, ответственность за их организацию предусмотрена ч. 1 ст. 282.1 и 282.2 УК.

Таким образом, оказание влияния любого рода на несовершеннолетнего с целью обеспечить его деятельность в составе экстремистского сообщества или экстремистской организации будет являться вовлечением его в анализируемые преступления.

Однако вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления является самостоятельным преступлением, посягает на принципиально иной охраняемый законом объект. В связи с этим полагаем необходимым квалифицировать действия взрослого лица при указанных обстоятельствах и по ст. 150 и 282.1 либо 282.2 УК.

Исследование показало, что рассмотренные нами составы преступлений различаются по объекту и объективной стороне. Кроме того, нами установлено, что при совершении ряда преступных деяний, предусмотренных ч. 2 ст. 242, ч. 1.1 ст. 282.1 и 282.2 УК, в отношении несовершеннолетнего действия виновного лица должны квалифицироваться по данным составам в совокупности со ст. 150 УК.

1. Басова Т. Б. и др. Уголовное право Российской Федерации. Общая и Особенная части : учебник. М. : КОНТРАКТ : Инфра-М, 2013. С. 213.

2. См.: Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

3. См.: Басова Т. Б. и др. Указ соч. С. 403.

4. См.: Бойко Т. К. Провокация, подстрекательство и вовлечение: проблема разграничения понятий для целей статей 150, 151 Уголовного кодекса РФ // Проблемы развития правовой системы России: история и современность : материалы межвуз. науч.-практ. конф. (Тула, 3–4 июня 2013 г.) / отв. ред. В. И. Скрябин. М. : РПА Минюста России, 2013. С. 141–144.

5. См.: Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 1 (Ч. 1). Ст. 1.

6. См.: РФ. 2013. 30 дек.

7. Данилова С. И., Реуцкая И. Е. Особенности уголовно-правовой квалификации и производства предварительного расследования по уголовным делам о вовлечении несовершеннолетних в совершение преступлений и антиобщественных действий // Документ опубликован не был. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

8. Бойко Т. К. Указ. соч. С. 141–144.

9. Словарь Ожегова. Толковый словарь русского языка : сайт. URL: <http://www.ozhegov.org/index.shtml> (дата обращения: 18.05.2014).

10. См.: РФ. 2011. 11 февр.

11. См.: Кулыгин В. В., Полянская М. П. Установление уголовной ответственности за изготовление и оборот материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних // Безопасность бизнеса. 2007. № 2.

12. См.: Бойко Т. К. Указ. соч. С. 141–144.

УДК 343.81

С. А. Борсученко
S. A. Borsuchenko

Проблемы законодательного регулирования правового статуса персонала исправительных учреждений и уголовно-исполнительных инспекций

Problems of Legislative Regulation of the Legal Status of Prison Staff and Criminal-Executive

В статье раскрывается понятие и содержание правового статуса персонала исправительных учреждений и уголовно-исполнительных инспекций, рассматриваются факторы его определяющие; анализируются нормы уголовно-исполнительного законодательства РФ, регулирующие порядок и условия прохождения службы сотрудниками уголовно-исполнительной системы, а также его недостатки и проблемные аспекты.

УИС; учреждения и органы, исполняющие наказания; уголовно-исполнительные инспекции; персонал; закон

The article explains the concept and content of the legal status of the prison staff and criminal-executive inspections, examines the factors determining it; analyzes of criminal executive legislation of the Russian Federation regulating the procedure and conditions of service of employees of criminal correctional system, as well as its shortcomings and problematic aspect.

The prison system; institutions and bodies, executing punishment; criminal-executive inspections; staff; law

В реализации задач, определенных в ч. 2 ст.1 УИК [1], в обеспечении общественной безопасности исключительную роль играет деятельность персонала учреждений и органов, исполняющих наказания.

Концепция развития УИС до 2020 г., утвержденная распоряжением Правительства РФ от 14.10.2010. № 1772-р [2], в качестве основных целей определила:

- повышение эффективности работы учреждений и органов, исполняющих наказания, до уровня европейских стандартов обращения с осужденными и потребностей общественного развития;
- сокращение рецидива преступлений, совершенных лицами, отбывшими наказание в виде

лишения свободы, за счет повышения эффективности социальной и психологической работы в местах лишения свободы и развития системы постпенитенциарной помощи таким лицам;

- гуманизацию условий содержания лиц, заключенных под стражу, и лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы, повышение гарантий соблюдения их прав и законных интересов.

Очевидно, что достижение поставленных целей невозможно без сотрудников, отвечающих высоким профессиональным требованиям и личностным качествам.

Следует также отметить, что в процессе реформирования УИС выявился целый ряд проблем, связанных с адаптацией сотрудников к новым

условиям службы, совершенствованием их подготовки. Значительным остается некомплект личного состава, высокая текучесть кадров. Основной причиной такого положения продолжает оставаться недостаточная правовая и социальная защищенность сотрудников, отсутствие престижа службы в обществе.

Согласно ст. 24 Закона РФ от 21.07.1993 № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовное наказание в виде лишения свободы» (далее — Закон об учреждениях и органах) [3] под персоналом учреждений, исполняющих наказания, следует понимать работников УИС, состоящих в штатах учреждений, исполняющих наказания, объединений учреждений с особыми условиями хозяйственной деятельности, федеральных государственных унитарных предприятий УИС и следственных изоляторов, входящих в УИС.

К работникам УИС относятся лица, имеющие специальные звания сотрудников УИС, рабочие и служащие учреждений, исполняющих наказания, объединений учреждений с особыми условиями хозяйственной деятельности, федеральных государственных унитарных предприятий УИС, федерального органа УИС и его территориальных органов, а также следственных изоляторов, предприятий, научно-исследовательских, проектных, лечебных, образовательных и иных организаций, входящих в УИС.

Из смысла данной нормы следует, что понятие персонала охватывает две категории работников: сотрудников, а также рабочих и служащих. Указанные категории персонала имеют различное правовое положение, решают отличные по характеру и значимости задачи и функции.

Правовое положение (статус) персонала характеризуется совокупностью прав и обязанностей его представителей, возлагаемых на них во время выполнения функции исполнения уголовного наказания.

Правовое положение персонала определяется целым рядом факторов социально-экономического, политического, духовного и иного порядка. Важнейшими среди этих факторов являются цели наказания, цели и задачи уголовно-исполнительного законодательства и соответственно задачи и функции учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания.

Сотрудники составляют большинство персонала учреждений и органов, исполняющих наказания, они несут основную нагрузку по достижению поставленных перед ведомством задач.

По данным ФСИН России, штатная численность персонала УИС составляет 307,1 тыс. чел., в том числе аттестованных сотрудников — 217,2 тыс. чел. (кроме того, переменный состав — 7,1 тыс. чел.) [4].

Перечень должностей высшего начальствующего состава сотрудников УИС и соответствующих этим должностям специальных званий утверждается Президентом РФ.

Сотрудники УИС, избранные (назначенные) членами Совета Федерации, избранные депутатами Государственной Думы, депутатами законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ, высшими должностными лицами субъектов РФ (руководителями высших исполнительных органов государственной власти субъектов РФ), депутатами представительных органов местного самоуправления или выборными должностными лицами органов местного самоуправления, на период осуществления указанных полномочий приостанавливают службу в учреждениях и органах УИС.

После прекращения указанных полномочий сотрудникам УИС предоставляется ранее занимаемая должность или с их согласия другая равноценная должность по прежнему либо иному месту службы.

Период осуществления указанных полномочий сотрудникам УИС засчитывается в календарном исчислении в общий трудовой стаж, а также в выслугу лет, дающую право на присвоение очередного специального звания, дополнительный отпуск, назначение пенсии за выслугу лет, процентной надбавки за выслугу лет к окладу денежного содержания.

Организация деятельности рабочих и служащих, их трудовые отношения регламентируются законодательством РФ о труде и правилами внутреннего распорядка учреждений, исполняющих наказания.

Порядок и условия прохождения службы сотрудниками УИС регламентируются Законом об учреждениях и органах, Федеральным законом Российской Федерации от 27.05.2003 № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» [5], инструкцией «О порядке применения Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы», утвержденной приказом Минюста России от 06.06.2005 № 6 [6]. Последняя регламентирует порядок прохождения службы сотрудниками УИС и деятельность должностных лиц по вопросам, отнесенным к компетенции Минюста России.

Таким образом, в настоящее время нет единого нормативного правового акта, регулирующего службу в УИС РФ, должным образом не сформулировано и само понятие персонала учреждений и органов, исполняющих наказания.

Глава VI Закона об учреждениях и органах регламентирует вопросы правовой защиты и социальной поддержки работников УИС. Однако

указанные нормы действуют лишь в отношении персонала исправительных учреждений, а правовой статус персонала уголовно-исполнительных инспекций на уровне закона не урегулирован. Он закреплен в различных источниках уголовно-исполнительного законодательства РФ (частично в УИК, Положении об уголовно-исполнительных инспекциях и норматива их штатной численности, утвержденном постановлением Правительства РФ от 16.06.1997 № 729 [7], инструкции «Об организации исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества», утвержденной приказом Минюста России от 20.05.2009 № 142, инструкции «По организации исполнения наказания в виде ограничения свободы», утвержденной приказом Минюста России от 11.10.2010 № 258).

По данным ФСИН России, в УИС входит 2 460 уголовно-исполнительных инспекций, где состоят на учете 452,7 тыс. чел., которые осуждены к наказаниям, не связанным с лишением свободы [8].

Принимая во внимание тот факт, что уголовно-исполнительные инспекции являются учреждениями УИС, в настоящее время нет закона,

регламентирующего деятельность подразделений, составляющих единую УИС.

Не способствует престижу службы и то, что государственно-служебные отношения сотрудников УИС регулируются Положением о службе в органах внутренних дел Российской Федерации [9] и утвержденной приказом Минюста России от 06.06.2005 № 76 на его основе Инструкцией о порядке применения Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы [10]. Без внимания законодатель оставил такие важные вопросы, как этические и профессиональные требования к сотрудникам учреждений и органов, исполняющих наказания, принципы их набора, отбора, обучения, условия работы и материальное обеспечение.

На наш взгляд, необходимо принятие нормативного правового акта о деятельности УИС, где отдельными положениями будет выделен статус службы и сотрудников учреждений и органов, исполняющих наказания, выполняющих важную социальную и правоохранительную роль.

1. См.: Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ // СЗ РФ. 1997. № 2. Ст. 198.

2. См.: СЗ РФ. 2010. № 43. Ст. 5544.

3. См.: ВСНД и ВС РФ. 1993. № 33. Ст. 1316.

4. См.: Краткая характеристика уголовно-исполнительной системы // ФСИН России : сайт. URL: <http://xn--h1akkl.xn-p1ai/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/> (дата обращения: 10.10.2014).

5. См.: СЗ РФ. 2003. № 22. Ст. 2063.

6. См.: РГ. 2005. 6 июля.

7. См.: СЗ РФ. 1997. № 25. Ст. 2947.

8. См.: Краткая характеристика уголовно-исполнительной системы.

9. См.: ВСНД и ВС РФ. 1993. № 2. Ст. 70.

10. См.: РГ. 2005. 6 июля.

УДК 343.2

И. И. Брыка
I. I. Bryka

Правовой анализ некоторых норм Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации

Legal Analysis of Certain Rules Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation

В статье рассматривается ряд вопросов по проблемам, возникающим при применении отдельных норм права, а также назначения наказания. Внесен ряд предложений по изменению и дополнению в содержание юридических терминов и сроков наказания, содержащихся в некоторых нормах УК, а также проанализирована ныне действующая уголовно-правовая политика государства. Предложения, содержащиеся в статье, способны, по мнению автора, более эффективно повлиять на направление в деятельности правосоздающих и правоприменяющих органов и организаций по выработке и применению форм реализации норм уголовного права на всех этапах осуществления уголовной ответственности.

Уголовный закон; проблема; квалификация; наказание; юридическая политика; анализ; криминализация; декриминализация; взятка; получение; дача; посредник; должностное лицо; субъект; лишение свободы; археологический предмет; место залегания; поверхность земли; повреждение; уничтожение; культурный слой; металлоискатель; техническое средство; несовершеннолетний; потерпевший; половой акт; мужеложство; лесбиянство; половая неприкосновенность; сексуальные отношения

The article addresses a number of questions on issues arising from the application of certain provisions of law, as well as sentencing. A number of proposals on changes and amendments to the content of legal terms and timing of punishment contained in some norms of the Criminal Code of the Russian Federation, as well as considered now in force, the criminal policy of the state. Proposals contained in the article by the author capable of more effectively influence the direction in the pravosozdayuschih and law enforcement agencies and organizations to develop and implement the use of forms of criminal law at all stages of criminal proceedings.

Criminal law; the problem of qualification; punishment; legal policy; analysis; criminalization; decriminalization; bribe receiving; summerhouse; mediator; officer; subject; imprisonment; archaeological object; place of occurrence; the land surface; damage; destruction; cultural layer; metal; technical means; a minor; the victim; sexual intercourse; sodomy; lesbianism; sexual integrity; sexual relations

Рассматривая уголовно-правовую политику, проводимую в государстве, становится очевидным, что она не может не подвергаться реформам из-за стремительных экономических или социальных изменений. Однако, решая вопрос

о ее совершенствовании, законодателю крайне необходимо четко определить, а затем поставить цели, задачи и приоритеты такой политики. К данному реформированию нужно подходить аккуратно, системно, последовательно, с большой точностью

продумав, взвесив и просчитав последствия, которые могут наступить в результате ее реализации. Все нормы права без какого-либо исключения, содержащиеся в УК [1], должны быть научно обоснованными. Они не должны вступать в противоречия между собой, дублировать друг друга, наказание за совершенное правонарушение обязано быть справедливым. Эти нормы должны проходить тщательную экспертную проверку, которую необходимо осуществлять при содействии ведущих специалистов в области юриспруденции, как теоретиков, так и практиков. Только получив положительную уголовно-правовую экспертную оценку, они должны законодательно закрепляться. Эта сфера является довольно ответственной и важной, так как любые ее изменения, как правило, порождают серьезный общественный резонанс.

За последнее время направление уголовно-правовой политики и ее основополагающая концепция стали довольно часто подвергаться изменениям. Почти ежегодно, по нескольку раз в год, законодатель вносит в уголовный закон такие изменения, которые, как полагают многие, проводятся в угоду определенному моменту, той или иной популистской идее либо какой-то проводимой пиар-кампании. В результате этих новшеств уголовный закон бесконечно претерпевает изменения с такой поспешностью, что ни юристы-теоретики, ни практики не успевают приобретать его новые издания, которые необходимы для руководства в своей повседневной деятельности. Словом, уголовные законы законодатель стал печь как блины.

Бесспорно, как уже говорилось ранее, изменения нужны, но только в тех случаях, когда речь идет о введении в уголовный закон новой, ранее не содержащейся в нем нормы (признание деяния криминальным), либо в случаях, когда некоторые виды преступлений имеют тенденцию роста или снижения. В связи с этим возникает необходимость принятия срочного решения по вопросу усиления или уменьшения ответственности за содеянное. Иногда, наоборот, отдельные деяния перестают представлять общественную опасность, в результате чего их следует декриминализовать. К сожалению, уголовный закон чуть ли не ежемесячно подвергается изменениям. И ладно если бы вводимые нормы являлись четко вымеренными, непротиворечивыми, однако значительная часть из них четкостью не отличается. Одни из них вступают в противоречие с другими, ранее содержащимися в уголовном законе, в отдельных случаях они дублируются, карательные санкции не поддаются логическому осмыслению. Кто и что мешает законодателю один раз в год, получив соответствующие предложения, подготовить изменения, дополнения, примечания (за ис-

ключением форс-мажорных обстоятельств) и после получения положительной экспертной оценки с заключением специалистов, осуществивших детальный анализ каждой нормы и ее последствий, например с 1 января наступающего года, дополнить таковыми УК [1].

Если обратиться к недавнему прошлому, то УК РСФСР [2] за 36 лет своего существования претерпел изменения всего 87 раз, причем все они осуществлялись (за редким исключением) в предлагаемый выше срок. Интересно, что ныне действующий УК за свое 18-летнее существование трансформировался намного более раз. Вносимые или подвергающиеся изменениям нормы в УК РСФСР перед вводом их в законодательное действие довольно тщательно анализировались и исследовались в отличие от многих норм, которые видоизменяются в ныне действующем УК.

Рассмотрим само понятие уголовной политики, которая состоит примерно из шести направлений (хотя возможны и другие):

1) уголовно-правовая политика, т. е. сам УК и основные направления уголовного законодательства, где ключевыми проблемами являются противоречия в законе;

2) уголовно-превентивная политика, связанная с вопросами предупреждения преступлений;

3) уголовно-розыскная политика, которая направлена на регистрацию преступлений, организацию их раскрытия, показатели раскрываемости преступлений, теорию и практику ОРД, а также на законодательство в этой сфере;

4) уголовно-процессуальная политика, т. е. отношение власти к расследованию уголовных дел, рассмотрению их в суде, состояние законности в сфере уголовного процесса, защита прав человека в уголовном процессе;

5) уголовно-исполнительная политика, связанная с вопросами содержания осужденных в местах лишения свободы и мерами по исправлению правонарушителей, организация их труда;

6) уголовно-организационная политика. Это организация и координация деятельности правоохранительных органов, кадровая политика в судебных и правоохранительных органах России, освещение вопросов законности и борьбы с преступностью в СМИ, взаимодействие органов законодательной, исполнительной и судебной власти.

Все перечисленные направления тесно взаимосвязаны; как правило, одно вытекает из другого, но основным все-таки является направление уголовного законодательства. Именно с него начинается ответственность, которая завершается наказанием.

Однако настоящая статья посвящена уголовно-правовой политике, которая связана с проблемами,

имеющимися в уголовном законодательстве, поэтому в качестве примера рассмотрим несколько таких норм, содержащихся в ныне действующем УК.

Федеральным законом от 04.05.2011 №97-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия коррупции» [3] УК был дополнен ст. 291.1, которая предусматривает уголовную ответственность за посредничество во взяточничестве.

Как известно, само понятие «взятка» подразумевает получение, дачу и посредничество незаконного вознаграждения в виде денег, ценных бумаг или иного имущества либо предоставления иных имущественных прав. Преступления, связанные со взяточничеством, совершают как частные, так и должностные лица. Однако в большинстве случаев на них идут именно субъекты, являющиеся должностными лицами, которые используют свои полномочия вопреки интересам службы. Понятие и признаки такого субъекта содержатся в ст. 285 УК. Кроме того, законодатель установил, что субъектом преступления, связанного со взяточничеством, может выступать и иностранное должностное лицо, а также должностное лицо публичной международной организации.

Обратимся к ст. 290 УК («Получение взятки»). Выполняя объективную сторону преступления и получая взятку, субъект совершает противоправные действия (бездействие), входящие в его служебные полномочия, в пользу взяткодателя или представляемых им лиц либо в силу должностного положения способствует таким действиям (бездействию), а также осуществляет общее покровительство или попустительство, получая по службе лично или через посредника незаконное вознаграждение в виде денег, ценных бумаг или иного имущества, а также иных имущественных прав. Такие действия подпадают под признаки ч. 1 ст. 209 УК и наказываются лишением свободы сроком до трех лет (мы рассматриваем лишение свободы как наиболее строгий вид наказания).

Рассмотрим требования отдельных признаков квалифицированного состава. Так, по ч. 2 (значительный размер взятки — свыше 25 тыс. руб.) наказание предусматривает лишение свободы сроком до шести лет, по п. «в» ч. 5 (крупный размер взятки — свыше 150 тыс. руб.) оно составляет от семи до 12 лет лишения свободы.

Теперь рассмотрим ст. 291 УК («Дача взятки»). Согласно ч. 1, в которой предусмотрен значительный размер взятки, посреднику во взяточ-

ничестве грозит наказание сроком до пяти лет лишения свободы, в то время как наказание лицу, непосредственно осуществившему дачу взятки в таком же размере (ч. 2 ст. 291 УК), — до трех лет. Кроме того, за посредничество во взяточничестве, как и за получение взятки в крупном размере (ч. 3 ст. 291.1 и ч. 5 ст. 290 УК) наказание предусмотрено от семи до 12 лет, а за саму дачу взятки в том же размере (ч. 4 ст. 291 УК) установлено наказание сроком от пяти до десяти лет.

Видимо, законодатель считает, что посредник, нарушая закон, представляет наибольшую угрозу, чем взяткодатель или взяткополучатель? Посредник во взяточничестве (как правило, субъект общий) может совершить противоправное действие исходя из чувства жалости, родства, дружбы и т. д., в то время когда взяткодатель и взяткополучатель (субъект специальный) — это лица, наделенные определенной властью и полномочиями. Они действуют вопреки интересам государственной власти и службы, как правило, с корыстными побуждениями и исключительно в личных целях. Своими действиями они подрывают доверие и авторитет власти у народа. Так кто же из них более опасен? Здесь можно сделать вывод, что законодатель путает сравнительную оценку степени общественной опасности субъекта, который непосредственно получает взятку, дает ее и посредничает. По-видимому, необходимо срочно скоординировать размер самого наказания посредничества во взяточничестве, которое не должно превышать размер наказания за получение или дачу взятки.

Рассмотрим другой пример. Так, Федеральным законом от 23.07.2013 № 245-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части пресечения незаконной деятельности в области археологии» [4] УК был дополнен ст. 243.2, предусматривающей ответственность за незаконный поиск и (или) изъятие археологических предметов из мест залегания.

К уголовной ответственности по данной статье можно привлечь лицо, которое осуществляло поиск и (или) изъятие археологические предметы из мест залегания на поверхности земли, в земле или под водой, проводило их без разрешения (открытого листа), что это повлекло за собой повреждение или уничтожение культурного слоя. По ч. 2 предусмотрена ответственность за те же деяния, совершенные в границах территории объекта культурного наследия, включенного в Единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов РФ, или выявленного объекта культурного наследия. По ч. 3 такие действия совершаются с использованием специальных технических

средств поиска и (или) землеройных машин либо лицом, использовавшим свое служебное положение, либо группой лиц по предварительному сговору или организованной группой. В примечании указано, что под культурным слоем понимается слой в земле или под водой, который содержит следы существования человека, время возникновения которого превышает 100 лет и включает в себя археологические предметы. Под специальными техническими средствами поиска понимаются металлоискатели, радары, магнитные приборы и другие технические средства, позволяющие определить наличие археологических предметов в месте залегания. Для того чтобы применить эту норму, необходимо установить и доказать три одновременных критерия объективной стороны преступления:

- действие, цель которого поиск и изъятие археологических предметов;
- незаконность, т. е. его проведение без разрешения (открытого листа);
- повреждение или уничтожение культурного слоя в результате такого действия.

В первую очередь необходимо доказать, что человек пришел в поле, в лес или еще в какое-то место не в целях поиска потерявшихся, например, дорогих часов, ключей от дома или лома черных и цветных металлов, а в целях изъятия именно археологических предметов. Наличие при себе у него лопаты или металлоискателя противоправной цели и соответствующего преступного умысла в данном случае не образует.

Отсутствие разрешения (открытого листа) доказывается проще, но в данном случае оно не содержит в себе никакого смысла. Кроме того, необходимо доказать, что виновный знал, что возникновение этого слоя превышает 100 лет и включает в себя (т. е. содержит) археологические предметы. Также следует доказать и само повреждение или уничтожение культурного слоя, а это значительно сложнее. Во-первых, наличие на определенном земельном участке культурного слоя должно определяться не предположениями, а документальными материалами: заключением территориального органа Минкультуры России, выданным на основании научного отчета о выполненных археологических полевых работ; письменным уведомлением держателя открытого листа о выявлении на участке памятника археологии, направленным в адрес органа исполнительной власти субъекта РФ уполномоченным в области охраны объектов культурного наследия, либо справкой о результатах проведенных исследований. Во-вторых, необходимо доказать факт повреждения или уничтожения культурного слоя.

Что же понимается под повреждением или уничтожением культурного слоя? Четкого ответа

на этот вопрос законодатель не дает. Сюда относятся следующие оценочные позиции — пашня, обнажения, грабительские шурфы и т. п. Они рассматриваются как разрушенные участки памятников археологии на глубине потревоженного слоя (можно предположить, культурного слоя). Сам грунт после проведения археологических полевых работ рассматривается как переработанный культурный слой. Если в документах о наличии культурного слоя будет указано о его сплошном залегании, то фактом его повреждения может расцениваться простое наличие небольших ямок или даже следов закопанных ямок. Как же доказать при наличии таковых, что задержанный выкапывал в таком слое именно археологические предметы, а не корни, клубни или трюфели?

В результате можно сделать вывод, что три одновременных критерия объективной стороны преступления доказать нельзя, практически невозможно и оценка приблизительных ответов по объективной стороне преступления, поэтому предусмотреть и описать все тонкости и особенности процесса по этому преступлению в части доказывания не представляется возможным, т. е. применить эту норму в действительных реалиях нельзя. Зачем же законодателю нужно было вводить в УК норму, которая не имеет никаких судебных перспектив, так называемую мертвую норму? Эта норма была частично скопирована со ст. 7.15 КоАП («Ведение археологических разведок или раскопок без разрешения») [5]. В случае острой необходимости, наверное, достаточно было бы модернизировать ст. 7.15 КоАП, а не вводить в УК новую норму.

Рассмотрим еще один пример. Федеральным законом от 27.07.2009 № 215-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» [6] в ст. 134 УК были внесены определенные изменения. Данная норма предусматривает ответственность за совершение полового сношения и иных действий сексуального характера с лицом, не достигшим 16-летнего возраста. В диспозиции четко определено, что должен совершить виновный, чтобы деяние было признано преступным. Это естественный половой акт, акт мужеложства или лесбиянства, более никаких действий сексуальной направленности, которые являлись бы противоправными, в норме нет.

Несомненно, для обеспечения правовых гарантий защиты несовершеннолетних от сексуального совращения и сексуальных злоупотреблений со стороны взрослых законодатель и установил уголовную ответственность за половое сношение, мужеложство или лесбиянство, которые совершают лица, достигшие 18-летнего возраста, с несовершеннолетними и малолетними лицами.

В новой редакции выделены три группы несовершеннолетних потерпевших:

- 1) лица, не достигшие 16-летнего возраста (ч. 1);
- 2) лица, не достигшие 14-летнего возраста (ч. 2);
- 3) лица, не достигшие 12-летнего возраста (ч. 3).

Спору нет, данная норма направлена на защиту ребенка от всех форм сексуального соращения, на охрану его половой неприкосновенности, так как такие лица недостаточно физиологически и социально развиты, поэтому они не обладают половой свободой в отличие от взрослых.

Непосредственным объектом преступления, предусмотренного ст. 134 УК, является половая неприкосновенность и нормальное нравственное и физическое развитие личности несовершеннолетнего. Потерпевшими признаются лица обоих полов. Как было отражено выше, объективную сторону преступления образуют само половое сношение, акт мужеложства или лесбиянства, которые совершены лицом, достигшим 18-летнего возраста с лицом, возраст которого указан выше (потерпевшие). Субъективная сторона характеризуется виной в виде прямого умысла.

Казалось бы, вопросов к этой норме нет. Если предположить, что, допустим, 18-летнее лицо совершило не половое сношение, не акт мужеложства или лесбиянства, а анальный или оральный сексуальный акт с несовершеннолетним противоположного пола. Как тогда квалифицировать его действия? Выходит, это не половое сношение, под понятие мужеложства или лесбиянства данный акт тоже не подпадает, а сама диспозиция ответственность за подобного рода действия сексуального характера не предусматривает.

Конечно, можно обратиться за разъяснениями к соответствующему постановлению Плену-

ма Верховного Суда РФ и, получив их, квалифицировать действия виновного. Однако, кто мешал законодателю, внося изменения в ст. 134 УК, более полно изложить диспозицию нормы, добавив в нее в качестве признаков объективной стороны, например, «иные формы сексуальных отношений удовлетворения половой страсти», и, выделив их в самостоятельные части нормы, отразить, что именно включает в себя данное понятие?! Статью 134 УК можно было бы изложить примерно в следующей редакции: «Половое сношение, иные действия и формы сексуальных отношений удовлетворения половой страсти с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста». В этом случае вопросов к законодателю не возникло бы. Если бы эта норма имела четко вымеренную диспозицию, то прибегать к помощи Пленума Верховного Суда РФ не пришлось бы. В Верховный Суд РФ, видимо, необходимо обращаться в тех случаях, когда затруднительно дать правовую оценку по делам повышенной сложности, имеющим спорную или квалификационную проблему, а не в случаях, когда спешно принятая или измененная норма не может дать ее точного содержания.

Если проанализировать весь УК, то можно убедиться в том, что в нем содержится довольно много норм, вызывающих сомнения у специалистов.

В заключение хотелось бы выразить надежду, что в тех случаях, когда законодатель будет принимать новые или изменять действующие нормы, он не будет спешить с окончательным решением, а станет подходить к нему аккуратно, системно, последовательно, продумав, взвесив и просчитав все последствия, которые могут наступить после их реализации. Кроме того, по-видимому, назрела необходимость ныне действующий УК привести в нормальное соответствие, нужно срочно и основательно переработать его и устранить все содержащиеся в нем пробелы и противоречия.

-
1. См.: Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
  2. См.: Закон РСФСР от 27.10.1960 «Об утверждении Уголовного кодекса Российской Советской Федеративной Социалистической Республики» // ВВС РСФСР. 1960. № 40. Ст. 591.
  3. См.: РФ. 2011. 6 мая.
  4. См.: Там же. 2013. 26 июля.
  5. См.: Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 1 (Ч. 1). Ст. 1
  6. См.: РФ. 2009. 30 июля.

УДК 343.985

Н. И. Кузнецова
N. I. Kuznetsova

Понятие результатов оперативно-розыскной деятельности и требования, предъявляемые к ним

The Concept of the Results of Operations-Research Activities and Requirements to Them

В статье раскрываются сущностные характеристики оперативно-розыскной деятельности, анализируются результаты ОРД и их влияние на принятие процессуальных решений. В рамках этого аспекта подробному анализу подвергнуты УПК, Закон об ОРД и Межведомственная инструкция о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности дознавателю, органу дознания, следователю, прокурору или в суд.

ОРД; уголовное судопроизводство; уголовное дело; оперативно-розыскные мероприятия; достоверность; фактические данные

The article describes the essential characteristics of the operational-search activity, the analysis of the operational-search results and their impact on decision-making process. In this aspect, subjected to detailed analysis: Code of Criminal Procedure, Federal Law on the operational-search and Interdepartmental instruction on how to submit the results of operational and investigative activities investigator, the body of inquiry, investigator, prosecutor or the court.

Operative-search activity; criminal proceedings; criminal proceedings; operational-investigation activities; reliability; the actual data

В соответствии с п. 36 ст. 5 УПК [1] результаты ОРД — это сведения, полученные в соответствии с Федеральным законом от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее — Закон об ОРД) [2], о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного преступления, лицах, подготавливающих, совершающих или совершивших преступление и скрывшихся от органов дознания, следствия или суда.

Оперативно-розыскная деятельность и уголовное судопроизводство представляют собой единство процессуального и непроцессуального, которое заключается в проведении следственных действий или ОРМ, т. е. не только включает процедурные вопросы, но и предполагает наряду с добыванием информации ее использование,

принятие решений как процессуального, так и оперативно-розыскного характера.

Например, результаты проверочной закупки могут служить основанием для принятия процессуальных решений (возбуждение уголовного дела) и (или) проведения следственных действий (обыск, выемка, осмотр места происшествия). Здесь результат ОРД, по сути, отождествляется с проведением отдельного ОРМ, а непроцессуальное получение информации служит основой для ее последующего использования в рамках уголовного судопроизводства [3].

В ОРД при проведении даже одного ОРМ может достигаться решение конкретной оперативно-розыскной задачи, например выявление признаков преступления. При этом результатом служит

наличие конкретной и достоверной информации о преступлении, которой может быть достаточно для возбуждения уголовного дела, проведения отдельных следственных действий или их совокупности, хотя такая информация не обязательно должна быть использована в уголовно-процессуальном порядке.

Принятие процессуальных решений, основанных на результатах ОРД, либо проведение следственных действий может осуществляться лишь после проведения ряда ОРМ, например наблюдения, оперативного внедрения, проверочной закупки, контролируемой поставки, даже если результаты любого из них уже сами по себе могли служить основанием для процессуальных решений и действий. Результаты ОРД могут рассматриваться как система проверенных и оцененных оперативных данных либо сведений о фактах. Именно с этой целью заводятся дела оперативного учета.

Вместе с тем результаты ОРД имеют не только процессуальное, но и самостоятельное оперативно-розыскное значение, на что в ст. 11 Закона об ОРД прямо указывает законодатель. В ч. 1 этой статьи отмечается, что результаты ОРД могут быть использованы для проведения ОРМ по выявлению, предупреждению, пресечению и раскрытию преступлений, выявлению и установлению лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших (см. Закон об ОРД). Процессуальное значение результатов ОРД в этом случае имеет место лишь в перспективе.

Следует иметь в виду, что результаты ОРД в силу специфики не всегда могут иметь процессуальное значение и официально использоваться в уголовном судопроизводстве. Чаше они выступают лишь в качестве информации, которая может быть легализована в официальных следственных действиях и представлена как их результат. Нередко это вызвано причинами, связанными с реализацией оперативно-розыскного принципа конспирации, преимущественно негласных начал этой деятельности.

Поскольку и в Законе об ОРД, и в УПК употребляется один и тот же термин «результаты оперативно-розыскной деятельности», важно определиться, чем же являются результаты ОРД, в чем сущность данного термина и каково содержание стоящего за ним понятия.

Межведомственная инструкция о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности дознавателю, органу дознания, следователю, прокурору или в суд, утвержденная приказами МВД России № 368, ФСБ России № 185, ФСО России № 164, ФТС России № 481, СВР России № 32, ФСИН России № 184, ФСКН России № 97, Минобороны России № 147 от

17.04.2007 [4], определяет результаты ОРД несколько иначе, чем УПК: это фактические данные, полученные оперативными подразделениями в установленном Законом об ОРД порядке, о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного преступления, о лицах, его подготавливающих, совершающих или совершивших, скрывшихся от органов дознания, следствия и суда.

В этой связи следует отметить, что если речь идет о фактических данных, то они должны соответствовать объективной действительности и не вызывать сомнения с точки зрения их достоверности. Однако не все результаты ОРД и не всегда можно признавать в качестве достоверных, поскольку их необходимо проверять с помощью других данных, и только по их совокупности можно с достаточной долей вероятности утверждать, что эти данные являются объективными и достоверными.

Здесь возникает вопрос об оценке оперуполномоченным полученных им фактических данных с точки зрения их достоверности. Деятельность оперативных сотрудников позволяет сделать вывод, что информация, добытая ими в ходе различных ОРМ, будет считаться достоверной, если она получена из двух и более источников. В случае если информация является неполной, ориентирующей и подкрепить ее сведениями от другого источника не представляется возможным, то в большинстве случаев оперативник намечает план проверки данной информации. Здесь может использоваться скрытое наблюдение, зашифрованные опросы, наведение справок. После проведения ряда мероприятий можно сделать вывод о достоверности полученных данных и принять решение об использовании их в дальнейшем в качестве основания для возбуждения уголовного дела либо для заведения дела оперативного учета.

Кроме того, нужно учитывать, что информация может быть неконкретной, предположительной, а иногда просто непроверяемой, содержать определенную долю субъективизма, исходящего от предоставившего ее источника. В частности, данные, поступающие от лиц, оказывающих конфиденциальное содействие органам внутренних дел, подлежат проверке не только в силу их субъективности, но и потому, что негласный сотрудник может быть специально дезинформирован, не преследуя интересов оперативно-розыскного органа, сознательно вводить в заблуждение оперативного сотрудника и т. д. Такая оперативная информация не отражает фактических данных, тем не менее нельзя не признать, что она также является результатом ОРД.

Следует отметить и то, что отсутствие фактического результата тоже есть результат, потому

что опровержение информации либо ее неподтверждение позволяет, например, сократить круг версий, определить новые направления работы и др. Именно поэтому как получение первичной информации, так и ее дальнейшее опровержение в равной мере могут являться результатом ОРД.

В определении Конституционного Суда РФ, как и в УПК, отмечается, что результаты ОРД являются лишь сведениями об источниках тех фактов, которые, будучи полученными с соблюдением требований Закона об ОРД, могут стать доказательствами только после закрепления их надлежащим процессуальным путем, т. е. на основе соответствующих норм уголовно-процессуального закона — так, как это предписывается ч. 1 ст. 49 и ч. 2 ст. 50 Конституции [5]. Соответственно, в процессуальном смысле о результатах ОРД как о фактических данных говорить преждевременно, речь может идти лишь о сведениях и фактах, которые предстоит установить.

В оперативно-розыском смысле результаты ОРД также не всегда являются фактическими данными, хотя они и могут быть использованы для проведения ОРМ, в качестве оснований для проведения конкретного ОРМ, определения тактики его проведения. Такого рода действия (решения) могут основываться и на предположениях (версиях), первичных данных, которые лишь предстоит проверить, после чего сведения при их подтверждении можно будет рассматривать как сведения о фактах.

То, что результаты ОРД (сведения, оперативные данные) не всегда являются фактическими, следует и из такой задачи ОРД, как добывание информации о событиях или действиях, создающих угрозу государственной, военной, экономической или экологической безопасности РФ. Решение этой задачи предполагает прежде всего сбор, а не использование первичной информации, дальнейшее проведение на ее основе разведывательных и контрразведывательных мероприятий. Такая задача характеризует в первую очередь сам процесс сбора информации (сведений о фактах) и лишь в дальнейшем использование его результатов (фактических данных).

В частности, результаты проведения одного ОРМ могут являться основанием для проведения другого. Проведению, например, такого ОРМ, как оперативное внедрение, предшествует проведение ряда ОРМ, направленных на подготовку и обеспечение внедрения. На их основе определяется тактика реализации этого мероприятия [6].

Термин «результаты ОРД» (в смысле фактических данных) подразумевает информационную завершенность, суть которой может быть выражена как осмысленные сведения, основан-

ные на собранных, оцененных, истолкованных фактах, изложенных таким образом, что ясно видно их значение для решения какой-либо конкретной задачи. Вместе с тем такое понимание результатов ОРД применительно к этой деятельности представляется ограниченным и с точки зрения Закона об ОРД приемлемым только по отношению к уголовному судопроизводству, да и то не полностью, поскольку информационная завершенность является весьма относительной.

В частности, применительно к возбуждению уголовного дела достаточно лишь сведений, данных, указывающих на признаки преступления, причем их совокупность не всегда должна быть исчерпывающей, а бывает достаточно лишь отдельных признаков объективной стороны. Все остальное должно быть установлено в процессе расследования уголовного дела.

Вместе с тем проведение таких ОРМ не накладывает отпечатка на достоверность сведений, фактических данных, полученных с нарушением закона как субъектами ОРД, так и иными лицами. Соответственно, если такие сведения, в том числе ограничивающие конституционные права граждан, получены не субъектами ОРД, но в дальнейшем обнаружены органами, уполномоченными на осуществление этой деятельности, то данные могут быть официально использованы в уголовном судопроизводстве и нелегитимность их происхождения не может подвергать сомнению законность их получения. Результаты ОРД, полученные с нарушением Закона об ОРД самими субъектами деятельности, могут использоваться как вспомогательные средства для подготовки и проведения ОРМ и (или) следственных действий. Это объясняется тем, что результаты ОРД не являются доказательствами, а следовательно, не нарушают конституционного положения о недопустимости использования доказательств, полученных с нарушением Закона об ОРД.

Результаты ОРМ и ОРД в целом отражаются в оперативно-служебных документах (рапортах, справках, справках-меморандумах, сводках, отчетах, актах сотрудников, сообщениях или объяснениях участников ОРМ или заявлениях граждан, актах или иных документах ведомства и др.). К оперативно-служебным документам могут прилагаться предметы и документы, полученные при проведении ОРМ.

В специальной литературе наряду с понятием «результаты ОРД» применяют и другие термины: «оперативные данные», «оперативная информация». Представляется, что термины «оперативные данные» и «оперативная информация» несут одну и ту же смысловую нагрузку. По объему они являются более широкими, чем понятие

«результаты ОРД», которые должны быть получены исключительно оперативно-розыскным путем. Оперативная же информация может считаться таковой и в том случае, когда она получена не из оперативно-розыскных, а иных источников и без использования оперативно-розыскных средств и методов, например информация, поступившая из дежурных частей, от участковых уполномоченных, инспекторов ГИБДД, полученная от анонимных источников и др.

В соответствии со ст. 11 Закона об ОРД результаты ОРД могут быть использованы для подготовки и осуществления следственных и судебных действий, проведения ОРМ по выявлению, предупреждению, пресечению и раскрытию преступлений, выявлению и установлению лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших, а также для розыска лиц, скрывшихся от органов дознания, следствия и суда, уклоняющихся от исполнения наказания и без вести пропавших.

Следует отметить, что одного лишь отражения информации (сведений), даже если она и обладает высокой степенью достоверности (например, видеозапись, которая может фиксировать время, место, обстановку, участников события), представляется недостаточным для признания таких фактических данных результатами ОРД. Подобные сведения могут рассматриваться как результат ОРД лишь во взаимосвязи с ОРМ, при проведении которых они были получены и (или) зафиксированы либо был обнаружен их материальный носитель. Данное обстоятельство представляется чрезвычайно важным с точки зрения последующего официального использования в уголовном судопроизводстве.

Результаты ОРД могут служить поводом и основанием для возбуждения уголовного дела, представляться дознавателю, органу дознания, следователю или в суд, в производстве которого находится уголовное дело, а также использоваться в доказывании по уголовным делам в соответствии с положениями УПК, регламентирующими сбор, проверку и оценку доказательств.

Исходя из содержания данных норм Закона об ОРД, можно выделить следующие основные направления использования результатов ОРД в уголовном судопроизводстве:

- в качестве повода и основания для возбуждения уголовного дела;
- для подготовки и осуществления следственных и судебных действий;
- в доказывании по уголовным делам;
- для иного обеспечения уголовного процесса.

Теперь поговорим о требованиях, предъявляемых к результатам ОРД. Они сформулированы в ведомственной инструкции о порядке пре-

доставления результатов ОРД и заключаются в следующих положениях:

1) результаты ОРД, предоставляемые для решения вопроса о возбуждении уголовного дела, должны содержать достаточные данные, указывающие на признаки преступления, а именно: сведения о том, где, когда, какие признаки и какого именно преступления обнаружены; при каких обстоятельствах имело место их обнаружение; сведения о лице (лицах), его совершившем, и очевидцах преступления (если такие имеются); о местонахождении предметов и документов, которые могут стать вещественными доказательствами по делу; о любых других фактах и обстоятельствах, имеющих значение для решения вопроса о возбуждении уголовного дела;

2) результаты ОРД, предоставляемые для подготовки и осуществления следственных и судебных действий, должны содержать сведения о местонахождении лиц, скрывающихся от органов предварительного расследования и суда; о лицах, которым известны обстоятельства и факты, имеющие значение для уголовного дела; о возможных источниках доказательств; о местонахождении предметов, перечисленных в части 1 статьи 81 УПК; о других фактах и обстоятельствах, позволяющих определить объем и последовательность проведения процессуальных действий, выбрать наиболее эффективную тактику их производства, выработать оптимальную методику расследования по конкретному уголовному делу;

3) результаты ОРД, предоставляемые для использования в доказывании по уголовным делам, должны позволять формировать доказательства, удовлетворяющие требованиям уголовно-процессуального законодательства.

Кроме того, результаты ОРД в целом должны соответствовать установленным общим нормам. Поскольку проведение ОРМ зачастую связано с проникновением в личную жизнь граждан, то и их результаты должны носить законный характер. В данном случае это должно найти свое отражение в оформлении проведения мероприятия в соответствии с требованиями закона и, в частности, соблюдении условий их проведения, сроков, порядка, получения в ряде случаев судебной санкции или разрешения руководителя, а также надлежащем оформлении результатов. Иными словами, можно сказать, что ставшая известной в результате ОРМ информация о частной жизни лица не должна предаваться гласности, если это не продиктовано должной необходимостью. В данном случае также остро стоит вопрос о возможности использования сведений, полученных с нарушением закона. Подобную информацию можно передать органам следствия без документального оформления, однако в дальнейшем могут возникнуть

определенные проблемы с ее легализацией. Еще одним важным требованием к результатам ОРД относится необходимость сохранения их закрытого характера в ряде случаев, когда разглашение подобной информации недопустимо, во-первых, в соответствии с законом, а во-вторых, когда может подвергнуть опасности как самих лиц, осуществляющих ОРД, и их близких, так и других участников, в том числе конфиденциальных.

Таким образом, результаты ОРД — это фактические данные, полученные оперативными под-

разделениями в установленном Законом об ОРД порядке, о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного преступления, о лицах, его подготавливающих, совершающих или совершивших, скрывшихся от органов дознания, следствия и суда, которые имеют не только процессуальное значение, но и могут быть использованы для проведения ОРМ по выявлению, предупреждению, пресечению и раскрытию преступлений, выявлению и установлению лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших.

---

1. См.: Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 52 (Ч. 1). Ст. 4921.

2. См.: СЗ РФ. 1995. № 33. Ст. 3349.

3. См.: Теория оперативно-розыскной деятельности : учебник / под ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского, Г. К. Сенилова. М., 2006.

4. См.: РГ. 2007. 16 мая.

5. См.: Конституция Российской Федерации, принята всенародным голосованием 12.12.1993 // СЗ РФ. 2009. № 4. Ст. 445.

6. См.: Поляков М. П., Рыжов Р. С. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном процессе как правовой институт. М., 2006.

УДК 340.6

В. В. Кучин
V. V. Kuchin

Критерии оценки выводов (суждений) судебно-медицинских экспертиз в уголовном процессе

Criteria for Assessment of the Conclusions (Judgments) of Forensic Medical Expertise in Criminal Proceedings

Статья посвящена вопросам оценки заключения судебно-медицинской экспертизы на предмет ее научной обоснованности. В ней обсуждаются процессуальные экспертные ошибки, заключающиеся в нарушении экспертом процессуального порядка проведения экспертизы. Экспертные ошибки можно разделить на гносеологические (логические и фактические) и деятельностные, связанные с осуществляемыми экспертом операциями в ходе проведения исследования. Предлагаются критерии оценки экспертного заключения.

Судебно-медицинская экспертиза; заключение эксперта; оценка экспертного заключения; критерии оценки

Article is devoted to evaluation of the forensic medical examination for its scientific validity. It discusses the expert procedural errors, is in violation of the procedural order of expert examination. Expert errors can be divided into epistemological (logical and actual) and activity associated with ongoing operations expert in the course of the study. Suggested criteria evaluation of expert opinion.

Forensic medical expertise; expert evidence; assessment of expert opinion; evaluation criteria

В настоящее время в отечественной правоприменительной практике заключения эксперта и специалиста все чаще используются для установления истины в уголовном судопроизводстве.

Судебно-медицинская экспертиза является одним из наиболее часто встречающихся видов экспертных исследований, проводимых при производстве по уголовным делам. В соответствии со ст. 196 УПК [1] назначение и производство судебно-медицинской экспертизы обязательно, если необходимо установить:

- причины смерти;
- характер и степень вреда, причиненного здоровью;

- психическое или физическое состояние подозреваемого, обвиняемого, когда возникает

сомнение в его вменяемости или способности самостоятельно защищать свои права и законные интересы в уголовном судопроизводстве;

- психическое или физическое состояние подозреваемого, обвиняемого, когда имеются основания полагать, что он является больным наркоманией;

- психическое или физическое состояние потерпевшего, когда возникает сомнение в его способности правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела, и давать показания;

- возраст подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, когда это имеет значение для уголовного дела, а документы, подтверждающие его возраст, отсутствуют или вызывают сомнение.

Заключение эксперта не обязательно для лица, осуществляющего производство по уголовному делу. Это следует из правила, что ни одно доказательство не имеет заранее установленной силы (ч. 2 ст. 17 УПК), каждое доказательство подлежит оценке с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, а все собранные доказательства в совокупности — достаточности для разрешения уголовного дела (ст. 88 УПК). В случае несогласия с заключением эксперта должностные лица должны объяснить его причины, мотивировать свое решение (ст. 7 УПК).

В целях последующего проведения судебно-медицинского исследования следователь производит осмотр трупа с участием судебно-медицинского эксперта, а при невозможности его участия — врача. При необходимости для осмотра трупа могут привлекаться другие специалисты. В необходимых случаях производится получение образцов для сравнительного исследования.

После проведения экспертных исследований и отражения выводов в соответствующих заключениях они должны быть оценены соответствующими субъектами и по итогам этой оценки признаны допустимыми как доказательство. Как правило, в качестве таких субъектов выступают судья, прокурор, следователь и дознаватель (в меньшей мере адвокат). Конечно, приоритет в этом вопросе за судьями. Следует отметить, что оценка доказательств представляет собой мыслительную деятельность лиц, осуществляющих производство по уголовному, которая состоит в определении соответствия полученных сведений при доказывании фактическим обстоятельствам и формирование вывода о выяснении обстоятельств, входящих в предмет доказывания и имеющих значение для дела.

Все собранные доказательства оцениваются дознавателем, следователем, прокурором и судом исходя из: допустимости доказательства, его относимости, достоверности, а в совокупности все собранные доказательства — достаточности для разрешения уголовного дела.

Достоверность доказательств будет означать, что дознаватель, следователь, прокурор, суд должны оценить полученные доказательства исходя из их соответствия действительности. В первую очередь, для определения достоверности доказательств необходимо проверить доброкачественность источника, из которого оно получено, а также сам процесс формирования доказательства, соблюдения применимых в конкретных случаях процессуальных форм. Кроме того, дознавателю, следователю и суду необходимо проверить компетентность экспертов. Достоверность доказательств может проверяться путем сопоставления их с дру-

гими доказательствами и прочими данными, имеющимися в уголовном деле.

Достаточность доказательств в уголовном процессе означает, что на основе собранных доказательств можно установить наличие обстоятельств, подлежащих доказыванию. Тем самым проверяется полнота собранных по делу доказательств. В случае если на основании имеющихся доказательств нельзя установить те обстоятельства, которые необходимо установить при проведении судебно-медицинской экспертизы, следует обеспечить представление эксперту дополнительных материалов.

Нельзя забывать, что несоблюдение процессуальной формы при назначении и проведении экспертизы влечет за собой признание этого доказательства недопустимым на основании ст. 75 УПК. При этом инициатива признания заключения эксперта недопустимым доказательством может исходить как от лиц, осуществляющих предварительное расследование и суда, так и от подзащитаемого, обвиняемого и их защитников.

В случае если дознаватель, следователь отказывают в ходатайстве о признании доказательства недопустимым, то данный отказ должен быть оформлен по правилам ст. 75 УПК с вынесением соответствующего постановления.

Если доказательство признано недопустимым, то оно не подлежит включению ни в обвинительный акт, ни в обвинительное заключение или постановление.

Суд также может признать доказательство недопустимым как по собственной инициативе, так и по ходатайству сторон. Данное ходатайство рассматривается судом по правилам ст. 234 и 235 УПК. В случае если доказательство признается недопустимым, оно не должно быть положено в основу приговора.

Из всего сказанного следует, что хотя заключение эксперта не является обязательным для указанных лиц и не обладает преимуществом перед другими доказательствами, но в силу специфики данного процессуального документа несогласие с заключением эксперта (специалиста) должно быть тщательно мотивировано.

Оба этих правовых документа имеют одинаковую структуру и состоят из следующих разделов: вводной, исследовательской и резюмирующей частей. Последняя часть состоит из диагноза и выводов (суждений) эксперта (специалиста). Учитывая, что основные мыслительные действия эксперта (специалиста) в заключении представлены в виде выводов (суждений), при оценке заключения в целом юристы обращают на них основное внимание. Понятно, что главное требование, предъявляемое к заключению, состоит в том, что оно должно отражать установленные факты в соответствии с действительностью. Какие же критерии следует использовать при оценке

выводов (суждений) эксперта (специалиста) в целях формирования своего внутреннего убеждения?

Мы попытались выявить это при помощи интервьюирования и анкетирования респондентов (судей, прокуроров, следователей, дознавателей, адвокатов, экспертов и специалистов), исследования специальной литературы, а также путем проведения собственного анализа заключений судебно-медицинских экспертиз. Почему именно судебно-медицинских экспертиз (исследований)? Именно потому, что они чаще других экспертиз встречаются в уголовном процессе. В ходе проделанной работы нами выделены следующие наиболее типичные критерии оценки выводов (суждений) экспертов (специалистов):

- критерий ясности и четкости вывода. Этот критерий требует, во-первых, однозначности понятий, используемых в выводе, и, во-вторых, однозначности синтаксических конструкций, используемых при изложении вывода. Не допускается расплывчатость и неопределенность формулировок;

- обоснованности вывода. Этот критерий требует, во-первых, чтобы каждое сформулированное в качестве вывода положение было подкреплено убедительными доказательствами, а во-вторых, чтобы каждое обоснование было получено при экспертном исследовании объекта и включено в исследовательскую часть заключения;

- неизменности: формулировка суждения должна быть постоянной на протяжении всего доказательства;

- логичности аргументов. Этот критерий требует, чтобы аргументы были истинными, доказанными, непротиворечивыми и независимыми от тезиса;

- критерий объективности сделанных выводов;

- научности, который предполагает использование при проведении экспертизы методов, корректных с точки зрения науки;

- простоты изложения. Данный критерий требует, чтобы выводы были изложены общепонятным языком без использования специальной терминологии;

- достаточности, т. е. на все поставленные перед экспертом (специалистом) вопросы должны быть даны полные ответы. При анализе экспертных заключений можно обнаружить следующие недостатки: вопрос следователя вообще оставлен без ответа; ответ на вопрос дан в неопределенной форме и никак не проясняет ситуацию; эксперт дает умозаключение на свой сформулированный вопрос в ходе исследования не входящий в его компетенцию.

В специальной литературе юристы и эксперты выделяют наиболее частые экспертные ошибки в выводах, которые можно разделить на процессуальные, гносеологические и деятельностные.

Процессуальные экспертные ошибки заключаются в нарушении экспертом процессуального порядка проведения экспертизы (выражение экспертной инициативы в получении незаконным путем медицинских документов, выход эксперта за пределы своей компетенции и т. д.).

Гносеологические ошибки можно разделить на логические и фактические (предметные).

Логические ошибки связаны с нарушением в содержательных мыслительных актах законов и правил логики, а также с некорректным применением логических приемов и операций.

Фактические или предметные ошибки — искаженное представление об отношениях между предметами объективного мира. При этом предметные ошибки, которые относятся к содержанию умозаключения, могут быть заменены и исправлены только тем, кто знаком с самим предметом, о котором идет речь. Иными словами, фактические (предметные) ошибки может обнаружить лишь лицо, компетентное в подобного рода вопросах.

Деятельностные экспертные ошибки связаны с осуществляемыми экспертом операциями (порой весьма сложными) в ходе проведения исследования. В современных условиях такие ошибки нередко связаны с нарушениями правил эксплуатации сложных технических устройств, а также с неисправностью приборов. Эти ошибки могут быть двоякого рода: объективные, т. е. независимые от эксперта как субъекта экспертного исследования, и субъективные — коренящиеся в образе мышления и (или) действиях эксперта. Подобное деление причин экспертных ошибок носит условный методический характер.

Если предметные ошибки можно исправить путем допроса эксперта с помощью такого приема, как изложение выводов (суждений) экспертом общепонятным языком без использования специальной терминологии, то деятельностные ошибки можно установить только при допросе с участием специалиста.

Таким образом, в уголовном процессе в настоящее время существует необходимость в разработке стандартных критериев для оценки выводов (суждений) судебно-медицинских экспертиз (исследований), которые позволят минимизировать субъективный подход.

---

1. См.: Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 52 (Ч. 1). Ст. 4921.

УДК 343.222

С. В. Пархоменко
S. V. Parkhomenko

Об уголовной ответственности юридических лиц

On Criminal Liability of Legal Persons

В статье анализируются официальные проекты установления уголовной ответственности в отношении юридических лиц в российском уголовном законодательстве. С учетом объективно существующих различий в принципах уголовной ответственности физических и юридических лиц делается вывод о нецелесообразности объединения этих двух видов уголовной ответственности в рамках действующего УК.

Физические и юридические лица; уголовная ответственность; принципы и меры уголовной ответственности; субъект преступления; проект федерального закона

The article focuses on the analysis of official projects of finding criminal liability in regard to legal persons in the Russian criminal legislation. Taking into account actual diversity of principles of criminal liability of natural and legal persons, the author comes to the conclusion that it is inappropriate to merge these two criminal liabilities within the current Criminal Code of the Russian Federation.

Natural and legal persons; criminal liability; principles and degree of criminal liability; subject of crime; federal draft law

В июне 2014 г. Следственным комитетом РФ с участием Комитета Совета Федерации по бюджету и финансовым рынкам подготовлен проект федерального закона № 444365-6 «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с введением института уголовной ответственности юридических лиц» [1]. Насколько нам известно, это не первая официальная попытка реализовать идею установления уголовной ответственности юридических лиц в отечественном уголовном законодательстве. Предложения о необходимости признания юридического лица субъектом преступления активно обсуждались в период разработки нового УК в 90-х гг. прошлого столетия, в связи с чем они

нашли свое отражение, в частности, в одном из предварительных проектов УК, опубликованном в 1994 г. в Российской газете для всеобщего обсуждения [2]. Однако при обсуждении и голосовании проекта в первом чтении в Государственной Думе это предложение не прошло, и новый УК в этом отношении остался на прежних позициях. В качестве аргумента против реализации рассматриваемой идеи в российском уголовном законодательстве в литературе высказывались суждения о том, что «в рамках системы отечественного законодательства реализация идеи “юридические лица — субъекты преступления” мало что даст, так как если та или иная социально-экономическая проблема не решается в рамках, например,

гражданско-правового регулирования, то и при внесении в средства и способы ее решения уголовно-правовых начал окажется малоэффективным и создаст лишь иллюзию решения проблемы, как это не раз имело место в отечественной законодательной практике» [3].

Следует отметить, что в ходе обсуждения идеи уголовной ответственности юридических лиц в этот период высказывались соображения и иного свойства. Как отмечала Н. Ф. Кузнецова, сочетать принципы вины и личной ответственности с невиновной и коллективной ответственностью юридических лиц невозможно. Чтобы привлекать организации к уголовной ответственности, требуется разделение положений УК на две системы принципов и оснований уголовной ответственности и наказания [4]. В итоге рассматриваемая идея осталась нереализованной, но незабытой.

В 2011 г. на официальном сайте Следственного комитета РФ был размещен проект Федерального закона «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с введением института уголовно-правового воздействия в отношении юридических лиц». Обсуждение данного проекта в отличие от реакции на первую попытку реализовать идею «юридическое лицо — субъект преступления», происходило на страницах юридической литературы более активно. Однако и в этом случае противники данной идеи высказывали две группы аргументов против этой идеи: собственно юридического свойства (в части понимания субъекта права, вины, мер ответственности, мер уголовно-правового воздействия и т. п.) и социально-политического характера. В числе последних, например, высказывалось предположение о том, что в случае воплощения этой идеи в уголовном законодательстве ее сторонники на этом не остановятся «и в конце концов по ряду преступлений, например в сфере экономики, экологии и т. д., вся ответственность будет возложена на юридических лиц, в то время как физические лица — действительные виновники — от ответственности будут освобождаться. В гражданском праве в случае привлечения к ответственности юридического лица последнее, по сути, является буфером (инструментом прикрытия) ответственности физического лица. Однако каковы будут социальные последствия, если и в уголовно-правовой ответственности перед действительным виновником будет установлен буфер в виде юридического лица?» [5].

Мы сознательно обходим стороной оценку рассматриваемых проектов с юридической точки зрения и, в частности, предложение авторов последнего законопроекта о замене понятия

«меры уголовной ответственности» на понятие «меры уголовно-правового воздействия». По воле законодателя любой проект может стать законом, получив до этого соответствующее теоретическое обоснование. В частности, с точки зрения теории права, по нашему мнению, можно вполне поставить под сомнение утверждение противников идеи уголовной ответственности юридических лиц о том, что «только человек может быть признан субъектом права, а юридическое лицо — лишь инструментом, предоставленным правом человеку для участия в гражданском обороте» [6]. Если этот «инструмент» в установленном законом порядке наделен соответствующим правовым статусом, выступает стороной того или иного вида правоотношения (конституционного, административного, гражданского и т. д.), он субъект права со всеми вытекающими из этого статуса правовыми последствиями.

Законопроект Следственного комитета РФ от 2011 г. на протяжении трех лет оставался без движения и, как уже отмечалось выше, в июне 2014 г. этот же самый орган с участием Комитета Совета Федерации по бюджету и финансовым рынкам подготовили проект федерального закона «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с введением института уголовной ответственности юридических лиц». Одним из обоснований необходимости принятия такого закона выступает положение об отсутствии в российском законодательстве правового механизма экстерриториального уголовного преследования иностранных юридических лиц за преступления, посягающие на интересы, охраняемые уголовным законодательством России. В пояснительной записке к этому проекту также отмечается, что в настоящее время сложилась ситуация, когда за одно и то же деяние, непосредственно совершенное физическим лицом от имени или в интересах юридического лица, возбуждаются дела по двум видам судопроизводства, одно из них — уголовное — инициируется в целях преследования физического лица, а другое — дело об административном правонарушении — для привлечения к ответственности юридического лица. Помимо этого, авторы проекта приводят, на наш взгляд, убедительные доказательства необходимости распространения действия уголовного закона на отношения, субъектами которых выступают юридические лица, указывая при этом на причинение ими в ряде случаев реального ущерба государственным и общественным интересам, на достаточную распространенность такого рода деяний. Другими словами, в пояснительной записке приводятся положения, которые в теории уголовного права принято называть

основаниями для установления уголовно-правовых запретов в соответствующих сферах деятельности не физических (не только физических), а юридических лиц [7]. Эти обстоятельства, по нашему мнению, дают все основания поддержать новый законопроект об уголовной ответственности юридических лиц. Что же касается реализации этой идеи, то, на наш взгляд, возвращаясь к ранее названному замечанию Н. Ф. Кузнецовой, ее следует воплощать в жизнь не в рамках существующего УК [8], построенного «под» уголовную ответственность физиче-

ских лиц с присущими такой ответственности основаниями и принципами, а в форме отдельного федерального закона «Об уголовной ответственности юридических лиц». В этой связи представляется обоснованной постановка вопроса авторами проекта о том, что круг деяний, за совершение которых юридические лица могут подлежать уголовной ответственности, должен определяться в соответствии с международными конвенциями и другими международными нормативными правовыми актами, ратифицированными Российской Федерацией.

---

1. Документ находится на стадии рассмотрения проекта. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

2. См. также: Преступление и наказание. Комментарий к проекту Уголовного кодекса России / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, А. В. Наумова. М., 1993. С. 297–301; Уголовный кодекс Российской Федерации (Общая часть) : проект. М., 1994. С. 56–57.

3. Звечаровский И. Э. Современное уголовное право России: понятие, принципы, политика. СПб., 2001. С. 56.

4. См.: Кузнецова Н. Ф. Цели механизмы реформы Уголовного кодекса // Гос-во и право. 1992. № 6.

5. Богданов Е. В. Проблема уголовной ответственности юридических лиц // Рос. юстиция. 2011. № 8. С. 34–35.

6. Там же. С. 35.

7. См.: Основания уголовно-правового запрета. М., 1982.

8. См.: Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

УДК 343.13

Ю. Г. Торбин
Y. G. Torbin

Процессуальная трансформация статьи 144 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации

Часть 1

Transformation of Procedure Article 144 Criminal Procedure Code of the Russian Federation

Part 1

Настоящая статья посвящена анализу изменений, внесенных в нее федеральными законами, за 12 лет действия УПК. Автор показывает, как из чисто организационного содержания статья превратилась в полноценную процессуальную норму права.

Федеральный закон; статья УПК; следователь; дознаватель; изменение; следственное действие; прокурор; суд

The publication dedicate analysis article 144 UPK RF. The author to show how this article began fills value of procedure legal regulations.

The Law federation; article UPK RF; investigator; order; change; investigation action; procurator; court

За 12 лет, прошедших после вступления в силу УПК [1], содержание подавляющего большинства его статей существенно изменилось. Можно пересчитать по пальцам нормы УПК, которые остались в первоначальной редакции. К тому же отдельные статьи, их части, пункты и подпункты изменялись неоднократно. В общей сложности по состоянию на 1 августа 2014 г. издано 164 федеральных закона, 19 постановлений и определений Конституционного Суд РФ, которыми в УПК внесены соответствующие изменения и дополнения. Надо отметить, что это на несколько порядков больше, чем было с УПК РСФСР [2] за более чем 40-летний период его действия.

Фактически мы имеем новый уголовно-процессуальный закон, редакция которого принципиально отличается от той, в какой УПК был

принят Государственной Думой 18 декабря 2001 г. Достаточно сказать, что внесенными изменениями уточнен понятийный аппарат, кардинально изменен ряд уголовно-процессуальных функций и полномочий отдельных участников уголовного судопроизводства. Появились новые участники уголовного судопроизводства (начальник подразделения дознания, следователь-криминалист). Неоднократно перераспределялась подследственность. Возникла новая форма дознания (дознание в ускоренной форме). Установлен особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, как собственно и само досудебное соглашение. Принципиально новым стал апелляционный и кассационный порядок рассмотрения уголовных дел, а также появилось множество других новелл.

Разумеется, уточнение содержания уголовно-процессуального закона объективно обусловливалось изменениями, которые происходили и происходят в политической, экономической, социальной, правовой сферах жизнедеятельности российского общества и государства и необходимостью приведения УПК к реальным потребностям правоприменительной практики.

Вместе с тем следует обратить внимание на то, что изменение содержания уголовно-процессуального закона посредством внесения в него многочисленных, порой достаточно спорных и неоднозначных изменений и дополнений, не исключили, а в ряде случаев усугубили имеющуюся несогласованность между отдельными положениями, содержащимися в различных статьях УПК, а также противоречивость и непоследовательность его логического, смыслового и правового единства. Как правило, это приводит к отсутствию единообразия в толковании отдельных положений УПК при его практическом применении, а в результате — к следственным и судебным ошибкам. Достаточно трудно воспринимать, а тем более применять такой сложный и важный по своей сути нормативный правовой документ, каковым является УПК, когда при внесении в него изменений и дополнений не соблюдаются в полной мере принципы юридической техники, нарушается архитектура и структура правового акта. В УПК имеется значительное количество глав, разделов и статей, утративших силу, и, наоборот, включены новые главы, статьи, части статей, пункты, подпункты с дополнительными цифровыми обозначениями.

Процесс кардинальной трансформации сущности уголовно-процессуальных правоотношений и процессуальных полномочий отдельных участников уголовного судопроизводства достаточно ярко проявляется при анализе содержания изменений, внесенных в отдельные статьи УПК. Попробуем подтвердить данное утверждение на примере ст. 144 УПК, которая регламентирует рассмотрение сообщений о преступлении. Следует отметить, что сама проблема процессуальной регламентации рассмотрения заявлений и сообщений о преступлении давно привлекает внимание ученых процессуалистов, а также практических работников [3]. Предметом же нашего рассмотрения являются те изменения, которым указанная статья УПК подверглась в течение последних 12 лет.

В общем виде ст. 144 УПК как в первоначальной редакции (от 18.12.2001 № 174-ФЗ [4]), так и в ныне действующей редакции (от 22.10.2014 № 308-ФЗ [5]) закрепляет порядок рассмотрения сообщения о любом совершенном или готовящемся преступлении в рамках первой стадии

уголовного процесса — стадии возбуждения уголовного дела.

Данный порядок включает в себя:

- определение круга должностных лиц и органов, уполномоченных рассматривать сообщение о преступлении;
- обязанность уполномоченных должностных лиц и органов принять и проверить сообщение о преступлении, после чего принять решение по результатам проверки;
- процессуальный срок, в течение которого необходимо принять решение по поступившему сообщению о преступлении;
- возможность при определенных обстоятельствах продления процессуального срока принятия решения по результатам рассмотрения сообщения о преступлении;
- особенности рассмотрения сообщения о преступлении, распространенного СМИ, а также заявления потерпевшего по уголовным делам частного обвинения;
- процессуальные гарантии защиты прав заявителя, сообщившего о преступлении.

Указанный порядок в совокупности перечисленных элементов фактически остается неизменным с момента вступления УПК в силу до настоящего времени. Вместе с тем содержание этих элементов подверглось кардинальной трансформации посредством вносимых в нее изменений и дополнений.

Первоначальная редакция ч. 1 ст. 144 УПК (от 18.12.2001 № 174-ФЗ) возлагала обязанность на дознавателя, орган дознания, следователя и прокурора принять и проверить сообщение о любом совершенном или готовящемся преступлении и в пределах их компетенции в срок не позднее трех суток со дня поступления указанного сообщения принять по нему решение. Вместе с тем указанная обязанность была лишь продекларирована. Какого-либо механизма, раскрывающего характер действий уполномоченных лиц при ее осуществлении, ч. 1 ст. 144 УПК не содержала. Необходимо отметить, что в отличие от указанной статьи ст. 109 УПК РСФСР регламентирующая обязательность рассмотрения заявлений и сообщений о преступлении предусматривала возможность истребования необходимых материалов и получения объяснений, однако без производства следственных действий, предусмотренных Кодексом [6]. Одни авторы, комментирующие содержание ст. 144 УПК в первоначальной ее редакции, также подчеркивали, что при проведении проверки производство следственных действий и применение мер уголовно-процессуального принуждения не допускается, за исключением осмотра места происшествия [7]. Другие авторы дополняли

указанное следственное действие возможностью производства до возбуждения уголовного дела освидетельствованием и назначением экспертизы, основываясь на ч. 4 ст. 146 УПК [8]. Однако в диспозициях ст. 178 и 179 УПК не было прямого указания на возможность их производства до возбуждения уголовного дела в отличие от ч. 2 ст. 176 УПК, в которой содержалось положение, согласно которому «в случаях, не терпящих отлагательства осмотр места происшествия может быть произведен до возбуждения уголовного дела».

Как следует из приведенной редакции ч. 1 ст. 144 УПК уголовно-процессуальный закон не предусматривал конкретного механизма реализации предписанных им действий, возлагаемых на уполномоченных лиц и органы, касающихся непосредственно рассмотрения собственно сообщений о преступлении. Содержащиеся в ч. 1 ст. 144 УПК предписания фактически носили не процессуальный, а организационный характер, поскольку они разрешались подзаконными, ведомственными актами.

Так, Госкомстатом России были утверждены формы единой государственной системы регистрации и учета преступлений (см. постановление от 20.04.2000 № 31 «Об утверждении форм единой государственной системы регистрации и учета преступлений» [9]). Прием и регистрация преступлений в МВД России осуществлялась в соответствии с Инструкцией о порядке приема, регистрации и разрешения сообщений о преступлениях и иной информации о правонарушениях, утвержденной приказом МВД России от 13.03.2003 № 158 [10]. В Госнаркомконтроле России и ГТК России также были приняты соответствующие акты (см. приказ Госнаркомконтроля России от 03.07.2003 № 6 «Об утверждении Типового положения об Управлении Государственного комитета Российской Федерации по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ по субъекту Российской Федерации», зарегистрированный в Минюсте России 24.07.2003 № 4919) [11] и письмо ГТК России от 17.12.1997 № 11-01/6231 «О разрешении материалов в порядке ст. 109 УПК РСФСР» [12]). Надо также отметить, что Генеральная прокуратура РФ, МВД России, МЧС России, Минюст России, ФСБ России, Минэкономразвития России, ФСКН России 29.12.2005 г. приняли и издали совместный приказ № 39/1070/1021/253/780/353/399 «О едином учете преступлений», зарегистрированный в Минюсте 30.12.2005 № 7339 [13]). Указанным приказом утверждено также Типовое положение о едином порядке организации приема, регистрации и проверки сообщений о преступлениях. Наряду с этими документами федеральными органами приняты ведом-

ственные акты по приему, регистрации и проверке сообщений о преступлениях, например: приказ Минюста России от 11.07.2006 № 250 «Об утверждении Инструкции о приеме, регистрации и проверке в учреждениях и органах Уголовно-исполнительной системы сообщений о преступлениях и происшествиях», зарегистрированный в Минюсте России 27.07.2006 № 8113 [14]; приказ ФСБ России от 16.05.2006 № 205 «Об утверждении Инструкции по организации в органах Федеральной службы безопасности приема, регистрации и проверки сообщений о преступлениях и иной информации о преступлениях и событиях, угрожающих личной и общественной безопасности», зарегистрированный в Минюсте России 09.10.2006 № 8364 [15]. В МВД России принят соответствующий регламент. Следственный комитет РФ издал приказ от 11.10.2012 № 72 «Об организации приема, регистрации и проверки сообщений о преступлении в следственных органах (следственных подразделениях) системы Следственного комитета Российской Федерации», зарегистрированный в Минюсте России 25.02.2013 № 27314 [16].

Несколько иное положение с организацией проверки складывалось в отношении сообщений о преступлениях, распространенных в СМИ (ч. 2 ст. 144 УПК). В этом случае проверка осуществлялась органом дознания или следователем по поручению прокурора. Интересно, что последний в соответствии с ч. 1 ст. 144 УПК являлся таким же уполномоченным лицом, как дознаватель и следователь, обязанный принимать, проверять сообщения о преступлениях и принимать решения по результатам их проверки, если это касалось иных сообщений о преступлении. Согласно требованию уголовно-процессуального закона редакция или главный редактор соответствующего СМИ были обязаны передать имеющиеся в их распоряжении документы и материалы, подтверждающие сообщение о преступлении, а также данные о лице, представившем указанную информацию, за исключением случаев, когда это лицо поставило условие о сохранении в тайне источника информации. Вместе с тем представить указанные данные следовало по требованию прокурора, следователя или органа дознания, несмотря на то что проверку по поручению именно прокурора проводили следователь либо орган дознания. Логично было бы предположить, что вся указанная информация должна поступать к следователю или органу дознания по их требованию, раз уж они были уполномочены прокурором проводить проверку сообщений, распространенную в СМИ.

Процессуальный срок проверки сообщения о преступлении, предусмотренный ч. 1 ст. 144 УПК и ограниченный тремя сутками, мог быть продлен

прокурором, начальником следственного отдела, начальником органа дознания по ходатайству следователя, дознавателя (ч. 3 ст. 144 УПК).

Следует отметить, что заявление потерпевшего по уголовным делам частного обвинения рассматривалось судьей в соответствии со ст. 318 УПК [17].

Как уже отмечалось, рассмотрение сообщения о преступлении включало в себя три основных действия: принятие сообщения, проверку сообщения и принятие решения по результатам его проверки. Ключевым действием при рассмотрении сообщения о совершенном или готовящемся преступлении является проверка сообщения, а точнее, содержащихся в нем данных о наличии возможных признаков, характеризующих объективную сторону преступления. Именно поэтому, насколько полно, объективно и достоверно будет осуществлена проверка сообщения, настолько законным и справедливым может быть принятое по результатам проверки решение, связанное с возбуждением уголовного дела или отказом в его возбуждении.

Что касается процедуры регистрации сообщения о преступлении, то оно регламентировалось, как мы уже отмечали, ведомственными актами правоохранительных органов. По сути, данное действие не носило процессуального характера, поэтому объективной потребности его регламентации в УПК не было.

Конкретные решения, принимаемые по результатам проверки сообщения о преступлении, были закреплены в ст. 145 УПК. Фактически открытым оставался вопрос о том, как осуществлять проверку сообщения о преступлении, допустимо ли было проведение каких-либо процессуальных действий, в том числе следственных. Данный вопрос в УПК решался неоднозначно.

Так, ч. 4 ст. 146 УПК закрепляла положение, согласно которому к постановлению следователя, дознавателя о возбуждении уголовного дела должны были прилагаться «материалы проверки сообщения о преступлении, а в случае производства отдельных следственных действий по закреплению следов преступления и установлению лица, его совершившего (осмотр места происшествия, освидетельствование, назначение судебной экспертизы), — соответствующие протоколы и постановления». Таким образом, с одной стороны, прямого указания в ч. 1 ст. 144 УПК на производство указанных следственных действий не было. С другой стороны, ч. 4 ст. 146 УПК допускала такую возможность. В то же время в ст. 179 УПК («Освидетельствование») и в ст. 195 УПК («Порядок назначения судебной экспертизы») в отличие от ч. 2 ст. 176 УПК («Основания производства осмотра») прямого указания на возможность

их проведения до возбуждения уголовного дела также не было. Такое положение говорило о недостаточно четкой согласованности процессуального регулирования порядка проверки сообщения о преступлении. Это породило наличие различных, как правило, противоположных мнений среди ученых, сложности в правоприменении.

Если следовать точной редакции ч. 1 ст. 144 УПК, то в процессе осуществления проверки сообщения о преступлении проведение каких-либо процессуальных, в том числе следственных действий не предусматривалось. Проверка осуществлялась главным образом оперативным путем в соответствии с полномочиями, закрепленными в положениях о правоохранительных органах, уполномоченных принимать и регистрировать сообщения о преступлении и мероприятиями, предусмотренными федеральным законом об оперативно- розыскной деятельности.

Понимая декларативный характер ч. 1 ст. 144 УПК, законодатель в 2003 г. попытался несколько конкретизировать действия лиц, уполномоченных рассматривать сообщения о преступлении в части, касающейся проверки сообщения. Так, в соответствии с Федеральным законом от 04.07.2003 № 92-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» [18] орган дознания, дознаватель, следователь и прокурор получили право при проверке сообщения о преступлении требовать производства документальных проверок, ревизий и привлекать к их участию специалистов. Одновременно с этим же Законом появилась возможность у следователя и дознавателя ходатайствовать перед прокурором о продлении срока проверки сообщения о преступлении до 30 суток, а в случае необходимости — проведения документальных проверок или ревизий.

В 2007 г. процессуальный статус прокурора в досудебном производстве претерпел существенные изменения. Это произошло в результате создания Следственного комитета при Прокуратуре Российской Федерации в соответствии с Федеральным законом от 05.06.2007 № 87-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральным законом “О прокуратуре Российской Федерации”» [19]. Указанным Законом за прокурором сохранялись главным образом функции надзора за соблюдением законности при производстве дознания и предварительного следствия. Вследствие перераспределения процессуальных полномочий между Прокуратурой РФ и Следственным комитетом при прокуратуре РФ, а также между прокурором и руководителем следственного органа как участниками уголовного судопроизводства в ст. 144 УПК были внесены новые изменения.

Так, прокурор был исключен из ч. 1 ст. 144 УПК как должностное лицо, уполномоченное принимать сообщения о преступлении, проверять их и принимать решения по результатам проверки этих сообщений. За прокурором осталось право поручать проверку сообщений о преступлении, распространенному в средствах массовой информации, только органу дознания. Аналогичное поручение следователю был вправе давать руководитель следственного органа. Вместе с тем за прокурором осталось право требовать от редакции, главного редактора соответствующего СМИ имеющиеся в их распоряжении документы и материалы, подтверждающие сообщение о преступлении, а также данные о лице, представившем указанную информацию, за исключением случаев, когда это лицо поставило условие о сохранении в тайне источника информации. Одновременно изменился и порядок продления срока проверки сообщения о преступлении до 30 суток в случае необходимости проведения документальных проверок и ревизий. По ходатайству следователя продлить срок имел право руководитель следственного органа. Прокурор же был вправе продлить срок проведения проверки сооб-

щения о преступлении до 30 суток по указанным выше основаниям по ходатайству дознавателя.

Федеральным законом от 12.04.2007 № 47-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» [20] внесено дополнение в ч. 6 ст. 144 УПК, согласно которому «в случаях, предусмотренных ч. 4 ст. 147 настоящего Кодекса, проверка сообщения о преступлении осуществляется в соответствии с правилами, установленными настоящей статьей». Речь шла о преступлениях, предусмотренных ч. 2 и 3 ст. 20 УПК, в том числе, когда отсутствует заявление потерпевшего или его законного представителя.

Таким образом, следует констатировать, что в содержании ст. 144 УПК именно в 2007 г. нашли отражение именно те изменения, которые были обусловлены созданием Следственного комитета при прокуратуре РФ и сокращения полномочий прокурора в уголовном судопроизводстве. Однако на этом процессуальная трансформация ст. 144 УПК не завершилась. Последующие изменения мы рассмотрим во второй части нашей публикации.

(Продолжение следует)

1. См.: Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 52 (Ч. 1). Ст. 4921.

2. См.: Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, утвержденный Верховным Судом РСФСР 27.10.1960 // ВВС РСФСР. 1960. № 40. Ст. 592.

3. См.: Васильев А. Н. Рассмотрение сообщений о совершенных преступлениях : метод. пособие. М. : Госюриздат, 1954; Бородин С. В., Елесин В. И., Шавшин М. Н. Рассмотрение и разрешение органами внутренних дел заявлений и сообщений о преступлениях. М. : ВНИИ МВД СССР, 1971; Донковцев Н. Н., Химичева Г. П., Чувилов А. А., Шерба С. П. Рассмотрение органами дознания заявлений и сообщений о преступлениях : учеб. пособие. М., 1987; Егорова С. В. Соблюдение законности при рассмотрении заявлений, сообщений граждан о преступлениях органом дознания. Причины отмены решения об отказах в возбуждении уголовного дела // Юрид. мир. 2002. № 10. С. 63–65.

4. См.: РФ. 2001. 22 дек.

5. См.: Там же. 2014. 24 окт.

6. См.: Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (с постанетейными материалами). М., 1987. С. 48–49; Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР / под ред. И. Л. Петрухина. М., 2000. С. 190–193; Уголовно-процессуальное право : учебник / под общ. ред. П. А. Лупинской. М., 1997. С. 238; Копылова А. П. Проверка заявлений и сообщений о преступлениях : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1999. С. 17.

7. См.: Безлепкин Б. Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). М., 2002. С. 181; Комментарий к уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. В. В. Мозякова. М., 2002. С. 323.

8. См.: Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации в редакции Федерального закона от 29 мая 2002 года / под общ. и науч. ред. А. Я. Сухарева. М., 2002. С. 246, 250.

9. Документ опубликован не был. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

10. См.: РФ. 2003. 12 апр.

11. См.: Там же. 2005. 3 марта.

12. См.: Документ опубликован не был. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

13. См.: РФ. 2006. 25 янв.

14. См.: Там же. 2006. 5 авг.

15. См.: Там же. 20 окт.

16. См.: Там же. 2013. 6 марта.

17. См.: Петрушин А. И. Проблемы практики принятия решения по результатам проверки сообщения о преступлении частного обвинения // Вестник Томского гос. ун-та. Право. 2013. № 1 (7).

18. См.: СЗ РФ. 2003. № 27 (Ч. 1). Ст. 2706.

19. См.: Там же. 2007. № 24. Ст. 2830.

20. См.: Там же. 2007. № 16. Ст. 1827.

УДК 347.83(73)

А. Ю. Чупрова
A. Y. Chuprova

А. И. Ротков
A. I. Rotkov

Законодательные основы практического применения телемедицины в Соединенных Штатах Америки

Legislative Framework the Practical Application of Telemedicine in the United States of America

В статье рассмотрено развитие законодательства США об ответственности за правонарушения в сфере телемедицины. Кроме того, в материале проанализированы содержащиеся в современном американском законодательстве отдельные уголовно-правовые нормы, предусматривающие ответственность за медицинскую халатность.

Телемедицина; медицинская халатность; уголовная ответственность; лицензирование; телемедицинская консультация; информированное согласие пациента

The development of U.S.A. legislation on liability for violations in the field of telemedicine is analyzed in the article, as well as the private law providing liability for medical negligence contained in modern American law are considered.

Telemedicine; medical negligence; criminal liability; licensing; telemedicine consultation; informed consent of the patient

В различных штатах США вопросы законодательного регулирования отношений в сфере телемедицины начали решаться в 90-х гг. XX в. и в первой декаде XXI в.

Законом, принятым в Калифорнии, являющейся пионером в сфере правовой регламентации оказания дистанционной медицинской помощи, в 1996 г. в разделе 2290.5 «Телемедицина» Кодекса бизнеса и профессий [1] телемедицина определялась как практика оказания медицинской помощи, диагностики, консультирования, лечения и передачи медицинских данных при помощи интерактивных видео и звуковых способов передачи данных в режиме реального времени или близком к реальному времени. При этом не относились к телемедицинским услугам исполь-

зование телефона или электронной почты (разд. 2290.5 А (1), (2) Кодекса бизнеса и профессий).

Законом предусматривалось обязательное получение медицинским работником, имеющим соответствующую лицензию на оказание медицинской помощи в данном штате, письменного информированного согласия пациента или его законных представителей, касающегося оказания данных услуг, в котором обязательно должна быть отражена следующая информация (разд. 2290.5 С (1), (2), (3), (4), (5) Кодекса бизнеса и профессий):

- пациент проинформирован, что у него сохраняется возможность в любое время отозвать или удержать свое согласие без ущерба для его права на будущий уход и лечение, а также без утраты каких-либо преимуществ, предоставляемых

государственной программой оказания медицинской помощи;

- пациенту полностью разъяснены преимущества, потенциальные риски и негативные последствия услуг телемедицины;

- подтверждено, что все меры защиты конфиденциальности сохраняются и применяются в том же объеме, что и при обычном виде оказания медицинской помощи;

- все существующие законы, касающиеся ограничения доступа к медицинской информации и к копиям медицинских документов, применяются и в телемедицине;

- распространение любых идентифицирующих пациента изображений или информации о взаимодействии с телемедициной для исследовательских или других целей не может происходить без согласия пациента.

Письменное согласие, подписанное пациентом или его законным представителем, рассматривалось как часть его медицинской карты. Пациент или его законный представитель должны были подписать заявление о том, что им были представлены вышеуказанные сведения, они понятны и были обсуждены с практикующим медицинским работником.

Для целей телемедицины в Калифорнии использовались правила суррогатного принятия решений (т. е. решений, принятых одним из родителей или опекунов несовершеннолетнего, недееспособного или некомпетентного лица). В то же время эти требования не распространялись на чрезвычайные ситуации, когда пациент не в состоянии дать информированного согласия, а его законные представители недоступны, на случаи, когда лицо находится под юрисдикцией исправительного учреждения или когда пациент не принимает непосредственного участия в контактах двух медицинских работников, осуществляемых дистанционно. Телемедицинские услуги могли предоставляться лишь больницами и приемными практикующих врачей.

Применение телемедицины в диагностике или медицинской практике не означало, что можно было игнорировать законы, регулирующие традиционную медицинскую деятельность. Однако в процессе оказания услуг телемедицины высветились проблемы, связанные с оказанием медицинской помощи в других штатах, в которых медицинская практика конкретного врача не была разрешена в соответствии с законом. Одними из наиболее дискуссионных вопросов являлись страхование ответственности лиц, предоставляющих телемедицинские услуги, в случае профессиональных ошибок или халатности, а также проблемы полу-

чения больными выплат по медицинским страховкам при оказании помощи дистанционно.

В октябре 2011 г. в Калифорнии были приняты *Telehealth Act 2011* и *State Telehealth Regulations*, которые несколько изменили регламентацию телемедицины. *Telehealth Act 2011* переименовал ее в телездравоохранение, что расширило область ее применения и позволило предоставлять более широкий спектр услуг, нежели в соответствии с законом 1996 г. Телемедицина была признана одним из направлений оказания медицинской помощи, которая оплачивается за счет медицинской страховки (в частности, для программы *Medi-Cal* не требуется прямого контакта между врачом и пациентом, и он не может быть навязан).

Согласно новым правилам телездравоохранение означает практику оказания медицинских услуг и услуг общественного здравоохранения посредством информационно-коммуникационных технологий в целях содействия диагностике, консультированию, лечению, образованию, контролю за уходом и самоконтролю состояния пациента, когда пациент находится на определенном сайте и поставщик медицинских услуг находится на удалении (телемедицина же охватывает лишь оказание лечебно-диагностических услуг и контроль за состоянием пациентов).

Поставщик услуг телемедицины должен на своем сайте проинформировать больного, что они могут быть ему предоставлены, и получить его устное согласие, которое документируется в истории его болезни. Новый закон устранил ограничения, связанные с возможностью оказания такого вида помощи только больницами и приемными врачами. Однако вопросы, связанные с получением подобной помощи из другого штата, калифорнийские правила не решили.

Врачебная деятельность в США относится к числу лицензируемых. Медики, практикующие в сфере оказания телемедицинской помощи, должны приобрести полную лицензию для того, чтобы оказывать медицинскую помощь на территории отдельных штатов. Полная неограниченная медицинская лицензия, позволяющая практиковать в любом штате, выдается государственными медицинскими комиссиями только военным медикам и медикам служб быстрого реагирования на чрезвычайные ситуации.

Лицензирование телемедицинской практики в разных штатах имеет свои особенности. Некоторые штаты (например, Алабама, Орегон, Монтана) предлагают медикам получить специальную лицензию для ведения телемедицинской деятельности на территории штата. Так, в Алабаме медицинский работник, практикующий в другом

штате, обязан получить специальное разрешение государственной комиссии, если он не менее десяти раз в год практикует в данном штате. В Аризоне врач, имеющий лицензию на оказание медицинских услуг в федеральной юрисдикции, другом штате или в Канаде, не обязан иметь лицензию Аризоны, если консультация касается конкретного пациента, проживающего в этом штате, или он участвует в одной или нескольких консультациях совместно с медиком, лицензированным в Аризоне (*ARS 32-1421 [B]*) [2].

В других штатах (например, в Техасе, Флориде, Нью-Йорке и других 33) требуется полное лицензирование для выполнения любой функции, связанной с ведением пациента.

В Кодексе регулирования профессиональной деятельности Иллинойса [3] в разд. 49.5 «Телемедицина» отмечается, что современные технологические изменения трансформируют практику медицины, которая все чаще осуществляется через границы штатов. Однако практика медицины является привилегией и должна быть разрешена штатом для защиты благосостояния и безопасности человека и общественной медицины. Лицо, находящееся за пределами Иллинойса и осуществляющее диагностику и лечение (как письменно, так и устно) посредством электронных средств связи без лицензии, подлежит ответственности (в том числе уголовной, ст. 59 Кодекса регулирования профессиональной деятельности), установленной в этом акте. Исключения составляют ситуации, когда консультации проводятся периодически, между лицом, лицензированным в этом штате, и нерезидентом, когда консультации осуществляются совместно с лицензированным медиком-резидентом, а также когда консультируемому пациенту первоначальные услуги по диагностике, лечению, последующему уходу предоставлялись лицензированным резидентом штата.

Во Флориде стандарты по оказанию помощи с использованием электронных средств связи запрещают под угрозой наказания выписку лекарств на основе электронной медицинской анкеты без осмотра пациента и рассматривают это как нарушение стандартов оказания медицинской помощи, предусматривающих проявление того уровня умения, заботы и внимания, которые обязан демонстрировать профессионально практикующий врач (*Florida physician licesure statute, Title XXXII. Regulation of Professions and Occupations. Chapter 458. Medical Practice*) [4].

Такие действия ведут к уголовной ответственности и отзыву лицензии. Так, в деле *USA v Nelson (383 F. 3d 1227(2004))* лицо было осуждено за назначение лекарств через Интернет без осмотра больного. В деле *USA v Birbragher (576 F. Supp.*

2d 1000 (2008)) врач создал медицинскую веб-компанию, через которую выписывал нерегулируемые вещества пациентам, с которыми он никогда не встречался, лишь на основании их медицинской анкеты.

Следует отметить, что и в случае телефармацевтики продажа через интернет-аптеки рецептурных препаратов без рецептов признается преступлением.

Не допускается в большинстве штатов и отказ в телемедицинских услугах. Это составляет непрофессиональное поведение, которое предусматривает ответственность отказавшего лица, в том числе уголовную, за исключением случаев, когда медицинский работник не является достаточно компетентным в конкретной сфере медицины. Подобные действия рассматриваются как медицинская халатность, достаточно часто встречающаяся в практике американских медиков. В одном из исследований отмечалось, что около 70 % американских хирургов хотя бы раз обвинялись в медицинской халатности [5]. Для телемедицины, регулируемой в каждом штате специальными законами или правилами, халатное поведение медицинских работников также проявляется в нарушении установленных правил и причинении вреда здоровью пациента.

Понятие медицинской халатности происходит из английского общего права и объединяет следующие элементы: наличие юридической обязанности со стороны врача обеспечить надлежащий уход или лечение пациента, нарушение этой обязанности отказом врача придерживаться стандартов профессии, причинно-следственная связь между таким нарушением и полученными пациентом повреждениями, ущерб, причиненный повреждениями [6]. Правовая обязанность появляется тогда, когда устанавливаются профессиональные отношения между врачом и пациентом. Общая идея правовой обязанности заключается в том, что врач обязан проявлять разумную профессиональную осмотрительность, которая обычно отражена в стандартах лечения. Хотя точное определение стандарта лечения может различаться в зависимости от концепций оказания помощи и юрисдикций и стандарт может быть недостижим, эти правила диагностики, лечения и ухода за больным представляются правоприменителям наиболее профессиональными и разумными, обеспечивающими положительные сдвиги в состоянии больного. Обычно нарушения стандарта определяется экспертами, но в отдельных ситуациях они столь очевидны, что не требуется доказывания этого обстоятельства.

В американской уголовно-правовой литературе отмечается рост криминальной медицинской

халатности. В ряде работ это обстоятельство подвергается критике, базирующейся на том, что врачи не должны преследоваться в уголовно-правовом порядке за свои ошибки, поскольку их опасные действия не были преднамеренными, а уголовное преследование имеет мало сдерживающий эффект и способно породить оппозиционную медицинскую культуру [7]. С позиции других теоретиков ответственность должна наступать лишь в ситуации, когда медицинский работник действует безрассудно, с грубой неосторожностью, т. е. когда грубо отклоняется от стандартов лечения и, принимая неоправданный и существенный риск, сознательно игнорирует это обстоятельство и продолжает свои опасные действия. Халатность, в свою очередь, менее опасна и имеет место только тогда, когда врач не знал, что его действия характеризуются существенным риском [8] и не могут признаваться преступными.

Любая медицинская помощь в США оказывается лицензированными медиками, требования к которым достаточно высоки. Так, во Флориде практикующее в области медицины лицо должно достичь установленного возраста, иметь образование одного из аккредитованных в США медицинских учебных заведений, набрать проходной балл на лицензионном экзамене (если лицо не смогло сдать квалификационный экзамен пять и более раз, от него могут потребовать пройти дополнительный двухлетний курс обучения специальности), подтвердить наличие высоких моральных качеств (не совершать ранее каких-либо преступлений в любой юрисдикции, в том числе за рубежом (за исключением мелких автотранспортных нарушений), которое может повлечь дисквалификацию, или не иметь прекращенной или отозванной лицензии на медицинскую практику

в любом штате), внес соответствующий лицензионный сбор, прошел процедуру снятия отпечатков пальцев, чтобы исключить наличие судимости в прошлом. Для тех лиц, кто имеет лицензию в одном из штатов или Канаде, процесс получения новой лицензии сопряжен с определенными преимуществами. Для лиц, получивших образование в медицинских учебных заведениях, не аккредитованных в США или Всемирной организацией здравоохранения, процедура получения разрешения на медицинскую практику многократно усложняется. Нелицензированная медицинская практика признается преступной и в зависимости от последствий может рассматриваться как тяжкое преступление или проступок, наказание за которое может достигать восьми лет лишения свободы или одного года заключения со штрафом от одной тысячи долларов.

Следует отметить, что в США лишь в 21 штате (последний закон, уравнивающий услуги телемедицины с традиционным здравоохранением, был принят 14 апреля 2014 г. в штате Теннесси) решены вопросы выплат страхового покрытия частными страховыми компаниями телемедицинских услуг.

В России отношения в сфере телемедицины законодательно не урегулированы, телемедицинские процессы надлежащим образом не организованы. В то же время целый ряд проблем уголовно-правового характера, требующих однозначного законодательного решения, при использовании информационных методик в медицине все же возникает. В силу этого представляется целесообразным обратить внимание на законотворческий опыт американских законодателей, занимающихся проблемами правового регулирования телемедицины в течение последних 20 лет.

1. См.: Кодекс бизнеса и профессий // *laws.com* : сайт. URL: <http://Statutes.laws.com/california/bpc/2220-2319> (дата обращения: 12.10.2014).

2. См.: ARS 32-1421 [B] // *laws.com* : сайт. URL: <http://Statutes.laws.com/arizona/Title32> (дата обращения: 12.10.2014).

3. См.: Кодекс регулирования профессиональной деятельности Иллинойса // *laws.com* : сайт. URL: <http://Statutes.laws.com/illinois/title49> (дата обращения: 12.10.2014).

4. См.: Florida physician licesure statute // *laws.com* : сайт. URL: <http://Statutes.laws.com/florida/TitleXXXII> (дата обращения: 12.10.2014).

5. См.: Upadhyay A., York S., Macaulay W., McGrory B. *Medical malpractice in hip and knee arthroplasty*. *J. Arthroplasty*, 2007. 22 (6Suppl.2). P. 2–7.

6. См.: Gittler GJ, Goldstein E. *The elements of medical malpractice: an overview*. *Clin. Infect Dis.* 1996. P. 1152–1155; Sloan F. A., Bovbjerg R. R. *Insuring Medical Malpractice*. N. Y. : Oxford University Press, 1991.

7. См.: Hoffmann Physician D. A. *Who Break the Law*. *53St Lois ULJ*, 2009. P. 1049, 1082.

8. См.: Filkins A. J. *With No Evil Intent; The Criminal Prosecution of Physicians for Medical Negligence* / *22J Legal Med.* 2001. P. 467–472.

УДК 343.131

С. С. Шишкин
S. S. Shishkin

Особенности института представительства

Particular Qualities of Institute Representative

В статье рассмотрено понятие представительства в российском уголовном судопроизводстве, функции, осуществляемые представителем при производстве по уголовному делу. Отмечена задача представительства, каковой является достижение определенной цели в уголовном процессе.

Определена цель представительства, под которой следует понимать обеспечение прав и законных интересов представляемых, оказание правовой и (или) иной помощи, содействие в установлении благоприятных для представляемых обстоятельств, а также обоснование законности требований на всех стадиях уголовного судопроизводства.

Уголовный процесс; представительство; юридическое лицо; представитель; потерпевший

The article discusses the concept of representation in the Russian criminal procedure, functions carried out by the representative in the criminal proceedings. Marked goal representation, which is the achievement of a particular purpose in the criminal process.

Defined objective representation, which should be interpreted as ensuring the rights and legitimate interests, the provision of legal and (or) other assistance, assistance in establishing favorable for present circumstances and justification for the legitimacy of claims at all stages of criminal proceedings.

Criminal case procedure; representation; juridical person; representative; injured person

Уголовно-процессуальное представительство известно практически всем отраслям права: гражданско-процессуальному, гражданскому, арбитражно-процессуальному и налоговому. Становление института представительства в уголовном судопроизводстве проходит параллельно с его эволюцией в иных сферах права. Однако действующий уголовно-процессуальный закон довольно широко использует термин представительство, не раскрывая его понятия.

Анализ регламентации представительства в различных отраслях права выявляет отсутствие

четкого понятийного аппарата, что актуализирует исследование его сущности. Данная проблема является предметом изучения науки уголовно-процессуального права [1]. В литературе освещен вопрос об особенностях, отличающих институт представительства, деятельность представителей и соответствующие правоотношения в уголовном процессе от процесса гражданского [2]. Вместе с тем отсутствует единообразный подход к определению понятия «представительство». Следует отметить, что в ГПК [3] целая глава посвящена институту представительства, именуемая

«Представительство в суде». Нормы, содержащиеся в разделе ГПК, имеют отражение требований, связанных с участием представителей в гражданско-процессуальных правоотношениях. Аналогичные положения нашли свое отражение и в гл. 6 АПК «Представительство в арбитражном суде» [4]. Однако схожие правовые положения отсутствуют в действующем уголовно-процессуальном законе.

Необходимо рассмотреть вопрос о том, какую функцию при производстве по уголовному делу выполняет представитель. На содержание функций представителей участников уголовного судопроизводства авторы неоднократно обращали внимание [5]. Так, Г. П. Химичева, учитывая положения ст. 15 УПК, отмечает, что в уголовном процессе существуют три функции. Ими являются функция обвинения, защиты и разрешения уголовного дела [6].

Одни из авторов, исследующих функцию защиты, отмечают, что функцию защиты осуществляют представители гражданских ответчиков [7]. По мнению других ученых, данная функция распространяется на деятельность, ограждающую от нарушений как права подозреваемого, обвиняемого, так и права потерпевшего, гражданского истца и свидетеля [8]. Например, В. В. Мелешко замечает, что «процессуальное назначение или функция представителя любого участника уголовного судопроизводства, обладающего правом иметь его, состоит в защите всех прав представляемого и его законных интересов» [9]. Заслуживает внимание мнение С. Б. Мартыненко о том, что в качестве направлений деятельности представителя в уголовном судопроизводстве следует признать самостоятельные юридические действия, направленные на отстаивание законных интересов представляемого, которые представитель совершает на основе предоставленных ему процессуальных прав, а также деятельность представителя, носящую консультативный и организационно-технический характер [10]. Автор высказывает мнение относительно представительства физических лиц. Трудно согласиться с тем, что юридические действия представителя являются самостоятельными, так как, например, если представитель организации действует по доверенности, то он ограничен выданной ему руководителем доверенностью. Он не вправе уменьшить иски требования, если не наделен данным правом. Тем самым можно заключить, что под общей функцией для представителей — участников уголовного процесса, понимается отстаивание прав и законных интересов представляемых субъектов уголовного судопроизводства.

Задача представительства — это достижение определенной цели в уголовном процессе. По

мнению Е. Г. Тарло, целью представительства выступает юридическая помощь. Автор отмечает, что судебное представительство — это вид деятельности лица, участвующего в процессуальных отношениях в целях оказания юридической помощи представляемому участнику процесса, защиты его прав и законных интересов в пределах полномочий, предоставленных ему соответствующей отраслью процессуального законодательства или процессуальных правил, включенных в отрасли материального права, согласуемых в необходимых случаях с представляемым [11]. Однако данная цель не осуществима в работе представителей юридических лиц, действующих в силу закона и учредительных документов. Исключением может быть факт, когда в уголовном процессе участвует орган юридического лица, например руководитель организации, имеющий высшее юридическое образование и опыт работы в сфере уголовно-процессуального права. Кроме того, как отмечено А. Г. Мазаловым, «в уголовном процессе представительство может быть не только судебным, но и досудебным» [12].

Так, В. Н. Шпилев считает, что «цель представительства в уголовном процессе — оказание необходимой правовой помощи в защите и охране прав и законных интересов представляемых лиц» [13]. В этом случае автором не учтено, что в понятие представительства входит и «особое» представительство организаций, действующих в силу закона, учредительных документов. В качестве представителей допускаются руководители юридических лиц, у которых может отсутствовать уровень правовой подготовки. В таком случае мы разделяем точку зрения С. В. Юношева, который полагает, что значение представительства заключается в том, что оно объективно способствует осуществлению общих задач уголовного судопроизводства [14].

Учитывая высказанные в литературе мнения, полагаем, что под целью уголовно-процессуального представительства следует понимать обеспечение прав и законных интересов представляемых, оказание правовой и (или) иной помощи, содействие в установлении благоприятных для представляемых обстоятельств, а также обоснование законности требований на всех стадиях уголовного судопроизводства. Юридическое лицо — участник уголовного судопроизводства нуждается в представителе. В связи с этим важным будет являться вопрос о наделении представителя конкретным объемом прав и обязанностей.

Авторами исследовались вопросы уголовно-процессуального представительства. По мнению П. М. Туленкова, представительство в уголовном процессе является самостоятельным институтом

уголовно-процессуального права. Этот институт представляет собой совокупность норм, регулирующих общественные отношения, которые возникают в связи с оказанием одним лицом (представителем) юридической помощи другому участнику процесса в отстаивании его прав и законных интересов при производстве по уголовному делу [15]. Вместе с тем данное определение не учитывает условия и основания возникновения уголовно-процессуального представительства, а также реализацию его в практической деятельности. Так, В. Д. Адаменко полагает, что при решении данного вопроса необходимо учитывать особую специфику в уголовно-процессуальных отношениях, которую представляет защита объекта представительства. По его мнению, объект представительства в производстве по уголовному делу — это уголовно-правовые и уголовно-процессуальные интересы. Уголовно-правовые интересы могут состоять в защите от предъявленного обвинения и в охране материальных и моральных благ, нарушенных преступлением. Материальные интересы заключаются в охране от преступления имущественных прав граждан, предприятий, учреждений, организаций. В уголовном процессе эти интересы зависимы от уголовно-правовых отношений, и представитель защищает те из них, которые нарушены преступлением. Моральный интерес включает охрану представителем чести и достоинства граждан, которым причинен вред. Уголовно-процессуальные интересы состоят в наиболее полном осуществлении представителем всех процессуальных прав представляемого, активном участии в процессуальных действиях в целях выполнения поручения.

Считаем, что именно с помощью представителя реализуются в полной мере процессуальные права, в том числе право на судебную защиту. В случае нарушения процессуальных норм, в частности, следователем (дознавателем), в чьем производстве находится уголовное дело, представитель может подать мотивированную жалобу. Представители помогают участникам процесса осуществлять права, содействуя установлению благоприятных для представляемых обстоятельств, обосновывая законность их требований. Участвуя в уголовном процессе, защищая интересы представляемого, представитель обеспечивает строгое соблюдение установленной законом процедуры по уголовным делам, правильное применение норм материального и процессуального права, вынесение мотивированного и справедливого судебного акта по уголовному делу.

С момента вступления в дело представитель является самостоятельным равноправным участником, в том числе субъектом доказывания. Представитель участвует наряду с представляемым, тем самым проявляется деятельность представителя и представляемого с правоохранительными и судебными органами.

Особенностью уголовно-процессуального представительства является применение различных форм нормативного регулирования отношений, возникающих в сфере его использования. Отношения представителя с представляемым регламентируются нормами гражданского, гражданско-процессуального, трудового права (внутренние отношения), а с ведущими процесс органами — нормами уголовно-процессуального права (внешние отношения). Тем самым представительство в уголовном судопроизводстве является самостоятельным институтом отрасли права.

Фактически, как институт уголовно-процессуального права, оно представляет собой совокупность правовых норм, регулирующих отношения между представляемыми и представителями при производстве по уголовному делу в целях осуществления прав и представления интересов представляемого. Ценность уголовно-процессуального представительства как института видится в помощи определения правовой природы и процессуального положения представителя.

Вместе с тем правовые нормы должны найти свое отражение в практической деятельности. Значит, не следует отрывать правовые нормы от деятельности, так как это обстоятельство может вызвать недооценку либо процессуальной деятельности, либо норм права. Представительство как уголовно-процессуальная деятельность — это фактически юридические действия, выполняемые на всех стадиях уголовного судопроизводства представителем в интересах представляемого в пределах, указанных в полномочии. Таким образом, можно сделать следующие выводы. Представительство определяется как правовой институт, включающий в себя совокупность норм права, регулирующих общественные отношения между представителем и представляемым, а также как процессуальная деятельность, цель и функция которой заключается в отстаивании и обеспечении прав и законных интересов представляемых, оказании правовой и (или) иной помощи, содействии в установлении благоприятных для представляемых обстоятельств, а также в обосновании законности требований на всех стадиях уголовного судопроизводства.

1. См.: Шпилев В. Н. Участники уголовного процесса. М., 1970; Кожевников А. В. Адвокат — представитель потерпевшего гражданского истца, гражданского ответчика в советском уголовном процессе : дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1974; Туленков П. М. Представительство в советском уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1971; Адаменко В. Д. Советское уголовно-процессуальное представительство. Томск, 1978; Шишкин С. С. Представительство юридического лица в уголовном судопроизводстве: вопросы теории и практики : дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2012.
2. См.: Мазалов А. Г. Гражданский иск в уголовном процессе. М., 1977.
3. См.: Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.
4. См.: Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.
5. См.: Зинатуллин З. З., Зинатуллин Т. З. Уголовно-процессуальные функции. Ижевск, 2002; Азаров В. А., Таричко И. Ю. Функция судебного контроля в истории, теории и практике уголовного процесса России : монография. Омск, 2004.
6. См.: Химичева Г. П. Досудебное производство по уголовным делам: концепция совершенствования уголовно-процессуальной деятельности : монография. М., 2003. С. 50.
7. См.: Бородина Т. Г. Сторона защиты и ее функция в судебных стадиях уголовного судопроизводства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2005. С. 6.
8. См.: Куцова Э. Ф. Право на защиту и интересы в советском уголовном процессе // Правоведение. 1983. № 2. С. 88.
9. Мелешко В. В. Институт представительства в уголовном процессе : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1995. С. 30.
10. См.: Мартыненко С. Б. Представительство несовершеннолетних на досудебных стадиях уголовного процесса : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2000. С. 24–27.
11. См.: Тарло Е. Г. Общегражданское и судебное представительство. М., 2003. С. 29.
12. Мазалов А. Г. Указ. соч. С. 77.
13. Шпилев В. Н. Участники уголовного процесса. М., 1970. С. 135.
14. См.: Юношев С. В. Адвокат — представитель потерпевшего в советском уголовном процессе : дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2000. С. 66.
15. См.: Туленков П. М. Представительство в советском уголовном процессе : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1971. С. 4–5.

Полномочия Правительства Российской Федерации в области обеспечения граждан бесплатной юридической помощью

Powers of the Government of the Russian Federation in the Field of Providing Citizens with Free Legal Aid

В представленной статье автор проводит анализ полномочий Правительства РФ в области обеспечения бесплатной юридической помощью. Кроме того, рассматривает перспективы организации оказания бесплатной юридической помощи с учетом положений законодательства, регулирующего рассматриваемую сферу общественных отношений.

Полномочия Правительства РФ; бесплатная юридическая помощь; субъекты РФ; Минюст России

In the present paper author analyses of the powers of the government of the Russian Federation in the field of provision of free legal assistance, as well as the prospects of providing free legal aid subject to the provisions of the legislation regulating the considered domain of public relations.

Powers of the Government of the Russian Federation; free legal aid; the subjects of the Russian Federation; the Ministry of Justice of the Russian Federation

Статья 45 Конституции [1] закрепляет государственную защиту прав и свобод человека и гражданина в качестве важнейшей конституционной гарантии. В системе государственных органов каждый из них наделен соответствующими полномочиями в сфере обеспечения конституционных прав и свобод, в том числе права граждан на юридическую помощь. «Одной из задач, стоящих перед разработчиками Закона о бесплатной юридической помощи в Российской Федерации, было нормативное закрепление организации государственного управления в области обеспечения граждан бесплатной юридической помощью, а также определения порядка взаимодействия всех участников» [2].

Анализируя гл. 2 Федерального закона от 21.11.2011 № 324-ФЗ «О бесплатной юридиче-

ской помощи в Российской Федерации» (далее — Закон о бесплатной юридической помощи) [3] необходимо учесть следующие обстоятельства:

1) Конституцией провозглашен приоритет прав и свобод человека и гражданина над правами иных лиц, объявление их высшей ценностью (ст. 2), а также возложение на государство обязанности признания, соблюдения и защиты прав человека. Из этого следует, что Российская Федерация обязана оказывать бесплатную юридическую помощь своим гражданам;

2) согласно данным статистики у большинства населения страны низкие доходы и как следствие малая платежеспособность и рост социального расслоения. Получается, что у государства просто нет другого способа решения правовых проблем граждан, как расширение сети учреждений

и организаций, оказывающих бесплатную юридическую помощь;

3) сами по себе органы публичной власти, перечисленные в гл. 2 Закона о бесплатной юридической помощи, по сути, бесплатную юридическую помощь гражданам в основе своей не оказывают. Их задача в данной сфере правоотношений — организовать получение гражданами такой помощи, указав всех возможных провайдеров ее оказания.

На следующем уровне управленческой пирамиды вслед за Президентом РФ расположено Правительство РФ, к которому обращено уточняющее указание нормы ст. 10 Закона о бесплатной юридической помощи о необходимости установить не только компетенцию всего уполномоченного федерального органа исполнительной власти, действующего в рассматриваемой сфере, но и полномочия его должностных лиц.

Представляется, что такая логика построения закона оправданна, поскольку основной объем работ в сфере обеспечения основных прав и свобод возложен на органы исполнительной власти. Правительство РФ возглавляет систему органов исполнительной власти и согласно п. «е» ст. 114 Конституции обязано принимать меры для обеспечения прав и свобод граждан. Непосредственно эти меры принимают соответствующие федеральные органы исполнительной власти, органы исполнительной власти субъектов Федерации и муниципальных образований.

Некоторые авторы обратили внимание, что «норма статьи 9 и 10 упоминает эти органы во множественном числе, что косвенно подтверждает высказанное выше предположение о разделении механизма управления двумя системами бесплатной юридической помощи между несколькими уполномоченными федеральными органами исполнительной власти» [4].

«Ни одно социальное право гражданина России не может быть реализовано без соответствующих правовых действий уполномоченных институтов власти по установлению необходимых юридических фактов, например по установлению пенсионного стажа, наполнению бюджетов средствами, необходимыми для осуществления этих прав. Значительную роль органы исполнительной власти играют и в процессе охраны и защиты прав и свобод» [5].

В соответствии с Федеральным конституционным законом от 17.12.1997 № 2-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» (далее — Закон о Правительстве РФ) [6] Правительство РФ, федеральные министерства, службы, агентства в случае обращения к ним граждан дают разъяснения по вопросам законодательства или направляют эти обращения в компетентные органы, которые должны оказывать юридическую и практиче-

скую помощь в решении поставленных вопросов.

Так, на официальном сайте Правительства РФ ежемесячно публикуется отчет об обращениях граждан, поступивших в адрес Правительства РФ, в котором содержится обширный аналитический материал о количестве поступивших обращений, их тематике и территориальной принадлежности. Например, в марте 2014 г. в адрес Правительства РФ поступило 7 567 обращений, в том числе 265 коллективных, под которыми поставили подписи 18 622 человека [7].

В форме электронного документа на официальный сайт Правительства РФ гражданами направлено более 4,7 тыс. обращений.

Одновременно в Правительство РФ продолжали поступать обращения граждан по различным темам социально-экономического характера.

В марте высокая активность по соотношению количества поступивших писем на 10 тыс. жителей отмечена в Центральном федеральном округе, особенно в г. Москве, Московской, Калужской, Тверской и Воронежской областях. Среднему показателю по России в целом соответствует активность жителей Северо-Западного, Южного, Приволжского и Сибирского федеральных округов. При этом чаще всего обращались в Правительство РФ жители г. Санкт-Петербурга, Астраханской, Иркутской, Кировской, Ростовской, Самарской, Томской областей, Краснодарского, Красноярского, Пермского краев, республик Башкортостан, Карелия и Хакасия.

Обращения, которые были наиболее важны и социально значимы передавались в секретариаты Председателя Правительства РФ и его заместителей (53 письма), руководству Аппарата Правительства РФ (восемь заявлений) и в департаменты Аппарата Правительства РФ (352 письма).

В федеральные органы исполнительной власти и их территориальные подразделения направлено 2 468 заявлений, 1 670 обращений — в региональные органы исполнительной власти. В органы местного самоуправления, органы прокуратуры и другие организации переадресовано по принадлежности 2 454 письма. На контроль взято 324 обращения.

В марте 2014 г. поступило 474 ответа о результатах рассмотрения писем, в том числе 325 — из органов исполнительной власти субъектов РФ. В 72 ответах сообщается о положительном решении поставленных вопросов либо о принятых мерах, 343 авторам даны необходимые разъяснения. Факты, изложенные заявителями, подтвердились в 69 случаях, 46 заявлений проверено с выездом на место, к ответственности привлечено 14 должностных лиц. Отказано в удовлетворении просьб 30 авторам в связи с отсутствием на то правовых оснований, в 49 случаях изложенные факты не нашли своего подтверждения.

Нарушены сроки рассмотрения 24 обращений, 29 писем оставлено на дополнительном контроле.

«Приемную Правительства Российской Федерации посетили 516 человек, в т. ч. 15 граждан приняты Министром юстиции Российской Федерации А. В. Коноваловым. Специалистами отдела по работе с обращениями граждан даны разъяснения 301 посетителю и рассмотрено 200 писем, представленных в Приемную Правительства Российской Федерации.

В феврале 2014 года в адрес Правительства Российской Федерации поступило 8 159 обращений, в том числе 198 коллективных, под которыми поставили подписи 9 133 человека.

В форме электронного документа на официальный сайт Правительства Российской Федерации поступило 5 500 обращений.

Наиболее важные, социально значимые обращения передавались в секретариаты Председателя Правительства Российской Федерации и его заместителей (58 писем), руководству Аппарата Правительства (5 заявлений) и в департаменты Аппарата Правительства (392 письма).

В федеральные органы исполнительной власти и их территориальные подразделения направлено 1 633 заявления, 2 241 обращение — в региональные органы исполнительной власти. В органы местного самоуправления, органы прокуратуры и другие организации переадресовано по принадлежности 3 178 писем. На контроль взято 360 обращений.

В феврале 2014 года поступило 413 ответов о результатах рассмотрения писем, в том числе 266 — из органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации. В 74 ответах сообщается о положительном решении поставленных вопросов либо о принятых мерах, 306 авторам даны необходимые разъяснения. Факты, изложенные заявителями, подтвердились в 66 случаях, 48 заявлений проверено с выездом на место, к ответственности привлечено 23 должностных лица. Отказано в удовлетворении просьб 20 авторам в связи с отсутствием на то правовых оснований, в 30 случаях изложенные факты не нашли подтверждения. Нарушены сроки рассмотрения 23 обращений, 13 писем оставлено на дополнительном контроле.

Приемную Правительства Российской Федерации посетил 361 человек, в т. ч. 6 граждан лично приняты Министром финансов Российской Федерации А. Г. Силуановым. Специалистами отдела по работе с обращениями граждан даны разъяснения 228 посетителям и рассмотрено 127 писем, представленных в Приемную Правительства Российской Федерации.

В январе 2014 года в адрес Правительства Российской Федерации поступило 6 766 обращений, в том числе 215 коллективных, под которыми поставили подписи 9 216 человек.

В форме электронного документа на официальный сайт Правительства Российской Федерации поступило более 3 700 обращений.

Наиболее важные, социально значимые обращения передавались в секретариаты Председателя Правительства Российской Федерации и его заместителей (61), руководству Аппарата Правительства (6) и в департаменты Аппарата Правительства (361).

В федеральные органы исполнительной власти и их территориальные подразделения направлено 1 205 заявлений, 1 732 обращения направлено для рассмотрения в региональные органы исполнительной власти, в органы местного самоуправления, органы прокуратуры и другие организации переадресовано по принадлежности 2 899 писем. На контроль взято 290 обращений.

В январе 2014 года поступило 484 ответа о результатах рассмотрения писем, в том числе 340 — из органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации. В 84 ответах сообщается о положительном решении поставленных вопросов либо о принятых мерах, 369 авторам даны необходимые разъяснения. Факты, изложенные заявителями, подтвердились в 77 случаях, 70 заявлений проверено с выездом на место, к ответственности привлечено 21 должностное лицо. Отказано в удовлетворении просьб 16 авторам в связи с отсутствием на то правовых оснований, в 48 случаях изложенные факты не нашли своего подтверждения. Нарушены сроки рассмотрения 36 обращений, 15 писем оставлено на дополнительном контроле.

Приемную Правительства Российской Федерации посетили 325 граждан, в том числе 21 человек принят в рамках личного приема Министром сельского хозяйства Российской Федерации Н. В. Федоровым. Специалистами отдела по работе с обращениями граждан даны разъяснения 179 посетителям и рассмотрено 125 писем, поступивших в Приемную Правительства Российской Федерации» [8].

Некоторые авторы считают, что «с передачей государственных юридических бюро в ведение субъектов Федерации не только Правительство, но и Министерство юстиции России утрачивает непосредственный контакт с органами и организациями, оказывающими гражданам бесплатную юридическую помощь. За ними остается только функция общего управления системой оказания этой помощи в соответствии с конституционным принципом единства вертикали органов исполнительной власти (см. ч. 2 ст. 77 Конституции Российской Федерации)» [9]. По мнению автора, такие опасения беспочвенны, так как в силу федеративного устройства РФ субъекты Федерации согласно Конституции обладают конституционным правом самостоятельного формирования системы региональных органов исполнительной

власти. Именно поэтому в большинстве субъектов образованы самостоятельные органы исполнительной власти, не входящие в структуру органов Минюста России, но обеспечивающие оказание гражданам бесплатной юридической помощи. На Правительство РФ возлагается обязанность по координации усилий органов исполнительной власти всех уровней, направленных на эффективное обеспечение граждан бесплатной юридической помощью.

Определение вектора государственной политики в области обеспечения граждан бесплатной юридической помощью относится и к полномочиям Правительства РФ. Напомним, что непосредственное определение таких направлений законодатель отнес к компетенции главы государства (см. Закон о бесплатной юридической помощи). В целом содержание п. 1 ст. 10 Закона о бесплатной юридической помощи в Российской Федерации согласуется с нормами Закона о Правительстве РФ.

Так, ст. 19 Закона о Правительстве РФ закрепляет полномочия Правительства РФ в сфере обеспечения законности, прав и свобод граждан, борьбы с преступностью, в числе которых участие в разработке и реализации государственной политики в области обеспечения безопасности личности, общества и государства; осуществление мер по обеспечению законности, прав и свобод граждан, по охране собственности и общественного порядка, по борьбе с преступностью и другими общественно опасными явлениями.

В частности, порядок взаимодействия и координации деятельности органов исполнительной власти субъектов РФ и территориальных органов федеральных органов исполнительной власти Правительством РФ определен в постановлении Правительства РФ от 05.12.2005 № 725 «О взаимодействии и координации деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и территориальных органов федеральных органов исполнительной власти» [10]. Среди вопросов, по которым осуществляется такое взаимодействие, — обеспечение конституционных прав граждан.

Взаимодействие территориальных органов с органами исполнительной власти субъектов РФ осуществляется в следующих формах:

а) планирование и реализация совместных мероприятий;

б) подготовка предложений по совершенствованию законодательства РФ и законодательства субъектов РФ;

в) обмен информацией, необходимой для реализации полномочий органов исполнительной власти и предоставляемой в установленном порядке;

г) иные формы.

В целях координации деятельности органов исполнительной власти субъектов РФ и террито-

риальных органов территориальные органы в пределах своей компетенции обладают целым рядом правомочий, например:

- запрашивают и направляют в установленном порядке от органов исполнительной власти субъектов РФ информационно-аналитические материалы, экономико-статистические данные и иную информацию, необходимую для реализации своих полномочий, а также сведения о принятых решениях;

- осуществляют в порядке и формах, определенных законодательством РФ и соглашениями между федеральными органами исполнительной власти и органами исполнительной власти субъектов РФ, контроль за реализацией органами исполнительной власти субъектов РФ переданных им в установленном порядке полномочий федеральных органов исполнительной власти, а также за соблюдением требований, предъявляемых к качеству и доступности государственных услуг, оказываемых организациями;

- привлекают органы исполнительной власти субъектов РФ (по согласованию) к проведению совместных проверок соблюдения требований, предъявляемых к качеству и доступности государственных услуг, оказываемых организациями;

- направляют высшим должностным лицам субъектов РФ (руководителям высших исполнительных органов государственной власти субъектов РФ) предложения, касающиеся вопросов совместной деятельности территориальных органов и органов исполнительной власти субъектов РФ, а также информацию об основных направлениях и результатах своей деятельности в порядке, установленном положениями об этих территориальных органах; и др.

В целом можно констатировать, что за Правительством РФ и Минюстом России остается функция общего управления системой оказания этой помощи в соответствии с конституционным принципом единства вертикали органов исполнительной власти (ч. 2 ст. 77 Конституции). При этом от того, насколько хорошо Правительством РФ будет скоординирована работа всей системы исполнительных органов в нашей стране, зависит эффективность функционирования всей системы юридической помощи.

Поскольку федеральные органы и организации, как отмечалось выше, самостоятельно не оказывают гражданам бесплатную юридическую помощь, это исключает непосредственное финансирование их деятельности из федерального бюджета, что называется, отдельной строкой. Следовательно, в федеральном бюджете может быть заложена только общая приблизительная цифра расходов, необходимых на оказание всей юридической помощи, как платной (возмещаемой из бюджета на назначаемых адвокатов в уголовном процессе и иные нужды), так и бесплатной, с последующей

корректировкой расходов в ту или иную сторону и олицетворяющая собой приблизительный объем государственных гарантий данного вида помощи.

Денежные средства, предназначенные для возмещения расходов органов и организаций, оказывающих бесплатную юридическую помощь, непосредственно фиксируются в бюджете субъекта Федерации, а порядок поступления их туда определяется особенностями формирования доходной части бюджета этого субъекта: собственные доходы или субсидии из федерального бюджета. Данная же сфера регулируется бюджетным законодательством РФ.

Несмотря на то что число граждан, имеющих право на получение бесплатной юридической помощи, в ближайшие годы будет не уменьшаться, а увеличиваться, Правительству РФ нужно держать открытым перечень полномочий Правительства РФ в данной сфере общественных отношений. Это позволит ему оперативно, без изменения и дополнения Закона о бесплатной юридической помощи реагировать и учитывать все происходящие в этой сфере изменения.

Рассматривая полномочия Правительства РФ в области обеспечения граждан бесплатной юридической помощью, можно прийти к следующему выводу.

Норма п. «е» ч. 1 ст. 114 Конституции и дополненных ст. 19 Закона о Правительстве РФ основана на общих полномочиях Правительства РФ по обеспечению прав и свобод граждан, возложенных на него. При этом необходимо вспомнить, что основные направления внутренней политики государства определяет Президент РФ (см. Закон о бесплатной юридической помощи), а Пра-

вительство РФ как орган, непосредственно ему подконтрольный, участвует в определении основных направлений этой политики, в том числе в части обеспечения граждан бесплатной юридической помощью.

Несмотря на то что согласно ст. 110 Конституции Правительство РФ осуществляет исполнительную власть в стране, это не равнозначно тому, что оно должно выполнять все необходимые для этого действия непосредственно. Напротив, в соответствии со ст. 12 Закона о Правительстве РФ оно добивается этого через управляемые им федеральные министерства и иные федеральные органы исполнительной власти. Не составляют исключение и системы оказания гражданам бесплатной юридической помощи. Таким образом, основное содержание мер, указанных в ст. 10 Закона о бесплатной юридической помощи, по обеспечению функционирования и развития двух систем бесплатной юридической помощи сводится к тому, что Правительство РФ дает указания подчиненным ему Минюсту России и иным органам исполнительной власти, действующим в этой области, если таковые появятся в будущем.

Президент РФ, дополнив своим Указом от 25.05.2012 № 742 «О внесении изменений в Положение о Министерстве юстиции Российской Федерации, утвержденное Указом Президента Российской Федерации от 13 октября 2004 г. № 1313», полномочие по координации деятельности органов и организаций, оказывающих бесплатную юридическую помощь и осуществляющих правовое просвещение населения, определил содержание компетенции уполномоченного федерального органа исполнительной власти [11].

---

1. См.: Конституция Российской Федерации, принята всенародным голосованием 12.12.1993 // СЗ РФ. 2009. № 4. Ст. 445.

2. См.: Тарасов О. А. Законопроект о бесплатной юридической помощи в системе российского законодательства // Бесплатная юридическая помощь: модель взаимодействия государства и гражданского общества (зарубежный и российский опыт) : сб. докладов. М. : Акварель, 2011. С. 320–324.

3. См.: СЗ РФ. 2011. № 48. Ст. 6725.

4. Научно-практический комментарий к Федеральному закону от 21 ноября 2011 г. № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» (постатейный) / под общ. ред. Ю. А. Дмитриева. М. : Юркомпани, 2012. С. 125.

5. Мазаев Д. В. Общая характеристика законодательного обеспечения бесплатной юридической помощи в России : аналитический доклад / Институт права и публичной политики. М. : Акварель, 2011. С. 20.

6. См.: СЗ РФ. 1997. № 51. Ст. 5712.

7. См.: Об обращениях граждан, поступивших в Правительство Российской Федерации в марте 2014 года // Правительство РФ : сайт. URL: <http://government.ru/overviews/11541/> (дата обращения: 10.10.2014).

8. Обращения граждан // Правительство РФ : сайт. URL: <http://government.ru/letters/> (дата обращения: 10.10.2014).

9. Научно-практический комментарий к Федеральному закону от 21 ноября 2011 г. № 324-ФЗ. С. 173.

10. См.: СЗ РФ. 2005. № 50. Ст. 5311.

11. См.: Там же. 2012. № 22. Ст. 2759.

Сокращения, принятые в издании

- абз.** — абзац (-ы)
АО — акционерное (-ые) общество (-а)
БВС — Бюллетень Верховного Суда
БНА — Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти
ВВАС — Вестник Высшего Арбитражного Суда
ВВС — Ведомости Верховного Совета
ВНИИ — Всероссийский научно-исследовательский институт
ВСНД и ВС — Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета
ВЦИК — Всероссийский центральный исполнительный комитет
ВЦСПС — Всесоюзный Центральный Совет Профессиональных Союзов
ВЧК — Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем
ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации
ГИБДД — Государственная инспекция безопасности дорожного движения
гл. — глава (-ы)
Госнаркоконтроль России — Государственный комитет Российской Федерации по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ
Государственная Дума — Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации
ГТК России — Государственный таможенный комитет Российской Федерации
МВД России — Министерство внутренних дел Российской Федерации
Минобороны России — Министерство обороны Российской Федерации
Минфин России — Министерство финансов Российской Федерации
Минэкономразвития России — Министерство экономического развития Российской Федерации
Минюст России — Министерство юстиции Российской Федерации
Наркомюст РСФСР — Народный комиссариат юстиции Российской Советской Федеративной Социалистической Республики
НКВД — Народный комиссариат внутренних дел
ОАО — открытое (-ые) акционерное (-ые) общество (-а)
ОГПУ — Объединенное государственное политическое управление
ООО — общество (-а) с ограниченной ответственностью
ОРД — оперативно-розыскная деятельность
ОРМ — оперативно-розыскные материалы
п. — пункт (-ы)
подп. — подпункты (-ы)
РГ — «Российская газета»
РСФСР — Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
руб. — рубль (-ы)
РФ — Российская Федерация
СВР России — Служба внешней разведки Российской Федерации
СЗ — Собрание законодательства
СМИ — средства массовой информации
СНГ — Содружество Независимых Государств
Совет Федерации — Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации
Совнарком, СНН — Совет Народных Комиссаров
СССР — Союз Советских Социалистических Республик
ст. — статья (-и)
СУ — Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства
США — Соединенные Штаты Америки
тыс. — тысяча (-и)
УИС — уголовно-исполнительная система
ФМС России — Федеральная миграционная служба
ФНС России — Федеральная налоговая служба
ФРГ — Федеративная Республика Германия
ФСБ России — Федеральная служба безопасности Российской Федерации
ФСИН России — Федеральная служба исполнения наказаний
ФСКН России — Федеральная служба Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков
ФСО России — Федеральная служба охраны Российской Федерации
ФССП России — Федеральная служба судебных приставов
ФТС России — Федеральная таможенная служба
ЦИТО — Центральный исправительно-трудовой отдел
ЦК — Центральный Комитет
ч. — часть (-и)

Наши авторы

Акимова Наталия Викторовна — доцент кафедры уголовного права и криминологии РПА Минюста России, кандидат юридических наук, доцент (г. Москва), a.n.w@mail.ru

Бойко Татьяна Константиновна — старший преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин Тульского филиала РПА Минюста России (г. Тула), tk4236@mail.ru

Борсученко Светлана Алексеевна — доцент кафедры уголовного права и криминологии РПА Минюста России, кандидат юридических наук, доцент (г. Москва), bca38@mail.ru

Брыка Игорь Иванович — доцент кафедры уголовного права и криминологии РПА Минюста России, кандидат юридических наук, доцент (г. Москва), iibr04@mail.ru

Добрякова Галина Эдуардовна — преподаватель кафедры авторского права, смежных прав и частноправовых дисциплин Российской государственной академии интеллектуальной собственности, кандидат юридических наук, доцент (г. Москва), galina@dobriakova.ru

Илюшина Марина Николаевна — заведующая кафедрой предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса РПА Минюста России, доктор юридических наук, профессор (г. Москва), alexi59@mail

Красиков Владимир Иванович — заведующий кафедрой философии и социально-экономических наук РПА Минюста России, доктор философских наук, профессор (г. Москва), KrasVladIv@gmail.ru

Кучин Валерий Владимирович — доцент кафедры уголовного права и криминологии РПА Минюста России, кандидат юридических наук (г. Москва), kww-4868@mail.ru

Кузнецова Наталья Ивановна — заведующая кафедрой уголовного права и уголовного про-

цесса юридического факультета Гуманитарно-экономического института им. В. С. Черномырдина Московского государственного машиностроительного университета (МАМИ), кандидат юридических наук, доцент (г. Москва), porfkafedra@mail.ru

Мальков Борис Николаевич — профессор кафедры философии и социально-экономических дисциплин РПА Минюста России, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ (г. Москва), malkovbn@mail.ru

Миронов Денис Валерьевич — начальник Управления правового сопровождения специальных проектов Юридического департамента ОАО «Газпром» (г. Москва), d-mironov2008@yandex.ru

Миронова Алевтина Николаевна — доцент кафедры трудового права и права социального обеспечения РПА Минюста России, кандидат юридических наук, заслуженный юрист РФ, федеральный судья в отставке (г. Москва), Alev.mironova2010@yandex.ru

Никитин Павел Владиславович — доцент кафедры теории и истории государства и права РПА Минюста России, кандидат юридических наук (г. Москва), nikitinP2007@yandex.ru

Новикова Юлия Викторовна — старший преподаватель кафедры уголовно-процессуальных и административно-правовых дисциплин Воронежского института ФСИИ России, кандидат юридических наук (г. Воронеж), yvnov@yandex.ru

Пархоменко Светлана Валерьевна — профессор кафедры уголовного права Иркутского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры РФ, доктор юридических наук, профессор (г. Иркутск), psvet@mail.ru

Ротков Андрей Игоревич — кандидат медицинских наук, доцент (г. Нижний Новгород), fai@mts-nn.ru

Торбин Юрий Григорьевич — декан факультета послевузовского профессионального образования (докторантура, аспирантура), доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ (г. Москва), torbinug@rambler.ru

Фомиченко Михаил Петрович — профессор кафедры конституционного и муниципального права РПА Минюста России, доктор юридических наук (г. Одинцово), fomichenkom.p@mail.ru

Чумакова Ольга Владимировна — доцент кафедры административного и финансового пра-

ва РПА Минюста России, директор юридической клиники РПА Минюста России, кандидат юридических наук, доцент (г. Москва), chumakov@yandex.ru

Чупрова Антонина Юрьевна — профессор кафедры уголовного права и криминологии РПА Минюста России, кандидат юридических наук, доцент (г. Москва), 3959400@mail.ru

Шишкин Сергей Сергеевич — заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин Ижевского юридического института (филиала) РПА Минюста России, кандидат юридических наук (г. Ижевск), ShishkinSergey@mail.ru

Our Authors

Akimova Natalia Viktorovna — the assistant professor of the Criminal Law and Criminology Chair of the Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation, PhD in law, the assistant professor (Moscow), a.n.w@mail.ru

Borsuchenko Svetlana Alexseevna — the assistant professor of the Criminal Law and Criminology Chair of the Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation, PhD in law, the assistant professor (Moscow), bca38@mail.ru

Bryka Igor Ivanovich — the assistant professor of the Criminal Law and Criminology Chair of the Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation, PhD in law, the assistant professor (Moscow), iibr04@mail.ru

Boyko Tatiana Konstantinovna — senior teacher of the Department of Criminal Law of Tula branch of the Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation (Tula), tk4236@mail.ru

Chumakova Olga Vladimirovna — the assistant professor of the Administrative and Finance Chair of the Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation, Director of the Legal Clinic of the Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation, PhD in law, the assistant professor (Moscow), chumakova-ov@yandex.ru

Chuprova Antonina Yurevna — the professor of the Criminal Law and Criminology Chair of the Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation, PhD in law, the assistant professor (Moscow), 3959400@mail.ru

Dobriakova Galina Eduardovna — teacher of the Department of Copyright,

Related Rights and Private Law Subjects of the Russian State Academy of Intellectual Property, PhD in law, the assistant professor (Moscow), galina@dobriakova.ru

Ilyushin Marina Nikolaevna — the head of the Business Law, Civil and Arbitration Proceedings Chair of the Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation, the doctor of law, the professor (Moscow), alexi59@mail

Fomichenko Mikhail Petrovich — the professor of Constitutional and Municipal Law Chair of the Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation, the doctor in law (Odintsovo), fomichenkom.p@mail.ru

Kuchin Valery Vladimirovich — the assistant professor of the Criminal Law and Criminology Chair of the Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation, PhD in law (Moscow), kww-4868@mail.ru

Kuznetsova Natalia Ivanovna — the head of faculty of the Criminal Law and Criminal Procedure the Law Faculty of Humanities — Economic Institute. V. S Chernomyrdin, the Engineering University (MAMI), PhD in law, the assistant professor (Moscow), porfkafedra@mail.ru

Krasikov Vladimir Ivanovich — the head of the Chair of Philosophy and Social and Economic Disciplines of the Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation, the doctor of philosophy, the professor (Moscow), KrasVladlv@gmail.ru

Malkov Boris Nikolaevich — the professor of the Philosophy and Social and Economic Disciplines Chair of the Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation, the doctor of philosophy, the professor, the honored

worker of Science of the Russian Federation (Moscow) malkovbn@mail.ru

Mironov Denis Valerievich — the head of Legal Department for Special Projects of the Gazprom (Moscow), d-mironov2008@yandex.ru

Mironova Alevtina Nikolaevna — the assistant professor of the Chair of Employment Law and Social Security Law of the Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation, the federal judge in retirement (Moscow), Alev.mironova2010@yandex.ru

Nikitin Pavel Vladislavovich — the assistant professor of the Theory and History of State and Law Chair of the Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation (Moscow), PhD in law (Moscow), nikitinP2007@yandex.ru

Novikova Yulia Viktorovna — senior teacher of the Department of Criminal Proceedings and Administrative and Legal Disciplines Voronezh Institute of the Federal Penitentiary Service of the

Russian Federation, PhD in law (Voronezh), yvnov@yandex.ru

Parkhomenko Svetlana Valerievna — the professor of the of Criminal Law Chair of the Irkutsk Law Institute (branch) of the Academy of the Prosecutor General of the Russian Federation, the doctor of Law, the professor (Irkutsk), psvet@mail.ru

Rotkov Andrey Igorevich — PhD in medicine, the assistant professor (Nizhny Novgorod), fai@mts-nn.ru

Shishkin Sergey Sergeevich — the head of Chair of the Izhevsk Legal Institute (branch) of the Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation, PhD in law (Izhevsk), ShishkinSergey@mail.ru

Torbin Yury Grigorievich — the head of the Post-graduate Faculty of the Russian Law Academy of the Ministry of justice of the Russian Federation, the doctor in law, the professor, the honored lawyer of the Russian Federation (Moscow), torbinug@rambler.ru

Вышли из печати

Крылов, Г. О.

Международные проблемы информационного права : монография / Г. О. Крылов ; РПА Минюста России. — М. : РПА Минюста России, 2014. — 124 с. — 1 000 экз. — ISBN 978-5-89172-883-7.

В монографии изложены международные проблемы информационного права, связанные, в частности, с вступлением России во Всемирную торговую организацию 22 августа 2012 г. и с необходимостью выполнения международных стандартов и политики в информационной сфере.

Издание предназначено для студентов юридического факультета и магистратуры, а также научных работников, преподавателей, аспирантов, сотрудников правоохранительных органов, интересующихся проблемами теории и практики международного информационного права.

Вольдимарова, Н. Г.

Преступления в сфере экономической деятельности, совершаемые путем уклонения от исполнения имущественных обязательств : учеб. пособие / Н. Г. Вольдимарова ; РПА Минюста России. — М. : РПА Минюста России, 2014. — 220 с. — 110 экз. — ISBN 978-5-89172-870-7.

Учебное пособие содержит уголовно-правовое исследование и научно-практические комментарии ст. 195–199.2 УК, предусматривающих ответственность за преступления в сфере экономической деятельности, совершаемые путем уклонения от исполнения имущественных обязательств. Пособие подготовлено с учетом последних изменений законодательства в сфере экономической деятельности, современной научной, учебной и специальной литературы, положений и рекомендаций, содержащихся в постановлениях Конституционного Суда РФ, постановлениях Пленума Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ.

Издание предназначено для обеспечения программ подготовки бакалавров и магистров юриспруденции по учебным дисциплинам: «Экономические преступления», «Налоговые преступления. Проблемы, связанные с трудностями привлечения к уголовной ответственности» и рассчитано на студентов очной, очно-заочной, заочной форм обучения.

Дутковский, Е. В.

Право и история художественной культуры (античность) : практикум / Е. В. Дутковский ; РПА Минюста России. — М. : РПА Минюста России, 2014. — 124 с. — 106 экз. — ISBN 978-5-84172-853-0.

Данный практикум предназначен для студентов юридических вузов, обучающихся по программе бакалавриата, изучающих дисциплину «Право и история художественной культуры». В практикуме содержатся иллюстрации произведений художественной культуры, отображающих правовую проблематику периода античности, а также вопросы по курсу «Право и история художественной культуры», относящиеся к теме «Античность».

Правила приема и требования, предъявляемые к рукописям, направляемым в редакцию журнала «Вестник Российской правовой академии»

Приглашая к сотрудничеству, обращаем внимание авторов на то, что к рассмотрению для публикации в журнале «Вестник Российской правовой академии» принимаются рукописи в случае: 1) соблюдения Порядка рецензирования рукописей, поступающих в редакцию журнала «Вестник Российской правовой академии»; 2) соответствия представленных материалов общей тематике журнала, актуальности и научной новизне; 3) соблюдения Требований, предъявляемых к рукописям, направляемым в редакцию журнала «Вестник Российской правовой академии».

Решение о включении рукописи в очередной номер журнала принимает редакционная коллегия.

Редакция оставляет за собой право производить сокращение и редакционные изменения рукописей.

Публикуемые в журнале материалы могут не отражать точку зрения редакционной коллегии.

Авторы несут полную ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, социологических, криминологических и иных данных, имен собственных и прочих сведений, а также за использование данных, не предназначенных для открытой печати.

Плата с аспирантов и авторов других категорий за публикацию рукописей не взимается; гонорары за статью не выплачиваются. Автору, проживающему в Москве, полагается один авторский экземпляр, за которым он приезжает самостоятельно. Иногородним авторам один авторский экземпляр высылается по почте.

Рукописи со всей соответствующей документацией можно представлять в редакцию лично, а также направлять по почте: 117638, г. Москва, ул. Азовская, д. 2, корп. 1, редакция журнала «Вестник Российской правовой академии».

Необходимый комплект документов:

- экземпляр рукописи на бумажном носителе (белая бумага формата А4);
- экземпляр рукописи на электронном носителе (дискета или диск CD-RW, CD-R);
- решение (рекомендация) редакционного совета региона (или вуза); письменная рецензия на рукопись статьи, подготовленная доктором наук, работающим с автором в одном регионе (или вузе) и не являющимся его научным руководителем (консультантом), — для статей, поступающих от вузов, с которыми у редакции журнала имеются договорные отношения;

- выписка из решения кафедры (научного подразделения), где выполнялась работа, содержащая рекомендацию статьи к публикации в журнале, с подписью заведующего кафедрой (руководителя научного подразделения) или его заместителя, заверенной соответствующей кадровой структурой; оформленный и заверенный отзыв специалиста доктора наук, содержащий рекомендацию статьи к публикации в журнале, — для статей, поступающих в редакцию журнала в инициативном порядке;

- письменное представление — для статей, рекомендуемых к печати членами Российской академии естественных наук или членами редакционной коллегии журнала.

*По всем возникающим вопросам обращаться к ответственному секретарю журнала **Геннадию Асафовичу Насимову** по электронной почте **vestnik-rpa@mail.ru** или по телефону **969-16-82**.*

Направление материалов для рассмотрения редакционной коллегией на указанные электронные адреса возможно при представлении в электронном (отсканированном) виде всей необходимой документации со всеми необходимыми подписями и с обязательным последующим направлением всех необходимых материалов (оригиналов) в адрес редакции.

Напоминаем авторам: одно из требований Высшей аттестационной комиссии — включение издания в систему Российского индекса научного цитирования, что сопряжено с размещением представленных материалов статей в открытом доступе в сети Интернет. Направляя материалы в редакцию журнала, автор заведомо соглашается на размещение своих материалов в открытом доступе в сети Интернет.

Тексты статей принимаются исключительно в том случае, если они соответствуют следующим **техническим требованиям:**

- объем — не менее 6 и не более 10 страниц формата А4;
- шрифт — Times New Roman, кегль 14;
- междустрочный интервал — 1,5;
- поля — по 2 см со всех сторон;
- абзацный отступ — 1 см;
- все аббревиатуры и сокращения расшифрованы при первом их употреблении в тексте.

Автор **в обязательном порядке**, помимо документов, перечисленных в Порядке приема рукописей, направляемых в редакцию журнала «Вестник Российской правовой академии», **должен представить:**

- 1) сведения о себе: фамилия, имя (полностью), отчество (полностью), ученая степень, ученое звание, почетное звание, должность (полностью, без сокращений и аббревиатур), основное место работы (учебы), e-mail, город, корреспондентская контактная информация (почтовый адрес для связи с научной общественностью, который может быть размещен в открытом доступе), контактные телефоны;
- 2) перевод сведений о себе (всего перечисленного в п. 1) на английский язык;
- 3) аннотацию статьи;
- 4) ключевые слова статьи;
- 5) пристатейный библиографический список, составленный согласно ГОСТ 7.0.5–2008;
- 6) перевод аннотации, ключевых слов и заглавия статьи на английский язык.

**Подписку на журнал
«Вестник Российской правовой академии»
можно оформить по каталогу
«Газеты, журналы»
Агентства «Роспечать»**

46834

в любом почтовом отделении.

**РОССИЙСКАЯ ПРАВОВАЯ АКАДЕМИЯ
МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦИИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ,**

**входящая в число ведущих юридических вузов России
(основана в 1970 году),**

**проводит обучение по программам магистратуры
(заочная форма обучения):**

- **«ЮРИСТ В СФЕРЕ УПРАВЛЕНИЯ ДОЛГОВЫМИ ОБЯЗАТЕЛЬСТВАМИ»**
(руководитель программы — доктор юридических наук, профессор В. В. Гушин);
- **«ЮРИДИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ БИЗНЕСА»**
(руководитель программы — доктор юридических наук, профессор Е. А. Чефранова);
- **«ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ
И МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ»**
(руководитель программы — доктор юридических наук, профессор В. А. Виноградов);
  - **«ГОСУДАРСТВЕННАЯ СЛУЖБА»**
(руководитель программы — доктор юридических наук, профессор В. Г. Татарян);
  - **«ФИНАНСОВЫЙ ЮРИСТ»**
(руководитель программы — доктор юридических наук, профессор Б. В. Россинский);
- **«ЭКСПЕРТ ПО ПРОБЛЕМАМ ТЕОРИИ ПРАВА И ЮРИДИЧЕСКИМ ПРОЦЕДУРАМ»**
(руководитель программы — доктор юридических наук, профессор М. М. Рассолов);
- **«ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ИНФОРМАТИЗАЦИИ И ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ»**
(руководитель программы — доктор юридических наук, профессор А. В. Морозов);
  - **«МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ»**
(руководитель программы — доктор юридических наук, профессор Г. С. Стародубцев);
  - **«ЮРИСТ В СФЕРЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ
И ПРЕСТУПЛЕНИЙ В ОБЛАСТИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ И МУНИЦИПАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ»**
(руководитель программы — доктор юридических наук, профессор Н. Г. Иванов);
  - **«ДОКАЗЫВАНИЕ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ»**
(руководитель программы — доктор юридических наук, профессор Ю. Г. Торбин).

Занятия проводят ведущие ученые и практические работники органов государственной власти, судьи судов общей юрисдикции, арбитражных судов, практикующие юристы крупных юридических компаний.

Удобный график обучения.

Срок обучения — до 2 лет 5 месяцев.

Набор производится на места с оплатой обучения.

**Наш адрес:
г. Москва, Большой Каретный пер., д. 10а, стр. 1
Тел.: (495) 609-06-35
Сайт: www.rpa-tu.ru**